

ВЕКТОР НАУКИ

Тольяттинского
государственного
университета
Серия: Юридические науки

Основан в 2010 г.

№ 3 (38)

2019

16+

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тольяттинский государственный университет»

Главный редактор

Кристал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент
Литинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор
Хачатуров Рудольф Левонович, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор
Боброва Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор
Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор
Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор
Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор
Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор
Исаев Николай Алексеевич, доктор юридических наук, профессор
Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент
Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук
Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор
Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор
Ляскоуска Катажина, доктор юридических наук, профессор
Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор
Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор
Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, доцент
Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор
Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор
Рябинина Татьяна Кимовна, кандидат юридических наук, профессор
Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования».

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-40002 от 27 мая 2010 г.).

Компьютерная верстка:
Н.А. Никитенко

Ответственный/технический редактор:
Н.А. Никитенко

Адрес редакции: 445020, Россия, Самарская область, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14

Тел.: (8482) 54-63-64

E-mail: vektornaukitgu@yandex.ru

Сайт: <http://www.tltsu.ru>

Подписано в печать 30.09.2019.

Выход в свет 29.11.2019.

Формат 60×84 1/8.

Печать цифровая.

Усл. п. л. 7,7.

Тираж 50 экз. Заказ 3-554-19.

Цена свободная.

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Криштал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор, ректор (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Заместители главного редактора:

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент, заместитель ректора – директор Института права (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Конституционное и административное право» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Хачатуров Рудольф Левонович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор, академик Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности, ректор, профессор кафедры уголовно-правовой специализации (Ереванский университет «Манц», Ереван, Республика Армения).

Боброва Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Конституционное и административное право» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия).

Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия).

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор (Естественно-Гуманитарный Университет в г. Седльце, Седльце, Польша).

Исаев Николай Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и уголовного права (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия).

Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь).

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук (Университет Лазарского, Варшава, Польша).

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор (Юридический институт, Санкт-Петербург, Россия).

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики (Самарский национально-исследовательский университет им. Академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор (Правовая академия Таллинского университета, Таллин, Эстония).

Лясковска Катажина, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии (Университет в Белостоке, Белосток, Польша).

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор (Саратовский филиал Учреждения Российской академии наук Института государства и права РАН, Саратов, Россия).

Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса (Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия).

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор (Самарский национально-исследовательский университет им. Академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой публичного права (Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия).

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности (Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия).

Рябинина Татьяна Кимовна, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики (Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия).

Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор, руководитель научно-исследовательских проектов по вопросам правовой политики, конституционного законодательства и государственного управления (Казахский гуманитарно-юридический университет им. М.С. Нарикбаева, Нур-Султан, Республика Казахстан).

СОДЕРЖАНИЕ

ОСОБЕННОСТИ ПРИЗНАНИЯ ДОГОВОРА УСТУПКИ ПРАВА ТРЕБОВАНИЯ (ЦЕССИИ) НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ О.А. Воробьева, А.А. Гогин.....	5
О НЕСООТВЕТСТВИИ ЧАСТИ 3 СТ. 20.1 КОАП РФ, ПРИНЯТОЙ 19 МАРТА 2019 ГОДА, НОРМАМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И КОНСТИТУЦИИ РФ А.В. Дулгер.....	11
ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ В СТРУКТУРЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ С.В. Кондратюк.....	17
УГОЛОВНЫЙ ПРОСТУПОК И ВОЗМОЖНАЯ ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА ПРОИЗВОДСТВА ПРИ РАССМОТРЕНИИ ПОДПАДАЮЩИХ ПОД УКАЗАННУЮ КАТЕГОРИЮ ДЕЛ А.В. Мурузиди.....	23
УЧРЕДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ РОССИЙСКИХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ Ю.А. Полякова.....	29
КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ СТРУКТУРЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Ю.М. Савельев, В.В. Степанова.....	35
УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯМ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ О.Ю. Савельева, К.А. Забурдаева, Д.Н. Мединовская.....	41
САМОВОЛЬНАЯ ПОСТРОЙКА: АНАЛИЗ НОВОВВЕДЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ А.В. Сергеев.....	47
ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ Е.А. Тарапанова, Л.Я. Добкач.....	52
ПАРЛАМЕНТСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ О.А. Фомичева.....	58
НАШИ АВТОРЫ.....	63

CONTENT

SPECIAL ASPECTS OF VOIDANCE OF A CLAIM ASSIGNMENT (CESSION) AGREEMENT O.A. Vorobyova, A.A. Gogin.....	5
ON THE INCONFORMITY OF PART 3 OF ARTICLE 20.1 OF THE RF AOC ENACTED ON THE 19TH OF MARCH 2019 TO THE NORMS OF INTERNATIONAL LAW AND THE RF CONSTITUTION A.V. Dulger.....	11
VICTIMOLOGICAL DATA IN THE STRUCTURE OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS S.V. Kondratyuk.....	17
CRIMINAL OFFENSE AND ANY PROCEDURAL FORM OF PRODUCTION UNDER CONSIDERATION FALLING UNDER THE SPECIFIED CATEGORY OF CASES A.V. Muruzidi.....	23
CONSTITUENT DOCUMENTS OF RUSSIAN BUSINESS ENTITIES Yu.A. Polyakova.....	29
CRITERIA'S OF ALLOCATION OF ELEMENTS OF STRUCTURE OF LEGAL RESPONSIBILITY Yu.M. Savelyev, V.V. Stepanova.....	35
CRIMINAL POLICY OF RUSSIA IN THE SPHERE OF CYBERCRIME PREVENTION: RATHER-LEGAL ANALYSIS O.Yu. Savelyeva, K.A. Zaburdaeva, D.N. Medinovskaya.....	41
UNAUTHORIZED CONSTRUCTION: THE ANALYSIS OF INNOVATIONS IN THE RF CIVIL CODE A.V. Sergeev.....	47
INFORMATION SECURITY OF A PERSON E.A. Tarapanova, L.Ya. Dobkach.....	52
PARLIAMENTARY RESPONSIBILITY IN LEGISLATION O.A. Fomicheva.....	58
OUR AUTHORS	63

ОСОБЕННОСТИ ПРИЗНАНИЯ ДОГОВОРА УСТУПКИ ПРАВА ТРЕБОВАНИЯ (ЦЕССИИ) НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ

© 2019

О.А. Воробьева, кандидат педагогических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Предпринимательское и трудовое право»
А.А. Гогин, доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры «Предпринимательское и трудовое право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: договор уступки права требования; недействительность договора уступки права требования (цессии), обязательственное право; передача прав.

Аннотация: Актуальность статьи обусловлена тем, что за прошедшую четверть века гражданское законодательство и отдельные его институты стали занимать все более существенное место в жизни российского общества и государства.

В статье освещены некоторые вопросы, характеризующие такой вид договора, применяемого экономическими субъектами, как цессия. Дается определение сделке, в которой одна сторона передает другой стороне право требовать исполнения тех или иных обязательств у третьей стороны. В подобной ситуации прежний кредитор, передающий свое право требования, именуется цедентом, а новый кредитор – цессионарием.

Рассматриваемый вид договора имеет значительный, исторически предопределенный опыт практического применения. В статье выдвигается тезис, что в настоящее время в правовом регулировании данного вопроса, в силу ряда коррективов, внесенных в гл. 24 ГК РФ «Перемена лиц в обязательстве», и разъяснений, изложенных в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 54 от 21 декабря 2017 года, сложились новые обстоятельства. По мнению авторов, они заслуживают внимания участников современных рыночных отношений.

Одним из итогов исследования является вывод, что, в соответствии с положениями гл. 24 ГК РФ, предметом договора цессии могут быть лишь обязательственные права, возникшие в сфере гражданско-правовых отношений. Уступка по рассматриваемому договору иных прав признается судом недействительной.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о необходимости разделения сделок, направленных на установление договорных обязательств, и сделок, направленных на исполнение последних (принцип разделения), является дискуссионным в отечественной науке гражданского права. Тем не менее, у данной идеи в отечественном праве появляются реальные перспективы как на уровне законодательства, так и на уровне судебной практики [1; 2]. Ярким примером ее реализации является, в частности, разделение сделки, направленной на установление обязательства по передаче права требования (соглашения об уступке права), и собственно сделки, направленной на передачу последнего [3] (сделки цессии) [4]. Актуальность проведенного исследования обусловлена тем, что при наличии отрицательных факторов в отечественной экономике многие участники рынка вынуждены передавать просроченные обязательства по товарным и иным кредитам другим заинтересованным субъектам [5].

По мнению В.В. Долинской, обязательственное право представляет собой совокупность правовых норм, опосредствующих процесс перемещения материальных благ из имущественной сферы одного лица в имущественную сферу другого лица, динамику общественного производства [6]. Поэтому вопросы работы с дебиторской задолженностью и взысканием невозвращенных долгов становятся все более значимыми в деятельности организаций и индивидуальных предпринимателей.

Многие указанные выше лица, в целях ускорения санации (оздоровления) отдельных сегментов экономической сферы избавляются от просроченных обязательств путем уступки прав требования – (цессии). Обозначенный термин происходит от лат. *cessio* – официальная уступка, передача своих прав другому лицу [7].

Проанализируем сущность цессии и рассмотрим ее характерные черты более подробно, сразу принимая во внимание не только негативные предпосылки означенного договора, но и свойственные ему некоторые позитивные аспекты.

Во-первых, в настоящее время механизм цессии так или иначе стал для нашей страны закономерным результатом развития предпринимательских отношений и неотъемлемой частью деятельности экономических субъектов. Права требования задолженности, подобно другим имущественным объектам, передаются от одного субъекта к другому.

Во-вторых, при уступке прав требования сторона, выступающая в качестве правопреемника требований (цессионария), также имеет свой прямой интерес:

- а) в качестве процентов за время просрочки;
- б) определенного дисконта с суммы требований в связи с получением к взысканию проблемного долга;
- в) возможностью получения материальной выгоды в виде залогового имущества (при его наличии в соответствии с первоначальным договором).

Передача прав требования осуществляется по договору между первоначальным кредитором (цедентом) и новым кредитором (цессионарием). В соответствии со статьей 384 ГК РФ, право первоначального кредитора переходит к другому кредитору в тех же объемах и на тождественных условиях, которые существовали к моменту перехода права, если иное не предусмотрено законом или договором.

Таким образом, цедент не может передать больше прав цессионарию, чем заинтересованному лицу, чем обладает сам. В результате заключенного договора цессии к цессионарию переходят права, обеспечивающие исполнение обязательств, а так же другие права,

связанные с указанным требованием: неуплаченные проценты и пени; штрафы и неустойка. Здесь необходимо подчеркнуть, что, несмотря на особенности цессии, данный договор подчиняется общим правилам о гражданско-правовых договорах.

Следует отметить, что сторонам запрещается вносить дополнительные поправки в соглашение, изменяющие условия погашения кредита. Кроме того, российским гражданским законодательством запрещена обратная передача прав на долг от цессионария к цеденту. Договор уступки требования (цессии) изначально предполагает, что цедент теряет право требовать покрытия долгов с первичного заемщика. В случае нарушения контрактных обязательств со стороны цессионария цедент должен требовать возвращения своих финансовых средств именно от него, а не от должника. Поэтому оспорить договор цессии практически невозможно. Единственным исключением могут являться только те случаи, когда договор, заключенный между цедентом и цессионарием, содержит грубые нарушения соответствующих правил, предусмотренных действующим законодательством.

Необходимо подчеркнуть, что в соответствии с существующими правилами должник не является стороной договора цессии. Поэтому цедент не обязан согласовывать с ним возможность передачи долга цессионарию. Вместе с тем, после заключения соответствующей сделки первоначальный владелец долга обязан оповестить должника о факте передачи прав на востребование долга третьему лицу. Таким образом, в значительной мере снижается риск должника, связанный с неправильным оформлением платежей и возможным возникновением новых долгов перед цессионарием. При определенных обстоятельствах неведение заемщика о передаче прав на долг третьей стороне не лишает указанный договор статуса легитимности.

При оформлении договора цессии очень важно соблюсти интересы и права всех сторон, участвующих в сделке. Если в заключаемом договоре присутствуют какие-либо условия, противоречащие правилам отечественного гражданского законодательства, то соглашение не может быть оформлено и не подлежит признанию в качестве легитимного документа. Как отмечал В.П. Грибанов, «единство материально-правового содержания права на защиту и его процессуальной формы состоит в том, что возможности материально-правового характера, предоставляемые управомоченному лицу правом на защиту, предполагают и возможность их осуществления в определенной, установленной законом процессуальной форме, в установленном законом порядке» [8, с. 113].

Отметим, что на сегодняшний день отсутствует унифицированный образец, согласно которому разрабатывается соответствующий тип договоров. Участники сделки по передаче прав на востребование задолженности могут составлять контракт в достаточно свободной форме, исходя из собственных возможностей и потребностей. Вместе с тем, для придания договору цессии легально закреплённой юридической силы, при его формировании в обязательном порядке должны быть соблюдены следующие требования:

- указать дату составления и подписания договора;
- описать стороны с полным перечнем реквизитов участников сделки;

- указать предмет договора;
- подробно изложить взаимные права и обязанности;
- строго зафиксировать условия порядка передачи права на востребование долга;
- перечислить меры ответственности за нарушение пунктов договора и платежные реквизиты каждого участника договора [9].

Лишь при соблюдении всех вышеперечисленных правил полностью проработанный и сформированный документ подписывается каждым участником конкретного соглашения. Как справедливо отмечал М.И. Байтин, «диспозитивная норма предоставляет сторонам свободу усмотрения в выборе по взаимному согласию определенного варианта не только исполнения прав, но и исполнения соответствующих обязанностей» [10, с. 224].

Цель исследования – анализ положений современного российского гражданского законодательства, регулирующего заключение договора цессии, выявление имеющихся правовых проблем в данной области и предложение путей их решения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В отличие от многих других законодательных установлений, в гл. 24 ГК РФ определены понятия существенных условий договора уступки права (требования). Проанализировав нормы ст. 432 ГК РФ, мы пришли к выводу, что наиболее фундаментальным критерием, определяющим смысл и содержание означенного договора, следует считать условие о его предмете. Поэтому при заключении договора цессии сторонам следует уделить внимание тщательной проработке предмета соответствующего договора. Данное обстоятельство, признаваемое существенным, прямо закреплено в п. 1 ст. 432 ГК РФ «Основные положения о заключении договора». В противном случае, при отсутствии соглашения сторон о предмете (передаваемом праве требования) договор цессии будет считаться незаключенным в связи с несогласованностью предмета договора. Представителям договаривающихся сторон также необходимо учитывать тот факт, что на основании ст. 388 ГК РФ без согласия должника не допускается уступка требования по обязательству, в котором личность кредитора имеет существенное значение для должника.

На многолетней практике значительное число спорных вопросов, возникающих в хозяйственной деятельности экономических субъектов, решается в судебном порядке. Тем не менее, из-за различного толкования отдельных законодательных требований также возникают спорные ситуации. К примеру, ранее при обращении к содержанию ст. 384 ГК РФ «Объем прав кредитора, переходящих к другому лицу», между многими участниками судебного процесса неоднократно возникали противоречия относительно допустимости уступке части требования. Некоторые арбитражные суды не признавали возможность частичной уступки права требования кредитора в обязательстве. Данная позиция судебных органов не являлась произвольной, а основывалась на прежней редакции указанной нормы, которая указывала, что право первоначального кредитора переходит к новому кредитору в том же объеме и на тех же условиях, которые существовали к моменту перехода права.

Разумеется, подобные решения, не удовлетворяющие позиции заинтересованных лиц, вызвали рост количества обращений в вышестоящие судебные инстанции. На первоначальном этапе сложившуюся обстановку разъяснил Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ, существовавший в нашей стране до 6 августа 2014 года. В его Информационном письме от 30 октября 2007 года № 120 констатировалось, что уступка права (требования), предмет исполнения по которому делим, не противоречит законодательству. Окончательная точка была поставлена Федеральным законом от 21 декабря 2013 года № 367-ФЗ, закрепившим новую редакцию ст. 384 ГК РФ, где в п. 2 подчеркивается: «право требования по денежному обязательству может перейти к другому лицу в части, если иное не предусмотрено законом».

В настоящее время кроме законодательных правил одним из основных руководящих документов для судов нижестоящих инстанций является Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 года № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» [11]. Положения вышепоименованного вердикта уточняют несколько решающих моментов. Прежде всего указывается, что уступка требования совершается на основании договора, заключенного первоначальным кредитором (цедентом) и новым кредитором (цессионарием). Еще одно важное указание, изложенное в Постановлении № 54, – высшей российской судебной инстанцией представлена достаточно четкая характеристика договора между цедентом и цессионарием, что предоставляет участникам соглашения существенную свободу действий. Это выражается в том, что соответствующий договор может быть предусмотрен не только законом, но и иными правовыми актами, смешанным договором, а также договором, не предусмотренным законом или иными правовыми актами.

По нашему мнению, в означенных положениях еще раз отмечается значимость и ведущая роль принципа диспозитивности как одного из фундаментальных и бесспорных начал российского обязательственного права. Как отмечает А.Г. Плешанов, сущность принципа диспозитивности состоит в неразрывном единстве двух составляющих: свободы выбора варианта получения защиты нарушенного права и свободы усмотрения стороны в выборе вариантов поведения в процессе защиты права [12].

Для иллюстрации текущего положения в рассматриваемой сфере социальных отношений приведем несколько типичных примеров из практики отечественных арбитражных судов. Так, Постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от 7 октября 2016 года № Ф06-13716/2016 было вынесено решение по делу № 49-6477/2015. Истец требовал признать недействительным договор уступки требования по договору о предоставлении субсидий. В своем заявлении он указывал на тот факт, что денежные средства, право требования которых уступлено по спорному договору, являются бюджетными средствами, имеют строго целевое назначение и могут быть направлены только конкретному хозяйствующему субъекту. Суд признал доводы истца убедительными и вынес решение в его пользу, ибо при заключении оспариваемого договора был на-

рушен принцип адресности и целевого характера выделяемых бюджетных средств [13].

Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 27 декабря 2017 года № Ф05-4335/2017 по делу № А40-31573/16 признан недействительным договор уступки прав требований к заемщику по кредитному договору. Суть судебного решения состояла в том, что заключение договора цессии в преддверии банкротства должника в условиях непредоставления контрагентом равноценного встречного обеспечения не может квалифицироваться как сделка, совершенная в процессе обычной хозяйственной деятельности. Фактически, указанная сделка направлена на причинение имущественного вреда кредиторам должника.

Следует полагать, что в вышеприведенном случае также сложилась ситуация, когда ответчик по указанному делу может быть привлечен к гражданско-правовой ответственности. В его поведении явно наличие признаков гражданского деликта. Однако в подобном случае окончательное решение остается за истцом. Именно он наделен правом обращения в суд за защитой своих интересов по условиям, закрепленным в нормах ГК РФ.

В целом, ст. 327.1 ГК РФ была положительно воспринята доктриной [14] и практикой в контексте снятия извечного вопроса о допустимости потестативных условий и расширения свободы участников по приданию характера условия таким обстоятельствам, как, например, совершение юридически значимых действий по одобрению сделки уполномоченными органами стороны договора или одобрение банком заявки компании-приобретателя на получение кредита [15], предоставление договора залога и поручительства для возникновения обязанности по предоставлению кредита или начало действия прав и обязанностей в отношении производного финансового инструмента только при предоставлении обеспечительного платежа [16]. Следует согласиться с В.В. Васневым, указывающим на то, что использование в законодательствах разных стран терминов «условная сделка» или «условное обязательство» вызвано не доктринальными расхождениями, а особенностями структуры актов гражданского законодательства – наличием или отсутствием в них общих положений о сделках [17].

В современном обществе юридическая ответственность возможна только в правовом поле, в границах законов, определяющих признаки и составы противоправных деяний, санкции за их совершение, процедуры исследования всех обстоятельств, сопутствующих совершенному деянию, принятие уполномоченным государственным органом обоснованного, справедливого решения о правонарушении порядок его исполнения [18].

К рассмотрению споров, связанных с конфликтами анализируемой категории, обращаются и в Верховный Суд РФ. К примеру, его Определением от 3 июля 2018 года № 307-ЭС18-8416 по делу № А56-16583/2017 в кассационном порядке пересмотрено дело о взыскании задолженности по договору уступки прав и процентов за пользование чужими денежными средствами. По данному делу было решено следующее: в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам

Верховного суда РФ отказано, поскольку следовало получить согласие покупателя на замену продавца по договору купли-продажи.

С 1 июня 2018 года на основании Федерального закона от 26 июля 2017 года № 212-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую ГК РФ и отдельные законодательные акты РФ» вступили в действие уточненные положения гражданского законодательства, направленные на конкретизацию многих вопросов, в том числе связанных с договором цессии. Кратко рассмотрим их содержание. Прежде всего отметим существенные коррективы правил ст. 386 ГК РФ «Возражения должника против требования нового кредитора». К примеру, в прошлом ее условия не ограничивали возможности должника выдвигать свои претензии против нового кредитора.

В настоящее время согласно п. 5 применяемой ныне редакции вышепоименованной статьи должник обязан сообщить новому кредитору об известных ему основаниях для возражений и предоставить возможность ознакомиться с ними в разумный срок. Если должник не выполнит указанное законодательное требование, то он утрачивает перспективу ссылаться в будущем на такие основания [19].

До 2018 года уступка права требования (цессии) была запрещена договором, поэтому сделку по уступке можно признать недействительной по иску должника лишь в том случае, если другая сторона знала или должна была знать о запрете ч. 2 ст. 382 ГК РФ. Согласно положениям, вступившим в действие с 1 июня 2018 года, это ограничение применяется лишь в отношении уступки неденежных исполнений, определенных ч. 4 ст. 388 ГК РФ. В текущий момент в договоре уступки права требования разрешено освобождать cedent от ответственности за недействительность переданного требования. Следует отметить, что это становится возможным лишь при условии, что соглашение связано с предпринимательской деятельностью, а cedent не знал, не мог знать либо предупредил контрагента об этих рисках (ч. 1 ст. 390 ГК РФ). По нашему мнению, дополнение в ст. 386 ГК практически полностью защищает нового кредитора от возможных претензий, которые могут появиться спустя некоторое время.

Проанализировав п. 7 ст. 448 ГК РФ, можно сделать вывод, что запрет уступки прав по договорам, заключение которых возможно только путем проведения торгов, не затрагивало требований по денежным обязательствам, но с 1 июня 2018 года в ФЗ от 26.07.2017 № 212-ФЗ в п. 7 ст. 448 ГК РФ внесены изменения, согласно которым победитель торгов вправе уступать требования по денежному обязательству.

Следует отметить, что ранее существовало правило, при котором должник мог выдвинуть против нового кредитора возражения, основания которых возникали ранее ст. 386 ГК РФ. В настоящее время должник обязан сообщить новому кредитору о возражениях в «разумный срок» после того, как получит уведомление об уступке. В противном случае он потеряет право на возражения. Сколько времени составит этот срок – решает, как принято, судебная практика. Однако эти изменения заметно ограничивают права должника.

По общему правилу право требования переходит к кредитору в полном объеме, поэтому указание в со-

глашении об уступке на объем уступаемого права, если стороны не желали отходить от этого общего правила, является излишним. Однако при уступке части требования объем уступаемых прав должен быть определен, иначе предмет сделки может быть признан несогласованным [20]. Также следует отметить, что переход прав по основному обязательству влечет переход к новому кредитору и залоговых прав, возникших из договора о залоге или на основании закона.

ВЫВОДЫ

К общим выводам, сделанным на основе проведенного исследования, следует отнести следующие тезисы:

1. Предметом договора могут быть лишь обязательственные права.

2. Первоначальный кредитор и новый кредитор солидарно обязаны возместить должнику – физическому лицу необходимые расходы, вызванные переходом права, если уступка, которая повлекла такие расходы, была совершена без согласия должника. Данная норма применима и в ситуации, когда дополнительные расходы вызываются «частичной» уступкой.

3. Должнику-предпринимателю или юридическому лицу, если было дано согласие на уступку, подлежат возмещению дополнительные расходы первоначальным кредитором – cedentом в силу общего принципа, согласно которому дополнительные расходы подлежат отнесению на сторону в обязательстве, действия которой повлекли их возникновение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воробьева О.А., Чертакова Е.М. Понятие и принципы гражданского права // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 4. С. 469–471.
2. Самигулина А. Суброгация договора поручительства // Вестник арбитражной практики. 2015. № 3. С. 12–17.
3. Зорин А.А., Маслов В.В. К вопросу об абстрактной модели передачи прав требования // Юрист. 2017. № 6. С. 35–39.
4. Пункт 1 информационного письма Президиума ВАС РФ от 30 октября 2007 г. № 120 «Обзор практики применения арбитражными судами положений главы 24 ГК РФ» // Вестник Высшего Арбитражного суда РФ. 2008. № 1. С. 50–51.
5. Карапетов А.Г., Бевзенко Р.С. Комментарий к нормам ГК об отдельных видах договоров в контексте постановления Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 8-9. С. 4–106.
6. Долинская В.В. Договоры в предпринимательской деятельности. М.: Эксмо, 2005. 208 с.
7. Головистикова А.Н., Грудцына Л.Ю. Толковый словарь юридических терминов. М.: Эксмо, 2008. 448 с.
8. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. 411 с.
9. Российское предпринимательское право / под ред. В.А. Хохлова. 2-е, изд. М.: РИОР, 2014. 453 с.
10. Байтин М.И. Сущность права. Современное нормативное правопонимание на грани двух веков. Саратов: СГАП, 2001. 416 с.
11. Мельниченко О.А. Некоторые вопросы обусловленного и встречного исполнения обязательств // Закон. 2017. № 1. С. 122–135.

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: [consultant.ru>document/cons_doc_LAW_286129/](http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286129/).
13. Плешанов А.Г. Диспозитивное начало в сфере гражданской юрисдикции: проблемы теории и практики. М.: НОРМА, 2002. 352 с.
14. Сергеев А.П., Терещенко Т.А. Реформа Гражданского кодекса Российской Федерации: общий комментарий новелл обязательственного права // Арбитражные споры. 2015. № 3. С. 145–166.
15. Аверин В. Сделки М&А: механизмы защиты // ЭЖ-Юрист. 2015. № 46. С. 1–3.
16. Буркова А.Ю. Некоторые изменения Гражданского кодекса Российской Федерации с точки зрения российского банковского юриста // Банковское право. 2015. № 6. С. 7–14.
17. Васнев В.В. Природа условного обязательства до разрешения отлагательного условия // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2012. № 12. С. 23–26.
18. Гогин А.А. Правонарушение: общетеоретический, межотраслевой и отраслевой аспекты. М.: Юрлитинформ, 2016. 376 с.
19. Поляк М.И. Расторжение договора цессии // Legal360: аналитический портал. URL: legal360.ru/rastorzenie-dogovora-cessii-polyak-m-i.html.
20. Новоселова Л. Объем прав кредитора, переходящих к другому лицу (комментарий к ст. 384 ГК РФ) // Хозяйство и право. 2016. № 3. С. 3–18.
6. Dolinskaya V.V. *Dogovory v predprinimatelskoy deyatel'nosti* [Contracts in the business: a Training manual]. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 208 p.
7. Golovistikova A.N., Grudtsyna L.Yu. *Tolkovyy slovar yuridicheskikh terminov* [Explanatory dictionary of legal terms]. Moscow, Eksmo Publ., 2008. 448 p.
8. Griбанov V.P. *Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav* [Implementation and protection of civil rights]. Moscow, Statut Publ., 2000. 411 p.
9. Khokhlova V.A., ed. *Rossiyskoe predprinimatelskoe pravo* [Russian business law]. 2nd ed. Moscow, RIOR Publ., 2014. 453 p.
10. Baytin M.I. *Sushchnost prava. Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvukh vekov* [The Essence of law. Modern regulatory law on the verge of two centuries]. Saratov, SGAP Publ., 2001. 416 p.
11. Melnichenko O.A. Some problems due to a counter-performance of obligations. *Zakon*, 2017, no. 1, pp. 122–135.
12. The resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from December 21, 2017 No. 54 “On certain issues of application of the provisions of Chapter 24 of the Civil code of the Russian Federation about change of persons in the obligation under the transaction”. *Konsultant-Plyus: spravochno-pravovaya sistema*. URL: [consultant.ru>document/cons_doc_LAW_286129/](http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286129/).
13. Pleshanov A.G. *Dispozitivnoe nachalo v sfere grazhdanskoy yurisdiktsii: problemy teorii i praktiki* [Dispositive beginning in the sphere of civil jurisdiction: problems of theory and practice]. Moscow, NORMA Publ., 2002. 352 p.
14. Sergeev A.P., Tereshchenko T.A. Reform of the Civil code of the Russian Federation: General comment of novellas of the law of obligations. *Arbitrazhnye spory*, 2015, no. 3, pp. 145–166.
15. Averin V. Transactions M&A: mechanisms of protection. *EZh-Yurist*, 2015, no. 46, pp. 1–3.
16. Burkova A.Yu. Some changes of the Civil code of the Russian Federation from the point of view of the Russian banking lawyer. *Bankovskoe pravo*, 2015, no. 6, pp. 7–14.
17. Vasnev V.V. The Nature of contingencies to resolve suspensive conditions. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF*, 2012, no. 12, pp. 23–26.
18. Gogin A.A. *Pravonarushenie: obshcheteoreticheskiy, mezhotraslevoy i otraslevoy aspekty* [Offense: theoretical, cross-sectoral and sectoral aspects]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2016. 376 p.
19. Polyak M.I. Termination of the assignment agreement. *Legal360: analiticheskiy portal*. URL: legal360.ru/rastorzenie-dogovora-cessii-polyak-m-i.html.
20. Novoselova L. Volume of rights of the creditor passing to another person (comment to Art. 384 of the civil code). *Khozyaystvo i pravo*, 2016, no. 3, pp. 3–18.

REFERENCES

1. Vorobeva O.A., Chertakova E.M. Concept and principles of civil law. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*, 2017, vol. 6, no. 4, pp. 469–471.
2. Samigulina A. Subrogation a contract of guarantee. *Vestnik arbitrazhnoy praktiki*, 2015, no. 3, pp. 12–17.
3. Zorin A.A., Maslov V.V. On the abstract model of transfer of rights of claim. *Yurist*, 2017, no. 6, pp. 35–39.
4. Item 1 of the information letter of Presidium VAS the Russian Federation from October 30, 2007 No. 120 “The Review of practice of application by arbitration courts provisions of Chapter 24 of GK of the Russian Federation”. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo suda RF*, 2008, no. 1, pp. 50–51.
5. Karapetov A.G., Bevzenko R.S. Commentary on the rules of the civil code on certain types of contracts in the context of the resolution of the Plenum of the Russian Federation “On freedom of contract and its limits”. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF*, 2014, no. 8-9, pp. 4–106.

SPECIAL ASPECTS OF VOIDANCE OF A CLAIM ASSIGNMENT (CESSION) AGREEMENT

© 2019

O.A. Vorobyova, PhD (Pedagogy), Associate Professor, Head of Chair “Business and Labor Law”
A.A. Gogin, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor of Chair “Business and Labor Law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: claim assignment agreement; invalidity of a claim assignment (cession) agreement; law of obligations; transfer of rights.

Abstract: The relevance of the paper is caused by the fact that over the past quarter-century, civil legislation and its separate institutions take the most significant place in the life of Russian society.

The paper considers some issues characterizing such type of a contract used by economic entities as a cession. The authors define a transaction in which one party transfers to the other party the right to enforce the performance of certain obligations from a third party. In such a situation, the former creditor transferring its claim is referred to as an assignor and the new creditor as an assignee.

This type of agreement has a significant historically predetermined experience of practical application. The paper proposes the thesis that, at present, new circumstances emerged in legal regulation of this matter due to some amendments to Chapter 24 of the Civil Code of the Russian Federation “Substitution of parties in the obligation” and the clarifications worded in the Decision of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 54 dated the December 21st, 2017. According to the authors, they deserve the attention of the participants of modern market relations.

One of the results of the study is the conclusion that, according to the provisions of Chapter 24 of the Civil Code of the Russian Federation, only liability rights emerging in the sphere of civil law relations may be the subject matter of an assignment agreement. The court considers cession of other rights under such agreement as invalid.

О НЕСООТВЕТСТВИИ ЧАСТИ 3 СТ. 20.1 КОАП РФ, ПРИНЯТОЙ 19 МАРТА 2019 ГОДА, НОРМАМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И КОНСТИТУЦИИ РФ

© 2019

А.В. Дулгер, преподаватель кафедры «Теория и история государства и права»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: № 28-ФЗ; ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ; критика власти; критика в СМИ; критика органов государственной власти; деловая репутация; органы государственной власти; должностные лица.

Аннотация: Статья посвящена анализу ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ, принятой 18 марта 2019 года и названной «законом о запрете оскорбления власти». Результат практического применения указанного закона представляется спорным и не соответствующим цели, для достижения которой он был принят. Поэтому предлагается следующий тезис: положения ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ не соответствуют нормам международного права, в частности Декларации о свободе политической дискуссии в СМИ, принятой 12 февраля 2004 г. на 872-м заседании Комитета Министров Совета Европы, а также Конституции РФ.

Проводится анализ действующих правовых положений законодательства, связанных с механизмами защиты чести, достоинства и деловой репутации в зависимости от субъекта, в отношении которого были нарушены указанные права. Анализируются особенности правовой защиты указанных прав публичных лиц и государственных служащих с точки зрения норм международного права, Конституции РФ и ГК РФ.

Рассматривается вопрос о соответствии указанных изменений принципам свободы слова, политической дискуссии и установленным нормам международного права.

В результате исследования автор делает вывод о негативных последствиях применения ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ, например, о том, что расширились привилегии органов государственной и муниципальной власти и их должностных лиц, появились дополнительные механизмы защиты их чести, достоинства и деловой репутации, в отличие от остальных граждан, что, по мнению автора, тормозит развитие демократического государства и гражданского общества.

ВВЕДЕНИЕ

18 марта 2019 года Президент РФ подписал законопроект № 28-ФЗ, который дополнил ст. 20.1 КоАП РФ ч. 3, предусматривающей административную ответственность за распространение в информационно-телекоммуникационных сетях и в сети «Интернет» выраженной в неприличной форме информации, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, выражает явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации. Совершение указанных действий влечёт за собой наложение административного штрафа в размере от тридцати тысяч до ста тысяч рублей. Принятие указанного закона привело к тому, что правоприменительная практика возымела карательный характер в отношении граждан, которые в грубой форме критиковали государственную власть. В средствах массовой информации неоднократно публикуются сообщения по данной теме. Как следствие – граждане не понимают тенденций законодательства и отрицательно воспринимают деятельность органов государственной и муниципальной власти.

На проблемы правоприменительной практики указанной статьи обратили внимание в ходе «Прямой линии» с Президентом РФ, проведенной 20 июня 2019 года. Вопрос был из Архангельской области – обратившиеся описали ситуацию, когда гражданин был привлечен к административной ответственности за фразу «со всем оборзели», высказанную в адрес органов власти. В свою очередь, Президент ответил, что цель принятого закона состоит в борьбе с оскорблением символов государства (флаг, герб и т. д.), а вовсе не в запрете критики власти. Однако действия правоохранительных

и судебных органов говорят об обратном. Очевидна тенденция к привлечению граждан к административной ответственности за малозначительные деяния. Грань между критикой и оскорблением проводится правоохранительными и судебными органами субъективно. Отсутствуют критерии, позволяющие достоверно установить, какую цель имеет то или иное высказывание.

Предметом исследования являются нормы Конституции РФ и нормы международного права, регулирующие право на честь, достоинство и деловую репутацию, и их соответствие указанным нормам ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ, принятой 19 марта 2019 года. В качестве метода исследования выбран сравнительно-правовой метод, поскольку требуется проведение сравнительного анализа закономерностей в практике применения норм национального и международного права о защите чести, достоинства и деловой репутации граждан и публичных лиц.

Проведенный анализ практики применения законодательства о защите чести и достоинства публичных должностных лиц в зарубежных странах, анализ решений и постановлений Европейского суда по правам человека позволяют сделать вывод, что в развитых зарубежных странах в вопросах защиты чести, достоинства и деловой репутации публичных лиц допустимые пределы критики публичных лиц и распространения негативной информации о них значительно больше, чем в отношении обычных граждан. Подобное положение, по мнению автора, продиктовано фундаментальным значением свободы слова и свободы прессы, а также доминированием вопросов, представляющих публичный интерес, над вопросами частной жизни политиков и должностных лиц.

Актуальность работы обусловлена недостаточным вниманием ученых-юристов к образовавшейся проблеме в связи с принятием ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ, в то

время как на это обращено внимание Министерства связи, Генеральной Прокуратуры РФ и Совета по развитию гражданского общества при Президенте РФ и непосредственно Президента РФ. В результате анализа научных работ по примерно схожей проблематике выявлено, что в основном указанные работы написаны задолго до принятия ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ и вовсе не посвящены ее анализу.

Цель исследования – доказательство тезиса, что при разработке Федерального закона РФ от 18 марта 2019 года № 28-ФЗ были допущены явные ошибки, что привело к некорректной формулировке диспозиции ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ, а также не были учтены положения норм международного права и Конституции РФ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Принятая Советом Европы Конвенция о защите прав человека и основных свобод, которая была ратифицирована Российской Федерацией и приобрела юридическую силу с 1 сентября 1998 года, провозгласила множество основных прав и свобод человека. Одно из провозглашенных прав связано со свободой выражения мнений и информации, что является одной из важнейших основ демократического общества и предпосылкой для дальнейшего его развития [1; 2]. Свобода выражения слова, мнения и информации, в том числе путём опубликования различного рода сведений в средствах массовой информации, имеет важнейшее значение для общества, позволяет добиться наибольшей прозрачности органов политической и государственной власти и их должностных лиц.

В 2004 году с принятием Декларации о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации констатируется Советом Министров Европы, что законодательство отдельных правовых систем установило привилегии для политических персон и должностных лиц органов власти. Эти привилегии заключаются в дополнительных ограничениях свободы распространения сведений и мнений о них, что противоречит общепризнанному праву на свободу выражения мнений и информации [3].

Упомянутая выше Декларация устанавливает ряд фундаментальных основ для созидания и процветания демократического государства и гражданского общества. Одним из условий развития демократического общества и политического плюрализма является доступ общества к любого рода информации, касающейся всех вопросов его жизни. Основным источником этой информации выступают средства массовой информации, которые имеют неукоснительное право на распространение сведений как позитивного, так и негативного характера, в том числе сведений о представителях органов государственной власти и политических персонах.

Согласно логике Совета Европы, государство и органы государственной власти, в том числе отдельные их представители, являются потенциальными объектами критики в средствах массовой информации. При этом, как указано выше, критика может быть выражена в негативной форме. Таким образом, оскорбление власти выступает одной из форм ее критики. В условиях становления гражданского общества недопустимо применять усиленные механизмы защиты государственных институтов от оскорбительной информации, поскольку

это прямым образом препятствует достижению социальных целей развития общества в условиях свободы и политического многообразия. Приобретение статуса политической персоны или представителя органа власти подразумевает согласие этого лица на участие, в том числе пассивное, в политической дискуссии [4]. При этом имеется в виду, что такое лицо становится объектом дискуссии. Таким образом, общество посредством средств массовой информации получает возможность контролировать должностные лица и осуществлять за ними надзор, а также критиковать их в целях улучшения качества исполнения их служебных обязанностей. Такой контроль является необходимым условием достижения прозрачности, гласности, открытости и надлежащего исполнения государственными служащими своих полномочий.

Безусловно, недопустимо вмешательство в частную жизнь публичных персон, которая должна быть защищена наравне с частной жизнью остальных участников гражданского общества. Вместе с тем, если частная жизнь политических деятелей и государственных служащих имеет прямое влияние на общественные отношения, их безопасность и развитие, некоторые сведения частной жизни могут быть предметом конструктивного анализа общества и средств массовой информации. В случае оскорбления отдельных представителей органов власти, последние сохраняют право воспользоваться общими механизмами защиты нарушенных прав, установленными национальным законодательством, равно как и остальные участники общественных отношений, при этом представители органов власти не должны иметь каких-либо привилегий по сравнению с остальными участниками общественных отношений [5].

В соответствии с ч. 1 ст. 29 Конституции РФ каждому гарантируется свобода мысли и слова. Согласно ч. 4 указанной статьи, каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. В соответствии с ч. 5 данной статьи гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается.

Согласно ч. 1 ст. 23 Конституции РФ, каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени.

Согласно ч. 1 ст. 150 ГК РФ, жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом [6].

Таким образом, положения ч. 1 ст. 23 Конституции РФ детально раскрываются законодателем в ст. 150 ГК РФ с прямым указанием, что достоинство личности, честь и доброе имя, деловая репутация, принадлежат гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иными способами. Указанные права являются одной из высших ценностей правового демократического государства и гражданского общества, наряду с естественным правом человека на жизнь и здоровье.

Однако, в соответствии со ст. 128 ГК РФ честь, достоинство и деловая репутация являются объектами гражданских прав. Данное право человека на неприкосновенность чести, достоинства и деловой репутации сопряжено с соответствующей обязанностью остальных участников гражданского общества, выражающейся в запрещении совершения действий, умаляющих данные права [7]. В частности, к таким действиям относится распространение сведений о человеке, которые противоречат действительности.

Действующие правовые механизмы защиты чести, достоинства и деловой репутации регламентированы законодателем в ч. 1 ст. 152 ГК РФ, в соответствии с которой гражданин вправе требовать опровержения порочащих его сведений, а также вправе требовать компенсацию за причинённый моральный вред, нанесённый данными сведениями негативного характера [8]. Наступление юридической ответственности за вред, причинённый чести, достоинству и деловой репутации человека, возможно при одновременном наличии следующих оснований [9]: 1) факт распространения сведений другим лицам; 2) порочащие человека сведения негативного характера; 3) несоответствие сведений действительным обстоятельствам.

Несмотря на одобренный 16 марта 2016 года Верховным Судом РФ Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, и принятое 24 февраля 2005 года Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», в практике рассмотрения судами дел данной категории возникают сложности при установлении наличия либо отсутствия оснований для наступления юридической ответственности по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, поскольку возникает неопределённость в толковании ряда дефиниций. В частности, перед правоприменителями встаёт неоднозначный и сложный вопрос об установлении порочащего характера сведений, соответствии сведений действительности, а также обстоятельств распространения. Немаловажным аспектом является разрешение вопроса о том, является ли изложенная информация, являющаяся предметом спора, сведениями или нет [10; 11].

Как указано в п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 3 от 24 февраля 2005 года, при отсутствии хотя бы одного из трёх обстоятельств (факт распространения сведений, негативный характер сведений, несоответствие сведений действительности) исковое заявление о защите чести, достоинства и деловой репутации не подлежит удовлетворению судом. Под распространением информации понимается опубликование в печати, радио- и телетрансляция, демонстрация на изображениях, размещение материала в сети Интернет, указание сведений негативного характера в служебных характеристиках, заявлениях в адрес должностных лиц государственных или муниципальных органов, огласка в публичных выступлениях или сообщении данной информации как минимум одному лицу [12]. При этом распространение сведений негативного характера может быть совершено как в письменной, так и в устной форме. Как изложено выше, одним из способов распространения информации в целях умаления чести, досто-

инства и деловой репутации является указание сведений негативного характера в заявлениях в адрес должностных лиц. Однако по смыслу дальнейших разъяснений Пленума Верховного Суда РФ (п. 10 Постановления № 3 от 2005 г.) право на обращение в государственные и муниципальные органы является конституционным правом человека и гражданина. При этом, если в таком обращении содержатся какие-либо сведения, которые не нашли своего подтверждения при проведении проверки, недопустимо привлекать заявителя к гражданско-правовой ответственности в соответствии со ст. 152 ГК РФ, поскольку таким образом гражданин реализует свое конституционное право на обращение в соответствующие органы, которые обязаны проверять поступающую информацию. Если не было каких-либо оснований для подачи обращения в государственные или муниципальные органы либо обращение обусловлено целью причинить вред другому лицу, а не намерениями исполнить гражданский долг и защитить личные нарушенные права и интересы, подобные действия признаются злоупотреблением правом, что является основанием для привлечения к ответственности за гражданские правонарушения против чести, достоинства и деловой репутации.

Следующим основанием для наступления гражданско-правовой ответственности по рассматриваемому вопросу является характер сведений. Характер сведений рассматривается одновременно в двух аспектах: смысловом (позитивный или негативный характер сведений) и содержательном (форма выражения: утверждение, оскорбление, оценочное суждение, мнение, убеждение) [13]. Прежде всего судом проводится первичный анализ сведений, являющихся предметом гражданско-правового спора. Если сведения имеют позитивный характер, то нарушения чести, достоинства и деловой репутации отсутствуют. Только негативный или порочащий характер распространяемых сведений является основанием для наступления гражданско-правовой ответственности, поскольку такие сведения влекут за собой причинение вреда неимущественным благам человека и гражданина [14].

Далее суд устанавливает, является ли спорная информация фактом или оценочным суждением. Для привлечения к гражданско-правовой ответственности за гражданские правонарушения против чести, достоинства и деловой репутации сведения должны быть именно утверждением фактов. Субъективное мнение, оценочное суждение, в соответствии с современным законодательством и правоприменительной практикой, не нарушают нематериальные блага в виде чести, достоинства и деловой репутации [15]. Исключением являются случаи, когда сведения, распространённые в форме мнения и оценочного суждения, имеют оскорбительный характер [16].

Как было указано ранее, спорные сведения могут быть выражены в разной форме: как утверждение, оскорбление, оценочное суждение, мнение, убеждение. Понятие «мнение» означает суждение, выражающее оценку чего-нибудь. При этом мнение и информация могут соотноситься между собой. Мнение может формироваться на основе фактов или же быть предвзятым, т. е. не основанным на фактах. Характер сведений возможно определить с помощью специальной науки –

лингвистики. [17]. К компетенции судебных экспертов-лингвистов относится разрешение вопросов о том, носит ли представленная информация негативный характер и в какой форме она представлена [18].

Оценочное суждение, как правило, сопровождается специальными «фразами-маркерами», посредством которых автор речи, письма, высказывания выражает именно личное субъективное мнение. К таким «маркерам» можно отнести следующие вводные конструкции: «я думаю, что», «я считаю, что», «мне кажется, что», «я предполагаю, что», а также используемое в последнее время наиболее активно в сети Интернет «ИМХО». Вместе с тем, спорные сведения должны рассматриваться в целом, а не отдельными фразами и высказываниями, поскольку информация может иметь грамматические признаки утверждения, но при этом представлять собой субъективное мнение автора на основе общего содержания исследуемого фрагмента речи или текста.

Третьим основанием для наступления юридической ответственности за правонарушения против чести, достоинства и деловой репутации является соответствие или несоответствие распространенных сведений объективной действительности. Следует отметить, что оценочные суждения не подлежат доказыванию на предмет их соответствия действительности.

Согласно современной правоприменительной практике, лицо, которое распространило сведения, подлежит освобождению от ответственности, в случае, если данное лицо представит доказательства, что спорные сведения в целом соответствуют действительности [19; 20]. При этом не требуется доказывать соответствие действительности каждого слова в распространенной спорной информации. При рассмотрении конкретного дела суд определяет ключевые фразы, которые необходимо доказать стороне, распространившей такую информацию. При наличии вышеперечисленных оснований возможно сделать вывод о нарушении чести, достоинства и деловой репутации лица.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Критика деятельности публичных должностных лиц возможна в более широких пределах в сравнении с частными лицами, что соответствует нормам международного права и Декларации свободы политической дискуссии в СМИ, поскольку политические деятели, стремящиеся заручиться общественным мнением, тем самым соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии и критики в СМИ. Государственные должностные лица могут быть подвергнуты критике в СМИ по поводу того, как они исполняют свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласности и ответственного исполнения ими своих функций. Нормы международного права, наряду с нормами российского права, устанавливают специальный механизм защиты прав и интересов публичных персон и должностных лиц, который соответствует характеру и цели их деятельности. В случае, если лицо полагает, что спорное оценочное суждение или мнение, распространенное в средствах массовой информации, затрагивает его права и законные интересы, лицо может использо-

вать предоставленное ему п. 3 ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации и ст. 46 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» право на ответ, комментарий, реплику в том же средстве массовой информации в целях обоснования несостоятельности распространенных суждений, и предложить их иную оценку. Данный механизм представляется адекватным и соответствующим всем принципам демократического государства и гражданского общества.

Тем не менее, Федеральный закон от 18 марта 2019 года № 28-ФЗ, который внес изменения в ст. 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, противоречит общепризнанным нормам международного права, которые являются составной частью правовой системы Российской Федерации, поскольку этими изменениями установлен запрет на негативную критику органов государственной власти и государства в целом. Указанный закон предоставляет представителям органов власти дополнительный механизм защиты чести и достоинства по сравнению с остальными гражданами. Однако общий механизм защиты указанных благ в соответствии со ст. 152 ГК РФ позволяет в полном объеме достичь восстановления нарушенных прав и интересов лица, независимо от его рода деятельности, будь то частное предпринимательство, работа по найму или государственная служба. В целом, данные положения корреспондируют конституционному праву на равенство перед законом независимо от каких-либо качеств и свойств личности.

ВЫВОДЫ

Принятие ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ имеет спорный характер и влечет за собой неблагоприятные последствия для развития демократического государства и гражданского общества, так как:

- вводится ограничение на критику органов государственной власти и их должностных лиц в средствах массовой информации;
- ограничивается право на свободу выражения мнения и сведений;
- публичные персоны, к которым относятся политические деятели и должностные лица органов власти, получают привилегии по сравнению с частными лицами и повышенные средства защиты;
- усиливается государственный контроль в отношении средств массовой информации, устанавливаются дополнительные цензурные требования к информации, подлежащей распространению, а также ограничивается доступ участников общественных отношений к объективным сведениям;
- критерии разграничения между критикой и оскорблением оцениваются судебными и правоохранительными органами субъективно.

Таким образом, эффективность общественного мнения, как способа влияния на качество исполнения государственных органами и их должностными лицами своих функций, значительно снижается. Вышеперечисленные последствия не являются исчерпывающими и в существенной мере препятствуют динамичному развитию демократического государства и гражданского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ермолин М.В. Проблемы интерпретации прав и свобод, закрепленных в Конституции России и Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Актуальные проблемы сравнительного правоведения: сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и магистров. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2019. С. 329–332.
2. Князев С.Д. Обязательность постановлений ЕСПЧ в правовой системе России (на основе практики Конституционного Суда Российской Федерации) // Журнал российского права. 2016. № 12. С. 5–17.
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // Бюллетень международных договоров. 2001. № 3. С. 34–36.
4. Александров К.А. Правовой статус субъекта правоотношения по защите чести, достоинства и деловой репутации // Научные исследования и современное образование: сборник материалов II Международной научно-практической конференции. Чебоксары: Центр научного сотрудничества «Интерактив Плюс», 2018. С. 363–366.
5. Соболева А.К. Свобода выражения мнения в практике Европейского суда: старые подходы и новые тенденции в толковании статьи 10 ЕКПЧ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2017. Т. 21. № 2. С. 235–262.
6. Рябченко А.Г., Кокова В.М. Гражданско-правовая защита в общем механизме юридической защиты чести, достоинства и деловой репутации // Право, государство и экономика: проблемы теории, истории и практики: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2017. С. 279–283.
7. Потапенко С.В. Конституционное право на судебную защиту чести, достоинства и деловой репутации // Кубанское агентство судебной информации PRO-SUD-123.RU: Юридический сетевой электронный научный журнал. 2018. № 1. С. 97–105.
8. Фоков А.П. Судебная защита чести, достоинства и деловой репутации: история и современность // Судья. 2014. № 4. С. 22–28.
9. Гаврилов Е.В. О некоторых особенностях судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации посредством удаления порочащей информации из сети Интернет // Судья. 2018. № 10. С. 11–15.
10. Таратухина К.Ю. Проблема разграничений понятий «право на защиту чести, достоинства и деловой репутации» и «свобода слова»: пробелы права // Вестник науки и образования. 2016. № 12. С. 68–70.
11. Трифонова Т.А. О соотношении права на свободу слова и права на защиту чести, достоинства и деловой репутации // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXI международной научно-практической конференции. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2016. С. 126–130.
12. Петрова И.Л. Юридическое и лингвистическое обеспечение права на защиту чести, достоинства и деловой репутации // Вестник Владимирского юридического института. 2016. № 3. С. 175–181.
13. Глазкова М.Е. Разграничение понятий «оценочное суждение» и «утверждение о фактах» при рассмотрении дел о диффамации в контексте прецедентной практики европейского суда по правам человека // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. М.: Статут, 2016. С. 250–264.
14. Коляков А.М. Особенности рассмотрения судами дел о защите чести, достоинства и деловой репутации на современном этапе // Право и современные государства. 2015. № 3. С. 43–54.
15. Попов И.В. Проблема выявления оценочных суждений в делах о защите чести, достоинства и деловой репутации // Научный электронный журнал Меридиан. 2017. № 5. С. 24–26.
16. Гаврилов Е. Об оскорбительном характере мнения // ЭЖ-Юрист. 2017. № 30. С. 8–9.
17. Яковлева Е.А., Аблин М.В. Принципы судебной экспертизы в юрислингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 6-1. С. 208–213.
18. Михалевич Е.В. Роль лингвистической экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации // Мониторинг правоприменения. 2013. № 2. С. 60–62.
19. Нахова Е.А. Особенности доказывания по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации в гражданском судопроизводстве // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2013. № 4. С. 48–53.
20. Виноградов В.А. Конституционная свобода слова VS защиты чести и достоинства публичных должностных лиц и политиков // Правовая культура. 2018. № 4. С. 15–21.

REFERENCES

1. Ermolin M.V. Problems of interpretation of rights and freedoms enshrined in the Constitution of Russia and the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. *Aktualnye problemy sravnitel'nogo pravovedeniya: sbornik materialov IV Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem professorsko-prepodavatelskogo sostava, aspirantov i magistrrov*. Simferopol, Krymskiy federalnyy universitet im. V.I. Vernadskogo Publ., 2019, pp. 329–332.
2. Knyazev S.D. Executive Force of the ECtHR Judgments in a Legal System of the Russian Federation (on the Basis of the Practice of the Constitutional Court). *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2016, no. 12, pp. 5–17.
3. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (concluded in Rome 04.11.1950). *Byulleten mezhdunarodnykh dogovorov*, 2001, no. 3, pp. 34–36.
4. Aleksandrov K.A. The legal status of the subject of legal relations for the protection of honor, dignity and business reputation. *Nauchnye issledovaniya i sovremennoe obrazovanie: sbornik materialov II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Cheboksary, Tsentr nauchnogo sotrudnichestva «Interaktiv Plyus» Publ., 2018, pp. 363–366.

5. Soboleva A.K. Freedom of Expression in the Case Law of the European Court of Human Rights: Old Approaches and New Tendencies in Interpretation of Article 10 of the ECHR. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2017, vol. 21, no. 2, pp. 235–262.
6. Ryabchenko A.G., Kokova V.M. Civil law protection in the general mechanism of legal protection of honor, dignity and business reputation. *Pravo, gosudarstvo i ekonomika: problemy teorii, istorii i praktiki: sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Krasnodar, Krasnodarskiy universitet MVD Rossii Publ., 2017, pp. 279–283.
7. Potapenko S.V. Constitutional right to judicial protection of honor, dignity and business reputation. *Kubanskoe agentstvo sudebnoy informatsii PRO-SUD-123.RU: Yuridicheskiy setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal*, 2018, no. 1, pp. 97–105.
8. Fokov A.P. Judicial protection of honor, dignity and business reputation: history and modernity. *Sudya*, 2014, no. 4, pp. 22–28.
9. Gavrilov E.V. About some features of judicial protection of honor, dignity and business reputation by removing defamatory information from the Internet. *Sudya*, 2018, no. 10, pp. 11–15.
10. Taratukhina K.Yu. The problem of distinguishing between the concepts of “the right to protect honor, dignity and business reputation” and “freedom of speech”: gaps in law. *Vestnik nauki i obrazovaniya*, 2016, no. 12, pp. 68–70.
11. Trifonova T.A. On the correlation of the right to freedom of speech and the right to protection of honor, dignity and business reputation. *Deyatel'nost pravookhranitel'nykh organov v sovremennykh usloviyakh: sbornik materialov XXI mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Irkutsk, Vostochno-Sibirskiy institut MVD RF Publ., 2016, pp. 126–130.
12. Petrova I.L. Legal and Linguistic Support of the Right to Protection of Honor, Dignity and Business Reputation. *Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo instituta*, 2016, no. 3, pp. 175–181.
13. Glazkova M.E. Legal and linguistic support of the right to protect honor, dignity and business reputation. *Rossiyskiy ezhegodnik Evropeyskoy konventsii po pravam cheloveka*. Moscow, Statut Publ., 2016, pp. 250–264.
14. Kolyakov A.M. Features of the consideration by courts of cases of protection of honor, dignity and business reputation at the present stage. *Pravo i sovremennyye gosudarstva*, 2015, no. 3, pp. 43–54.
15. Popov I.V. The problem of identification of evaluated judgments in the cases of protection of honor, dignity and business reputation. *Nauchnyy elektronnyy zhurnal Meridian*, 2017, no. 5, pp. 24–26.
16. Gavrilov E. On the offensive nature of opinions. *EZh-Yurist*, 2017, no. 30, pp. 8–9.
17. Yakovleva E.A., Ablin M.V. Principles of forensic linguistic expertise in forensic linguistics. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2014, no. 6-1, pp. 208–213.
18. Mikhalevich E.V. Value of linguistic examination on cases of protection of honor, dignity and business reputation. *Monitoring pravoprimeniya*, 2013, no. 2, pp. 60–62.
19. Nakhova E.A. Special features of proof on protection of honor, dignity and business reputation in civil proceedings. *Vestnik Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii*, 2013, no. 4, pp. 48–53.
20. Vinogradov V.A. Constitutional Freedom of Speech vs Honor and Dignity Protection for Public Officials and Politicians. *Pravovaya kultura*, 2018, no. 4, pp. 15–21.

**ON THE INCONFORMITY OF PART 3 OF ARTICLE 20.1 OF THE RF AOC
ENACTED ON THE 19TH OF MARCH 2019
TO THE NORMS OF INTERNATIONAL LAW AND THE RF CONSTITUTION**

© 2019

A.V. *Dulger*, lecturer of Chair “Theory and History of State and Law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: No. 28-FZ; part 3 of Article 20.1 of the RF AOC; criticism of power; criticism in mass media; criticism of public authorities; business reputation; public authorities; public officials.

Abstract: The paper deals with the analysis of part 3 of Article 20.1 of the Administrative Offences Code of the Russian Federation passed on March 18, 2019, and called as a legislative ban on the offense of power. The result of the practical application of this law is disputable and not meeting the goal it was enacted for. Therefore, the author offers the following thesis: the provisions of part 3 of Article 20.1 of the RF AOC does not conform with the norms of international law, in particular the Declaration on Freedom of Political Discussion in the Media, adopted on February 12, 2004 at the 872-th meeting of the Committee of Ministers of the Council of Europe and the RF Constitution as well.

The paper analyzes current legal provisions of legislation related to the mechanisms of protection of honor, dignity and business reputation depending on a subject in respect of which these rights were violated. The author carries out the analysis of special aspects of the legal protection of these rights of public persons and public officers in the relation of norms of international law, the RF Constitution and the RF Civil Code.

The author considers the issue of conformity of these changes with the principles of freedom of speech, political discussion, and the established norms of international law.

As a result of the study, the author concludes about the negative impact of application of part 3 of Article 20.1 of the RF AOC, for example, about the fact that the privileges of public and municipal authorities expanded, the additional mechanisms of protection of their honor, dignity and business reputation contrary to other people appeared, what, to the author’s opinion, is the development of a democratic state and civil society.

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ В СТРУКТУРЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

© 2019

С.В. Кондратьев, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс» Института права
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: расследование преступлений; криминалистическая характеристика; виктимологический анализ; личность потерпевшего.

Аннотация: Статья посвящена проблеме учета сведений о личности потерпевшего, которые входят в содержание криминалистической методики расследования преступлений отдельных видов. Актуальность темы обоснована практикой расследования тяжких и особо тяжких преступлений, а также современными тенденциями развития теории криминалистической характеристики в направлении конкретизации ее элемента «личность потерпевшего». Отмечена проблема учета виктимологических данных при расследовании преступлений, связанных с формированием преступником определенного психического состояния жертвы преступления. Констатируется, что неочевидный характер связей между преступником и жертвой затрудняет расследование преступлений против жизни и здоровья, половой неприкосновенности и половой свободы личности, насильственных преступлений корыстной направленности и других.

Показана необходимость внедрения криминологического анализа в систему научных методов криминалистики. Обращено внимание, что виктимность не должна рассматриваться в отрыве от других сведений о личности жертвы преступления (общих демографических, социально-психологических данных, особенностей поведения, сведений о социальных связях и материальном положении, данных о роде занятий и т. п.). Подтверждена целесообразность применения виктимологического анализа в криминалистической методике. Обоснованы преимущества статистического подхода перед описательным в процессе изучения личности потерпевшего при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений. Даны рекомендации по установлению значимых элементов личности потерпевшего. Рекомендовано в условиях состязательного судопроизводства использовать активную позицию потерпевшего, в плане предоставления им данных для виктимологического анализа. Обращено внимание, что к информативным данным о личности потерпевшего следует относить его типичное психическое состояние. Предложен расширительный принцип формирования сведений демографического и социально-психологического характера, а также сведений о поведенческих особенностях личности потерпевшего.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема направленности преступлений приобретает актуальность в связи с расширением способов их совершения, связанных с формированием определенного психического состояния у потерпевшего. Ученые-криминалисты обращают внимание на виктимологические данные как исходный пункт первоначального этапа расследования [1–3]. Сведения о личности потерпевшего авторы традиционно относят к основным элементам криминалистической характеристики преступления [1]. Теоретики криминалистики давно заметили, что поведение потерпевшего может приобретать множество форм: от полной виктимности до нейтрального отношения к преступному воздействию и активному его противодействию [4–6]. Поэтому выявление ситуаций, когда потерпевшие провоцируют преступное деяние относительно него, даже демонстрируя нейтральное отношение к событию преступления, приобрело характер криминалистических рекомендаций [2].

Современные авторы обращают внимание на перечень виктимологических характеристик, важных для оптимизации расследования. По мнению ученых, результативным направлением криминалистического изучения личности потерпевшего становится построение и использование криминалистических характеристик разных видов (категорий) преступлений [3]. Таким образом, одним из актуальных и дискуссионных аспектов остается выделение достоверных виктимологических данных в самостоятельный элемент криминалистической характеристики преступления.

Цель исследования – конкретизация виктимологических данных в структуре криминалистической характе-

ристики преступлений на примерах раскрытия и расследования тяжких и особо тяжких преступлений.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Действенным и научно обоснованным инструментом установления истины в уголовном судопроизводстве признана концепция криминалистической характеристики преступлений. Между тем следственная практика свидетельствует, что при расследовании уголовных дел, возбужденных по факту совершения преступлений против жизни и здоровья, половой неприкосновенности и половой свободы личности, по факту совершения насильственных преступлений корыстной направленности, зачастую возникают определенные затруднения в связи с отсутствием очевидной связи между потерпевшим и подозреваемым.

Расследование указанных преступлений, как правило, происходит в условиях значительного дефицита информации о предполагаемом преступнике. Поэтому ученые-криминалисты пытаются найти средства, приемы и методы эффективного раскрытия и расследования преступлений, принимая за исходную точку личность пострадавшего. В этом смысле практическое значение криминалистической характеристики, а также ее информационно-познавательная природа обуславливают внедрение виктимологических данных в структуру характеристики. Однако ученые-криминалисты, к сожалению, обходят вниманием детальное исследование такого элемента криминалистической характеристики, как «личность потерпевшего» [4–6]. Поэтому актуальным становится внедрение виктимологических данных в структуру криминалистической характеристики преступлений.

В структуре понятия «криминалистическая характеристика преступлений» ученые выделяют два уровня: 1) теоретический, как основа формирования отдельных методик расследования преступлений; 2) практический, как система обобщенных сведений о криминалистически значимых признаках определенного вида (групп или группы) преступления. На теоретическом уровне криминалистическая характеристика представляет систему научных основ методики расследования преступлений отдельных видов, содержит определения основных понятий, устанавливает связи между своими элементами, служит для оптимизации расследования путем детализации статистически значимых связей между ними. На практическом уровне описываются подвиды, виды или группы преступлений. Криминалистическая характеристика становится элементом соответствующих методик расследования. Отметим, что значение криминалистической характеристики на теоретическом и практическом уровнях определено практикой уголовно-правовой защиты потерпевшего.

В зависимости от указанных уровней содержательное наполнение криминалистической характеристики преступлений и направления ее детализации варьируются. Относительно расследования преступлений конкретных видов различают цели и задачи применения криминалистической характеристики. Так, на уровне частной криминалистической теории элемент «личность потерпевшего» приобретает максимальное информационное наполнение. Для этого применяют статистический подход. Тогда указанный элемент криминалистической характеристики включает массив демографических сведений (пол, возраст, место проживания, учебы, работы потерпевшего), сведения об образе жизни, чертах характера, привычках и склонностях, социальных связях (личных, семейных, служебных, бытовых и др.). Информация о виктимности может включать систему психологических, биологических, уголовно-правовых и уголовно-процессуальных характеристик [7; 8]. Однако выделение уголовно-правовых, криминалистических или криминологических признаков потерпевшего нельзя признать бесспорным. Так, уголовно-правовое, процессуальное или криминологическое содержание придает признакам личности не их природа или сущность, а наименование науки, в рамках которой осуществляется соответствующее исследование личности. Поэтому содержание элемента криминалистической характеристики «личность потерпевшего» представляет собой статистический, а значит, ориентирующий перечень виктимологических данных.

В ходе расследования изучению подлежит отношение потерпевшего к событию преступления. Так, моральные качества потерпевшего могут определять виктимность его поведения. Поэтому изучение индивидуальных психологических особенностей личности приобретает значение в плане установления регуляторов и стереотипов его поведения. От психологических характеристик жертвы преступления зависит то, как потерпевший воспринимает действия преступника. На практике все это возможно установить путем непосредственного изучения личности потерпевшего. Отметим, что виктимность поведения потерпевшего определяется и его негативными социальными характеристиками. Поддерживаем мнение авторов о необходимости уста-

новления психического состояния жертвы в период действий преступника [9; 10].

В связи с таким характером сведений о личности потерпевшего, проблемной становится их конкретизация в ходе расследования преступления. По нашему мнению, такое возможно, если потерпевший активно оказывает помощь на всех стадиях расследования. Его права как участника уголовного судопроизводства могут быть реализованы на основе состязательности и равенства сторон, когда, равный всем обвинительным структурам, потерпевший инициативно предоставляет следствию сведения, которые требуются для криминалистической характеристики.

Сложность криминалистического исследования личности жертвы преступления заключается и в том, что потерпевший становится участником преступления и может влиять на протекание преступного события, а также на ход и результаты его расследования. С этих позиций криминалистическое исследование личности потерпевшего осуществляется на ретроспективном и перспективном уровнях. Так, о ретроспективном исследовании жертв преступлений идет речь, когда потерпевший рассматривается как активный элемент преступного события. При таком подходе значение приобретает анализ механизма совершения преступления и его следовой картины. Определенную ее часть составляют следы потерпевшего. Последний рассматривается и как слеодообразующий, и как следовоспринимающий объект. На перспективном уровне исследование личности потерпевшего осуществляется с целью оптимизации процесса раскрытия и расследования преступлений (например, с целью избрания тактики проведения следственных действий, прогнозирования поведения и позиции потерпевшего и т. д.). Изложенные факты обуславливают необходимость, а также значительную сложность выяснения виктимологических данных о потерпевшем.

Криминалистическое исследование потерпевшего – это часть процесса расследования как познавательной деятельности, в результате которой систематизируется информация о жертве преступления. В частные криминалистические методики включены процедуры виктимологического анализа и установления личностных данных потерпевшего. На сегодня виктимологический анализ приобрел значение обязательного элемента процедуры расследования преступлений. Результаты исследования личности жертвы дают сведения о преступнике, мотивах его действий, а также способе совершения преступления. Виктимологический анализ признан специальным криминалистическим методом в следственно-судебной деятельности. Этот вывод можно признать результатом системного подхода в криминалистике: 1) преступление, как системное событие, требует раздельного исследования его составных элементов; 2) потерпевший (жертва преступления) является одним из значимых элементов преступного события; 3) криминалистический анализ преступления возможно осуществлять в последовательности установления содержания и полноты элементов личности потерпевшего. Исходя из вышесказанного, можно констатировать научную обоснованность и практическое значение виктимологического анализа как одного из видов криминалистического исследования преступного события.

Значение виктимологического анализа заключается в том, что он позволяет следствию и суду в наиболее полной мере установить соответствующие элементы предмета доказывания.

Выясняя сущность виктимологических данных, особенность их содержательного наполнения, обращаем внимание, что их применение в криминалистических целях обусловлено интеграцией виктимологии и криминалистики. Развитие и совершенствование криминалистических положений о жертве преступления (потерпевшем) происходит за счет как собственно криминалистических исследований, так и применения достижений других отраслей знаний. Виктимология предоставила самостоятельный методологический подход к процессу раскрытия и расследования преступлений. Полнота установления сведений о личности жертвы преступления и их системный анализ помогают узнать о личности преступника и объективных обстоятельствах события. В криминалистических методиках, по нашим наблюдениям, все чаще стали применять такие категории, как «криминалистическая виктимология», «виктимологический подход в криминалистике», «виктимологический аспект криминалистики», «виктимологическое направление криминалистического исследования жертв преступлений», «виктимологический анализ», «виктимологические данные», «виктимологический метод» и др. Однако заимствованная природа указанных понятий обуславливает их неоднозначную трактовку учеными-криминалистами.

В современной криминалистике выделяются различные подходы к определению сущности виктимологических данных. В узком смысле виктимологические данные – это сведения о виктимности жертв преступлений (потерпевших) [11]. В широком смысле эту категорию предложено понимать как совокупность обстоятельств, определяющих потерпевшего как физический объект, организм, личность, его поведение до, во время и после совершения преступления, его взаимоотношения с преступником и их характер, а также характер и размер ущерба, причиненного преступлением потерпевшему [12; 13]. Существующие подходы отличаются тем, что один из них учитывает особенности криминалистического исследования потерпевших (жертв преступлений) и своеобразии информации, получаемой в результате такого исследования, а другой подчеркивает обобщающий характер виктимологических категорий.

В соответствии с современными представлениями, виктимность – это комплексная категория, сущность которой заключается в оценке различных качеств и поведения человека как провоцирующего фактора. Именно поэтому, по нашему мнению, виктимность не может рассматриваться в отрыве от других сведений о личности жертвы преступления (общих демографических, социально-психологических данных, особенностей поведения, сведений о социальных связях и материальном положении, данных о роде занятий и т. п.). Следует заметить, что в виктимологии исследование преступности и личности преступника осуществляют по направлениям: 1) изучение личности жертвы независимо от ее роли в событии преступления – в силу самого факта нанесения ей вреда преступлением; 2) изучение личности жертвы с точки зрения ее способности повлиять на ход преступления [14]. Второе направление охватывает за-

дачи виктимологии в современной криминалистике. В криминалистическом исследовании личности жертв преступлений, ставится более широкий круг задач, направленных на получение и анализ информации, содержащей сведения о биографических, антропометрических, психологических и иных данных, характеризующих личность потерпевшего, чем это принято виктимологией. Поэтому как самостоятельное исследование выделяют криминалистическую виктимологию, например, при составлении психологического портрета (профиля) преступника на основе изучения жертв конкретного преступления. Такой подход максимально приближает виктимологию к современным потребностям криминалистики. В результате интеграции указанных наук, категория «виктимологические данные» приобретает криминалистический характер. Содержание виктимологических данных должно интерпретироваться в криминалистике в широком смысле. Однако по этому поводу можно согласиться с Н.П. Яблоковым в том, что «создать универсальный и исчерпывающий перечень криминалистически значимых данных о личности сложно, учитывая их разнообразное количество» [15, с. 144–147]. Поэтому более целесообразно было бы выделять группы определенных данных, которые несут в себе наиболее значимую «криминалистическую нагрузку» относительно определенных задач для криминалистического изучения личности. Таким образом, считаем, что виктимологические данные – это система криминалистически значимой информации о личности жертвы преступления, которая включает сведения о ее анатомических, биологических, психологических, социальных свойствах и качествах, о поведении потерпевшего до, во время и после преступного посягательства, а также сведения о связях и отношениях с окружающими, размере и характере вреда, причиненного преступлением, и другие сведения, которые важны для установления личности жертвы или преступника, фактической картины события преступления, решения тактических задач и проведения следственных действий в процессе раскрытия и расследования преступления, а также для осуществления криминалистической профилактики.

Виктимологические данные предлагаем включить в состав элемента криминалистической характеристики «личность потерпевшего». В общепринятом смысле «личность потерпевшего» обозначает систему обобщенных сведений о пострадавших от определенного вида (группы) преступлений, эти сведения получены в результате исследования и обобщения эмпирических материалов. Это своего рода типичный портрет жертв определенных видов преступлений. Он отображает закономерные связи между элементами события в их последовательности [16]. Информация о жертве преступления позволяет в ходе расследования интерпретировать следовую картину преступления, устанавливая, в силу каких обстоятельств преступление было совершено в определенной обстановке, по каким параметрам преступником были выбраны орудия и средства преступления, способ, место и время его совершения. Виктимологические данные служат для выдвижения версий о личности преступника, о присущих ему определенных чертах и характеристиках, о мотивах совершения преступления, о связях преступника с жертвой преступления.

Обобщенные виктимологические данные сужают круг подозреваемых лиц, дают основания для планирования следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий [17; 18].

Криминалистическая характеристика зависит от вида преступлений [19]. В таком случае устанавливаемые корреляционные зависимости между ее элементами приобретают закономерный характер, а также количественное выражение. Такие данные имеют практическое значение при расследовании конкретных преступлений [20]. Криминалистическую характеристику представляют в виде определенной матрицы, с которой сопоставляют конкретное событие преступления, что способствует получению возможного знания об отсутствующих, неизвестных на первоначальном этапе расследования данных о лицах, причастных к совершению преступления. На практике отмечают некоторую вариативность объема виктимологических данных, включенных в структуру криминалистической характеристики. Данное обстоятельство определено особенностями конкретного вида (группы) преступлений, поэтому объем виктимологических данных зависит от методов, применяемых для установления элементов личности потерпевшего. Высказанное положение подтверждается опытом расследования тяжких и особо тяжких преступлений. Так, в криминалистической методике расследования преступлений против нравственности в сфере половых отношений к типичным параметрам потерпевших относят возраст и связанные с этим особенности функций психики; семейное положение, род занятий; интеллектуальное и физическое развитие; наличие отдельных психофизиологических и физических отклонений [21]. Исследуя проблемы криминалистической характеристики поведения до самоубийства, авторы относят к элементам личности потерпевшего и демографические признаки, такие как «пол, возраст, место жительства, работы или учебы, профессия, уровень образования, данные об образе жизни и воспитании в семье, черты характера, привычки и склонности, связи и взаимоотношения в социальной среде» [22, с. 227–230]. Из приведенных примеров можно видеть, что варианты содержательного наполнения элемента «личность потерпевшего» определены особенностями преступлений и примененным описательным подходом к его формированию. Между тем иной объем виктимологических данных получают при статистическом подходе. Так, авторы, обрабатывая результаты анкетирования и обобщения материалов уголовных дел, устанавливают статистически устойчивые сведения о потерпевшем, такие как пол, возраст, наличие судимости, различные проявления виктимного поведения [23]. Существенно меньшее количество сведений использовал Л.Г. Видонов в криминалистической характеристике убийств. Ученый при построении типовых версий опирался только на возраст и пол жертв преступлений (потерпевших) [24]. По нашим наблюдениям, сужение спектра сведений о личности потерпевшего в структуре криминалистической характеристики преступлений было обусловлено сложностями статистической обработки эмпирических данных. На современном этапе развития вычислительных методов в криминалистике объем виктимологических данных в структуре криминалистической характеристики преступлений может

быть ограничен только видовыми (групповыми) особенностями определенных преступлений.

ВЫВОДЫ

Обоснована целесообразность включения виктимологических данных в криминалистическую характеристику тяжких и особо тяжких преступлений. К информативным данным о личности потерпевшего относим его типичное психическое состояние. Предложен расширительный принцип формирования сведений о личности потерпевшего. К ним предложено отнести статистические данные демографического и социально-психологического характера, такие как социальные связи, материальное положение, род занятий и др., а также предложено учитывать поведенческие особенности личности потерпевшего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лушечкина М.А. О направлениях, задачах и о понятии криминалистического изучения личности // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 1999. № 3. С. 41–49.
2. Меретуков Г.М. Механизм преступления в структуре криминалистической характеристики // Современные проблемы отечественной криминалистики и перспективы ее развития: сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), посвященной 20-летию кафедры криминалистики. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, 2019. С. 97–102.
3. Туров И.Г. Жертва преступления и личность потерпевшего от преступления // Борьба с преступностью: теория и практика: тезисы докладов VI Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию образования Могилевского института МВД. Могилев: Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2018. С. 223–224.
4. Гармаев Ю.П. Криминалистические методики расследования и судебного разбирательства: состояние концепции и перспективы развития // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: материалы V Международной научно-практической конференции. Симферополь: Ариал, 2017. С. 35–39.
5. Давыдова Н.Н. Свидетельский иммунитет в уголовном процессе России // Trends of modern science – 2015: materials of the XI International scientific and practical conference. England: Science and Education LTD, 2015. С. 106–110.
6. Шнайдер В.В., Крыцина А.М., Груздева В.В. Типичные ситуации расследования мошенничества в сфере предпринимательства // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 4. С. 511–513.
7. Авакьян М.В. Особенности личности потерпевшего как элемент криминалистической характеристики преступлений, связанных с умышленным применением тяжкого вреда здоровью // Современные проблемы юридической науки и правоприменительной практик: сборник научных трудов. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2018. С. 286–291.
8. Сахарова Е.Г. Значение личности потерпевшего как объекта криминалистического исследования при

- расследовании причинения вреда здоровью // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 4. С. 83–88.
9. Жадан В.Н. Уголовно-правовые проблемы возраста как отличительной черты несовершеннолетних, выступающих субъектами преступлений // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1. С. 345–349.
 10. Филиппова Е.О. Состояние, структура и динамика изнасилований // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 4. С. 381–385.
 11. Неустроева А.В., Веснина С.Н. Допрос потерпевшего как форма установления мотива и цели преступления // Правовое и криминалистическое обеспечение управления органами расследования преступлений: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 3. М.: Академия управления МВД РФ, 2011. С. 69–74.
 12. Горбачева Е.В., Койсин А.А. Процессуальные и криминалистические особенности допроса несовершеннолетних // Несовершеннолетний как субъект права: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2015. С. 70–74.
 13. Ким Е.П. Некоторые аспекты использования виктимологических данных в уголовном судопроизводстве // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 2. С. 107–111.
 14. Вишневецкий К.В. Виктимологическая характеристика насильственной преступности // Современные проблемы уголовной политики: сборник трудов V Международной научно-практической конференции. Краснодар: Краснодарский университет МВД РФ, 2014. С. 353–359.
 15. Яблоков Н.П. Задачи криминалистики в свете сегодняшнего дня // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 2. С. 144–147.
 16. Толстолицкий В.Ю. Значение количественной стороны корреляционных связей в криминалистической характеристике преступлений // Вестник Волжской государственной академии водного транспорта. 2014. № 41. С. 32–38.
 17. Яблоков Н.П. Криминалистические основы оперативно-розыскной деятельности // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2009. № 3. С. 43–60.
 18. Меретуков Г.М. Использование материалов оперативно-розыскной деятельности в расследовании // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2013. № 92. С. 1247–1258.
 19. Шадрин О.Ю. Современные тенденции формирования понятия «Криминалистическая характеристика преступлений» и основные направления её использования в следственной практике // Вестник Международного юридического института. 2011. № 3. С. 29–35.
 20. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юристъ, 1997. 480 с.
 21. Гайков Д.Г., Корнакова С.В. Значение криминалистической характеристики для выдвижения версий при расследовании насильственных половых преступлений, совершенных несовершеннолетними // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 6. С. 228–235.
 22. Яшин А.В., Мартышкина Ю.В. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений, связанных с доведением до самоубийства либо склонением к его совершению // Теория и практика приоритетных научных исследований: сборник научных трудов по материалам III Международной научно-практической конференции. Смоленск: НОВАЛЕНСО, 2018. С. 227–230.
 23. Шошин С.В. Расследование убийств. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. 345 с.
 24. Видонов Л.Г., Селиванов Н.А. Типовые версии по делам об убийствах: справочное пособие. Горький: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1981. 56 с.

REFERENCES

1. Lushechkina M.A. Concerning the directions, tasks and the concept of criminalistic study of a person. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo*, 1999, no. 3, pp. 41–49.
2. Meretukov G.M. Mechanisms of a crime in the structure of criminalistic characteristics. *Sovremennye problemy otechestvennoy kriminalistiki i perspektivy ee razvitiya: sbornik nauchnykh statey po materialam Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem), posvyashchennoy 20-letiyu kafedry kriminalistiki*. Krasnodar, Kubanskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet im. I.T. Trubilina Publ., 2019, pp. 97–102.
3. Turov I.G. Crime victim and crime victim's identity. *Borba s prestupnostyu: teoriya i praktika: tezisy dokladov VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 70-letiyu obrazovaniya Mogilevskogo instituta MVD*. Mogilev, Mogilevskiy institut MVD Respubliki Belarus Publ., 2018, pp. 223–224.
4. Garmayev Yu.P. Criminalistic methods of investigation and judicial proceedings: concept status and prospects of development. *Ugolovnoe proizvodstvo: protsessualnaya teoriya i kriminalisticheskaya praktika: materialy V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Simferopol, Arial Publ., 2017, pp. 35–39.
5. Davydova N.N. Witness immunity in criminal procedure in Russia. *Trends of modern science – 2015: materials of the XI International scientific and practical conference*. England, Science and Education LTD Publ., 2015, pp. 106–110.
6. Shnayder V.V., Krytsina A.M., Gruzdeva V.V. Typical situations of fraud investigation in the field of entrepreneurship. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*, 2017, vol. 6, no. 4, pp. 511–513.
7. Avakyan M.V. Characteristics of victim's identity as an element of criminalistic characteristics of crimes related to the intended severe bodily harm. *Sovremennye problemy yuridicheskoy nauki i pravoprimenitelnoy praktik: sbornik nauchnykh trudov*. Kaliningrad, Baltiyskiy federalnyy universitet imeni Imanuila Kanta Publ., 2018, pp. 286–291.
8. Sakharova E.G. The Value of the Identity of the Victim as an Object of Forensic Investigation in the Investigation of Personal Injury. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2017, no. 4, pp. 83–88.

9. Zhadan V.N. Criminal-law problems of the age as the distinctive features of minors, speakers charged with a crime. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*, 2018, vol. 7, no. 1, pp. 345–349.
10. Filippova E.O. Status, structure and dynamics of rape. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*, 2018, vol. 7, no. 4, pp. 381–385.
11. Neustroeva A.V., Vesnina S.N. Examination of a victim as a form of determination of a motive and purpose of a crime. *Pravovoe i kriminalisticheskoe obespechenie upravleniya organami rassledovaniya prestupleniy: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Moscow, Akademiya upravleniya MVD RF Publ., 2011. Ch. 3, pp. 69–74.
12. Gorbacheva E.V., Koysin A.A. Procedural and criminalistic aspects of examination of non-adults. *Nesovershennoletniy kak subekt prava: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Irkutsk, Irkutskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2015, pp. 70–74.
13. Kim E.P. Some aspects of the use of victimization data in criminal proceedings. *Rassledovanie prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya*, 2017, no. 2, pp. 107–111.
14. Vishnevetskiy K.V. Victimological characteristics of violent criminality. *Sovremennye problemy ugolovnoy politiki: sbornik trudov V Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Krasnodar, Krasnodarskiy universitet MVD RF Publ., 2014, pp. 353–359.
15. Yablokov N.P. The tasks of forensics in the light of the present day. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2015, no. 2, pp. 144–147.
16. Tolstolutskiy V.Yu. The value of the quantitative side of correlation in the criminalistic characteristic of the crimes. *Vestnik Volzhskoy gosudarstvennoy akademii vodnogo transporta*, 2014, no. 41, pp. 32–38.
17. Yablokov N.P. Criminalistic foundations of investigation activities. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya II: Pravo*, 2009, no. 3, pp. 43–60.
18. Meretukov G.M. Use of materials of operative-search activity in the investigation. *Politematicheskyy setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2013, no. 92, pp. 1247–1258.
19. Shadrin O.Yu. Modern trends in the formation of the concept “criminalistic characteristic of crimes” and the main directions of its use in investigative practice. *Vestnik Mezhdunarodnogo yuridicheskogo instituta*, 2011, no. 3, pp. 29–35.
20. Belkin R.S. *Kurs kriminalistiki. Kriminalisticheskie sredstva, priemy i rekomendatsii* [Course of criminalistics. Criminalistic means, techniques and recommendations]. Moscow, Yurist Publ., 1997. Vol. 3, 480 p.
21. Gaykov D.G., Kornakova S.V. Importance of forensic characteristic for setting out leads in investigation of violent sexual crimes committed by minors. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal*, 2014, no. 6, pp. 228–235.
22. Yashin A.V., Martyshkina Yu.V. On criminalistic characteristics of crimes related to the incitement to suicide or inducement to its commitment. *Teoriya i praktika prioritetnykh nauchnykh issledovaniy: sbornik nauchnykh trudov po materialam III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Smolensk, NOVALENKO Publ., 2018, pp. 227–230.
23. Shoshin S.V. *Rassledovanie ubiystv* [Murder investigation]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2007. 345 p.
24. Vidonov L.G., Selivanov N.A. *Tipovye versii po delam ob ubiystvakh: spravochnoe posobie* [Standard versions to murder cases: handbook]. Gorkiy, Vsesoyuznyy institut po izucheniyu prichin i razrabotke mer preduprezhdeniya prestupnosti Publ., 1981. 56 p.

VICTIMOLOGICAL DATA IN THE STRUCTURE OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS

© 2019

S.V. Kondratyuk, senior lecturer of Chair “Criminal Law and Process” of Institute of Law
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: crime investigation; criminalistic characteristics; victimological analysis; victim’s identity.

Abstract: The paper deals with the problem of recording data on a victim’s identity included in the content of criminalistic technique of investigation of certain crimes. The relevance of the study is caused by the practice of investigating grave and especially grave crimes, as well as by the contemporary development trends in the theory of criminalistic characteristics towards the substantiation of its “victim’s identity” element. The author highlights the issue of recording victimological data when investigating crimes related to a certain mental state of a crime victim formed by an offender. The paper states that the unobvious nature of relations between an offender and a victim hampers the investigation of crimes against life and health, sex crimes, violent lucrative crimes, etc.

The author shows the necessity of implementing criminological analysis in the system of scientific methods of criminalistics, focuses on the fact that victimity should not be considered in isolation from other data on a victim’s identity (general demographics, social-psychological data, behavior characteristics, data on social relations and material status, business occupation information, etc.). The study justifies the applicability of victimological analysis in criminalistic technique and proves the advantages of statistical approach over the descriptive approach in the process of study of a victim’s identity when investigating grave and especially grave crimes. The author gives recommendations on the determination of major elements of a victim’s identity. In the conditions of adversary judicial procedure, the author recommends using an active state of a victim in terms of provisioning data for victimological analysis. The author highlights that the victim’s normal mental state should be considered as the essential data on a victim’s identity and offers an extended principle of formation of demographics, social-psychological data, as well as behavioral characteristics of a victim’s identity.

УГОЛОВНЫЙ ПРОСТУПОК И ВОЗМОЖНАЯ ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА ПРОИЗВОДСТВА ПРИ РАССМОТРЕНИИ ПОДПАДАЮЩИХ ПОД УКАЗАННУЮ КАТЕГОРИЮ ДЕЛ

© 2019

А.В. Мурузиди, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс» Института права
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: преступление; уголовный проступок; уголовно-процессуальная форма; протокольная форма рассмотрения; дознание в сокращенной форме; судебный порядок рассмотрения.

Аннотация: В статье обоснована необходимость введения в российское законодательство понятия «уголовный проступок», описаны возможная процессуальная форма производства по уголовным делам, подпадающим под категорию «уголовный проступок», – дознание в протокольной форме, а также судебный порядок рассмотрения таких дел.

В Государственную думу РФ внесен проект поправок в Уголовный кодекс РФ, а именно в ч. 2 ст. 15, в которой предлагают признать преступления небольшой тяжести, за совершение которых не предусматривается наказание в виде лишения свободы, уголовным проступком. Этот проект до сих пор вызывает много вопросов, так как законодатель не обосновал должным образом нужность и своевременность введения данного понятия, не указал, в какой процессуальной форме будет вестись производство по данной категории уголовных дел, подразумевая, что оно может осуществляться в форме простого либо сокращенного дознания, а также не обговорил судебный порядок их рассмотрения. Однако, если использование простого дознания при расследовании указанной категории уголовных дел не вызывает особых сомнений, то использование сокращенной формы производства дознания по преступлениям, признанным уголовным проступком, представляется спорным. Автор, обращаясь к истории российского уголовного законодательства и современному европейскому уголовному праву, обосновывает вывод о том, что введение понятия «уголовный проступок» своевременно и необходимо. Предложено утвердить такую процессуальную форму ведения указанной категории дел, ранее существовавшую в уголовно-процессуальном законодательстве РСФСР и РФ и существующую в Европейском уголовном процессе, как протокольная форма производства следственных действий, а также судебный порядок их рассмотрения, взяв за образец опыт Белоруссии и Казахстана.

ВВЕДЕНИЕ

В 2015 году президент страны В.В. Путин в послании к Федеральному собранию РФ отметил, что закон должен быть суров к тому, кто осознанно совершил тяжкое преступление, и гуманен к оступившимся [1]. Сегодня большинство преступлений по степени тяжести являются незначительными, совершаются либо впервые, либо молодыми людьми. Лица, совершившие эти преступления, попадают в места лишения свободы или в тюрьму. Пребывание в местах лишения свободы часто негативно влияет на дальнейшую жизнь указанных лиц и приводит их к совершению новых преступлений. Своим обращением к Федеральному собранию президент РФ дал старт декриминализации ряда статей УК РФ. С учетом послания к Федеральному собранию РФ, в октябре 2017 года Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2017 № 42 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка"» выступил с инициативой ввести в российское право категорию «уголовный проступок» [2]. Эту инициативу поддержали уполномоченный по правам человека в РФ Т.Н. Москалькова в интервью «Агентству городских новостей "Москва"», председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев [3], заместитель генерального прокурора РФ Л.Г. Коржинек и заместитель министра юстиции А.Д. Алханов [4]. Они отмечали, что введение понятия «уголовный проступок» даст возможность лицам, совершившим преступления указанной категории, избежать судимости и, понеся наказание, получить возмож-

ность исправиться. К тому же, по их мнению, принятие указанной поправки послужит либерализации уголовного законодательства. И хотя поправка еще окончательно не принята и дебаты по этому поводу не окончены, требуется исследовать вопрос и о возможной процессуальной форме оформления и рассмотрения указанной категории дел.

Цель исследования – обоснование необходимости принятия российским уголовным законодательством понятия «уголовный проступок», рассмотрение судебного порядка производства по делам данной категории и возможной процессуальной формы досудебного производства при рассмотрении дел, подпадающих под вышеуказанную категорию, – протокольной формы производства следственных действий.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В российском уголовном законодательстве (ст. 15 УК РФ) выделяется четыре категории преступлений: небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие [5]. Деление по тем же категориям предусмотрено в уголовном законодательстве ряда бывших республик СССР, в частности Узбекистана, Таджикистана, Белоруссии, Туркменистана. Уголовное законодательство европейских стран, таких как Германия, Испания, Австрия, Голландия, Норвегия, Чехия, Албания, некоторые страны Балтии, Турция, по-иному классифицирует уголовно наказуемые деяния, подразделяя их на преступления и уголовные проступки. Под уголовными проступками понимают деяния, которые не представляют большой общественной опасности или последствия от совершения которых не причиняют значительного вреда физическим или юридическим лицам, их имуществу, а также обществу в целом и государству

в частности, но при этом такие деяния обладают более значительной опасностью, чем административные правонарушения [6]. К списку перечисленных выше стран не так давно присоединился и Казахстан, где под уголовным проступком понимают деяние, за совершение которого в виде наказания предусматривается штраф, исправительные или общественные работы или арест [7]. Российские законодатели решили пойти этим же путем, и 31.10.2017 Пленумом Верховного Суда РФ было принято постановление о внесении в Государственную Думу РФ проекта поправок в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РФ о введении понятия «уголовный проступок». В ст. 15 УК РФ предложено внести ч. 2 следующего содержания: «Преступление небольшой тяжести, за которое УК РФ не предусмотрено наказание в виде лишения свободы, признать уголовным проступком». Поводом для внесения поправки послужило мнение о том, что это изменение даст возможность более справедливо классифицировать преступные деяния, дифференцировать уголовную ответственность за их совершение, учитывая характер общественной опасности, ввести еще одно основание для освобождения от уголовной ответственности, сделать проще судебную процедуру по рассмотрению уголовных дел и свести к минимуму негативные последствия от применения мер уголовно-правового характера. И хотя в тех странах, где закреплено понятие «уголовный проступок», существуют разные подходы к определению его сущности, есть и общее, а именно отсутствие судимости и минимальный срок лишения свободы, который составляет менее года, либо такая мера, как лишение свободы, по данной категории дел вообще не предусмотрена.

Конечно, во вносимой поправке существуют и отрицательные моменты, главный из которых, по мнению некоторых законодателей, заключается в том, что указанное новшество может снизить уровень защиты прав и интересов граждан, которые пострадали от совершенного в отношении них преступления, и понизить воспитательную функцию уголовного закона, что, в свою очередь, может подорвать авторитет государства и правоохранительных органов. Такие сомнения не совсем обоснованы, так как само понятие «уголовный проступок» не ново для российского уголовного законодательства. Уголовный проступок был известен в дореволюционном законодательстве России. Нормы, которые регулировали эту категорию дел, существовали на протяжении двух веков. Впервые понятия «преступление» и «проступок» появились в законодательных актах Петра I [8]. Екатерина II, ссылаясь на слова Ш. Монтескье о том, что «не следует смешивать большое нарушение закона с нарушением установленного благочиния и ставить эти дела в один ряд» [9], ввела разграничение между преступлением и проступком в «Уставе благочиния, или полицейском» 1782 года, по которому дела о преступлениях рассматривались в суде, а о проступках, или «малозначительных нарушениях», – в полиции [10]. Давалось понятие уголовному проступку и в XV томе «Свода законов Российской империи» 1832 года, согласно которому уголовным проступком считали деяния, запрещенные «под страхом легкого телесного наказания или полицейского исправления». В «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» 1864 года

проступок определялся как «нарушение правил, предписанных для охранения определенных законом прав и общественной или же личной безопасности и пользы». Н.С. Таганцев разграничивал преступления и проступки по «наказуемости деяний» [11]. В вышеупомянутых законодательных актах проступок от преступления отличался по двум показателям: объекту посягательства и тяжести наказания. «Уголовное уложение» 1903 года выделяло три категории преступных действий: тяжкие преступления, преступления и проступки. Деление производилось в зависимости от степени назначаемого наказания. И.Д. Сергиевский считал, что такое деление значительно облегчало редакцию статей кодекса, заменяя кратким термином подробное описание целой группы деяний, и способствовало разделению судов на категории в зависимости от подсудности дел [12].

Существовало деление на преступления и проступки в уголовном законодательстве и в первые годы советской власти. Дела о проступках рассматривали народные суды, а о преступлениях – трибуналы. Хотя впоследствии от такого деления отказались, но формально оно присутствовало достаточно долго. Вместо понятия «уголовный проступок» в советском уголовном праве появляется понятие «преступления, не представляющие большой общественной опасности» [13]. Таким образом, деление деяний по степени их тяжести и меры наказания, т. е. на преступления и проступки, существовало в дореволюционном законодательстве и формально в советском [14]. Формально существует оно и в современном уголовном праве, так как в нем имеется такое понятие, как «малозначительность деяния» и существует целый ряд составов, предусматривающих наказания в виде незначительного лишения свободы или штрафа. К тому же декриминализация уголовного законодательства, например, ст. 116 УК РФ или введение ст. 158.1 УК РФ, в сущности, и есть попытка возврата к понятию «уголовный проступок».

В связи с введением указанного понятия встает вопрос о процессуальной форме досудебного и судебного рассмотрения дел об уголовных проступках. При выборе процессуальной формы рассмотрения указанной категории дел надо учитывать специфику их правовой природы, которая включает в себя характеристику общественной опасности деяния и характер юридической ответственности. Процессуальная форма производства при рассмотрении такой категории дел должна усложняться в зависимости от степени общественной опасности содеянного, а также вида и размера наказания за совершенное [15].

В ФРГ законодательно закреплен институт судебного приказа, так называемый «приказ о наказании», при производстве дел, в которых наказание не превышает трех месяцев лишения свободы. УПК Франции предусматривает в делах об уголовных проступках две формы заочного судебного разбирательства: 1) заочное разбирательство, которое приравнено по характеру юридических последствий к судебному разбирательству при непосредственном участии в нем подсудимого; 2) особое заочное производство в случае отсутствия подсудимого или его неявки в суд без указания на то причин. В США существует суммарное (упрощенное) производство по преступлениям, которые не представляют

существенной опасности [16]. В УПК Казахстана досудебное производство по делам об уголовных проступках ведется в протокольной форме.

Протокольная форма по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести применялась когда-то и в России по УПК РСФСР 1960 года (раздел 9). Данную форму применяли в отношении известного лица при решении дел о преступлениях небольшой сложности, прописанных в ст. 414 УПК РСФСР, назначаемое наказание за которые не превышало максимальный предел, равнявшийся четырем годам лишения свободы. При рассмотрении дел, указанных в ст. 414 УПК РСФСР, на основании ст. 415 УПК РСФСР, органы дознания в 10-дневный срок должны были установить все обстоятельства совершенного преступления и личность правонарушителя, а также произвести все необходимые следственные мероприятия, составить протокол об обстоятельствах совершенного преступления и направить его начальнику органа дознания. Начальник органа дознания при рассмотрении протокола решал вопрос о применении к правонарушителю мер общественного воздействия и с согласия прокурора передавал материал в комиссию по делам несовершеннолетних либо передавал правонарушителя на поруки трудовому коллективу или общественной организации для перевоспитания и исправления. Если указанные меры применить было нельзя, то протокол начальником органа дознания с санкции прокурора направлялся в суд.

24.01.1985 вышел Указ Президиума Верховного Суда РСФСР о введении в уголовный процесс протокольной формы досудебной подготовки материалов, и порядок производства стал упрощенным и применялся только по уголовным делам, которые не представляли повышенной опасности и совершались в условиях очевидности [17]. К 1996 году протокольная форма досудебного производства применялась в отношении 40 составов преступлений и позволяла быстро и эффективно раскрывать преступления небольшой тяжести, проводить всестороннюю проверку всех обстоятельств дела, оперативно осуществлять сбор сведений о лице, привлекаемом к ответственности. Срок производства по делу составлял 10 дней. При необходимости избрания меры пресечения в виде подписки о невыезде или содержания под стражей досудебное производство производили в форме дознания или предварительного следствия. Окончанием производства являлся момент составления протокола об обстоятельствах совершенного деяния. Это был итоговый процессуальный документ, по значению равный обвинительному заключению. В протоколе излагали все обстоятельства дела. Протокол для ознакомления предоставляли правонарушителю с отметкой об этом в протоколе. После ознакомления правонарушитель расписывался в протоколе. Правонарушитель имел право заявлять ходатайства, которые рассматривались начальником органа дознания. После этого протокол направлялся вместе с материалами дела прокурору, который принимал по нему следующие решения:

- санкционировал направление протокола в суд;
- при выявлении обстоятельств, требовавших расследования, возбуждал уголовное дело и направлял его в следствие или дознание;

– при обнаружении обстоятельств, исключающих производство по делу, прекращал его;

– при неполноте сбора материалов отправлял дело дознавателю для проведения дополнительной проверки;

– в случае невозможности устранения выявленных недостатков в 10-дневный срок возбуждал уголовное дело и направлял его для производства следственных действий дознавателю либо следователю [18].

В суде материалы дела судья рассматривал единолично и по их рассмотрении возбуждал дело либо отказывал в его возбуждении. Хотя впоследствии такая форма рассмотрения протокольных дел была признана противоречащей Конституции РФ (Постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.1996 № 19-П «По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края»). С этим можно согласиться, так как суд, являясь органом правосудия, не должен обладать обвинительными функциями и возбуждать уголовные дела. Дознаватель рассматривает дело, проводит его расследование в протокольной форме и направляет его прокурору, который принимает по делу одно из рассмотренных выше решений, направляет его в суд или прекращает его. Судья при принятии протокола и прилагающихся к нему материалов достаточно принять решение об избрании в отношении предаваемого суду меры пресечения, о признании лица потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком, о наложении ареста на имущество правонарушителя для возмещения причиненного ущерба, вызвать дополнительных свидетелей и требовать предоставления дополнительных документов в случае возникновения такой необходимости. В случае возникновения необходимости выяснить дополнительные обстоятельства, которые могут оказаться существенными для принятия решения по делу, но невозможности установления этих обстоятельств в суде, судья должен иметь право возврата уголовного дела для производства дознания или предварительного следствия.

Протокольная форма ведения такой категории дел, как уголовный проступок, ускорило бы производство по этим делам и удешевило судебное производство, так как это дела небольшой тяжести, совершенные в состоянии очевидности, при отсутствии сложности установления фактических обстоятельств дела.

Конечно, можно сослаться на то, что у протокольной формы есть определенная схожесть с порядком производства по делам об административных правонарушениях, а данная форма не соответствует специфике уголовного процесса. К тому же в УПК РФ имеется сокращенная форма дознания, которая в чем-то схожа с протокольной формой (усеченный объем доказывания, сокращенные сроки этого дознания). Но чтобы начать производство дознания в сокращенной форме, требуется ходатайство об этом подозреваемого. При этом должны соблюдаться следующие условия:

- должно быть возбуждено уголовное дело в отношении конкретного лица;
- подозреваемый должен полностью признать свою вину, характер и размер причиненного вреда и согласиться с правовой оценкой инкриминируемого ему деяния;

– потерпевший должен дать согласие на производство дознания в сокращенной форме [19].

Протокольная форма ведения расследования не предусматривает, как говорилось об этом ранее, возбуждение уголовного дела, ведется расследование в отношении известного лица, совершившего преступление в условиях очевидности, и на его проведение не требуется согласия сторон – потерпевшего и правонарушителя.

ВЫВОДЫ

1. Введение в уголовное законодательство понятия «уголовный проступок» является своевременным и исторически обоснованным, с учетом его формального существования в современном уголовном законодательстве.

2. Досудебное производство по делам, подпадающим под категорию «уголовный проступок», должно вестись в протокольной форме, наиболее подходящей для указанной категории дел. Для этого требуется внести в УПК РФ главу 32.2 с соответствующими основаниями и условиями, взяв за образец ранее существующие в УПК РСФСР нормы, диспозицию ст. 526 УПК Республики Казахстан «Протокольная форма досудебного расследования», учитывая при этом европейскую практику ведения таких дел.

3. Судебное производство по делам, подпадающим под категорию «уголовный проступок», следует осуществлять в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, взяв за образец процессуальный порядок рассмотрения уголовных дел отдельных категорий, предусмотренных в УПК Белоруссии 1999 года (ст. 452–459) [20].

4. Упрощенная форма судопроизводства в виде протокольной формы по делам, подпадающим под категорию «уголовный проступок», должна осуществляться при сохранении уголовно-процессуальных гарантий объективности, полноты, беспристрастности судебного разбирательства при условии соблюдения рационализации и экономичности судебного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безумова О.Ю. Декриминализация отдельных статей уголовного кодекса РФ как один из актуальных вопросов Послания Президента РФ Федеральному Собранию // Реализация Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 года: материалы межвузовской научно-практической конференции. Челябинск: Цицеро, 2016. С. 30–35.
2. Копшева К.О. Об уголовном проступке в уголовном законодательстве России // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: материалы XV Международной научно-практической конференции. Т. 3. Тольятти: Волжский университет имени В.Н. Татищева, 2018. С. 230–232.
3. Куликов В. Не судите строго // Российская газета. 2016. № 7416.
4. Куликов В. Накажут, но не осудят. Число осужденных может сократиться на сто тысяч человек в год // Российская газета. 2018. № 7477.
5. Комбарова Е.Л. Уголовный проступок как потенциальное звено российской системы классификации уголовно наказуемых деяний: сущность, возможные формы процессуального производства // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 1-2. С. 53–56.
6. Коноплева Л.Л. Сравнительный анализ законодательных подходов к проблеме разграничения административных правонарушений и преступлений в зарубежных странах и в России // Вестник Уральского финансово-юридического института. 2016. № 2. С. 18–22.
7. Алембаев К.О. Понятие уголовного правонарушения в законодательстве Республики Казахстан // Современная молодежь и вызовы экстремизма и терроризма в России и за рубежом: сборник материалов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2019. С. 116–120.
8. Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А.Г. Маньков. М.: Юридическая литература, 1986. 216 с.
9. Альбина Л.Л. Екатерина II – читатель «О духе законов» Монтескье // Книга в меняющемся мире: тезисы докладов 7-ой научной конференции по проблемам книговедения. М.: Юрлит, 1992. С. 3–4.
10. Устав благочиния или полицейский. СПб.: Сенатская тип., 1782. 75 с.
11. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1994. 380 с.
12. Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть общая. 9-е изд. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. 186 с.
13. Недобежкин С.В., Морозова А.А. Отход от уголовно-правовой традиции в советском праве в период новой экономической политики // Государственная служба и кадры. 2016. № 2. С. 33–35.
14. Алексеев Н.С., Беляев Н.А., Грабовская Н.П., Домашин С.А., Карпец И.И., Лейкина Н.С., Лясс Н.В., Санталов А.С., Слуцкий И.И., Смирнов В.Г., Солодкин И.И., Филановский И.Г., Шаргородский М.Д. Советское уголовное право. Часть общая. Л.: Ленингр. ун-т, 1960. 587 с.
15. Герасенков В.М., Герасенкова О.А. Дифференциация форм дознания в российском уголовном судопроизводстве // Право и государство: теория и практика. 2017. № 2. С. 136–140.
16. Шаталов А.С. Уголовное судопроизводство в зарубежных странах. М.: Директ-Медиа, 2016. 380 с.
17. Хупсергенов Х.М. Протокольная форма досудебной подготовки материалов по уголовным делам: взгляд в прошлое // Теория и практика общественного развития. 2015. № 8. С. 97–100.
18. Карягина О.В. История становления института дознания в уголовном процессе России // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2016. № 1. С. 65–67.
19. Белавин А.А., Бочинин С.А. Проблемы сокращенной формы дознания // Российский следователь. 2016. № 13. С. 12–17.
20. Павлов Е.В. Уголовный процесс Республики Беларусь в вопросах и ответах. Минск: ИУиП, 2011. 83 с.

REFERENCES

1. Bezumova O.Yu. Decriminalization of individual articles of the RF Criminal Code as one of the topical issues of the Presidential Address to the RF Federal Assembly. *Realizatsiya Poslaniya Prezidenta Rossiyskoy Federatsii Federalnomu Sobraniyu ot 3 dekabrya 2015 goda: materialy mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Chelyabinsk, Tsitsero Publ., 2016, pp. 30–35.
2. Kopsheva K.O. Concerning criminal offense in the criminal legislation of Russia. *Tatishchevskie chteniya: aktualnye problemy nauki i praktiki: materialy XV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Tolyatti, Volzhskiy universitet imeni V.N. Tatishcheva Publ., 2018. Vol. 3, pp. 230–232.
3. Kulikov V. Do not judge too harshly. *Rossiyskaya gazeta*, 2016, no. 7416.
4. Kulikov V. They will punish but will not convict. The number of convicted may reduce by the hundred K people per year. *Rossiyskaya gazeta*, 2018, no. 7477
5. Kombarova E.L. Criminal offense as a potential element of Russian system of classification of criminally punishable acts: essence, possible forms of proceedings. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2017, no. 1-2, pp. 53–56.
6. Konopleva L.L. Comparative analysis of legislative approaches to the problem of distinguishing administrative infractions and crimes in foreign countries and in Russia. *Vestnik Uralskogo finansovo-yuridicheskogo instituta*, 2016, no. 2, pp. 18–22.
7. Alembaev K.O. The concept of criminal offense in legislation of the Republic of Kazakhstan. *Sovremennaya molodezh i vyzovy ekstremizma i terrorizma v Rossii i za rubezhom: sbornik materialov Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Gorno-Altaysk, Gorno-Altayskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2019, pp. 116–120.
8. Mankov A.G., ed. *Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vv. Zakonodatelstvo perioda stanovleniya absolyutizma* [Russian legislation of X-XX centuries. Legislation in the early days of absolutism]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1986. Vol. 4, 216 p.
9. Albina L.L. Catherine the Great – the reader of “The Spirit of the Laws” of Montesquieu. *Kniga v menyayushchemsya mire: tezisy докладов 7-oy nauchnoy konferentsii po problemam knigovedeniya*. Moscow, Yurilit Publ., 1992, pp. 3–4.
10. *Ustav blagochiniya ili politseyskiy* [Discipline or Police Rules]. Sankt Petersburg, Senatskaya tip. Publ., 1782. 75 p.
11. Tagantsev N.S. *Russkoe ugovnoe pravo. Chast obshchaya* [Russian criminal law. General part]. Moscow, Nauka Publ., 1994. Vol. 1, 380 p.
12. Sergievskiy N.D. *Russkoe ugovnoe pravo. Posobie k lektsiyam. Chast obshchaya* [Russian criminal law. Manual to lectures. General part]. 9th ed. Sankt Petersburg, Tip. M.M. Stasyulevicha Publ., 1911. 186 p.
13. Nedobezhkin S.V., Morozova A.A. Departure from criminal legal tradition in Soviet law during the period of the new economic policy. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry*, 2016, no. 2, pp. 33–35.
14. Alekseev N.S., Belyaev N.A., Grabovskaya N.P., Domakhin S.A., Karpets I.I., Leykina N.S., Lyass N.V., Santalov A.S., Slutskiy I.I., Smirnov V.G., Solodkin I.I., Filanovskiy I.G., Shargorodskiy M.D. *Sovetskoe ugovnoe pravo. Chast obshchaya* [Soviet criminal law. General part]. Leningrad, Leningr. un-t Publ., 1960. 587 p.
15. Gerasenkov V.M., Gerasenkova O.A. Differentiation of forms of inquiry in the Russian criminal trial. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2017, no. 2, pp. 136–140.
16. Shatalov A.S. *Ugovnoe sudoproizvodstvo v zarubezhnykh stranakh* [Criminal proceedings in foreign countries]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2016. 380 p.
17. Khupsergenov Kh.M. The protocol form of pre-trial preparation of criminal cases: hark back to the past. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2015, no. 8, pp. 97–100.
18. Karyagina O.V. Protocol form of pre-trial preparation of materials on criminal cases: retrospective. *Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniya i ekonomiki*, 2016, no. 1, pp. 65–67.
19. Belavin A.A., Bochinin S.A. Problems of abridged form of inquest. *Rossiyskiy sledovatel*, 2016, no. 13, pp. 12–17.
20. Pavlov E.V. *Ugovnnyy protsess Respubliki Belarus v voprosakh i otvetakh* [Criminal proceedings of the Republic of Belarus in questions and answers]. Minsk, IUIP Publ., 2011. 83 p.

**CRIMINAL OFFENSE AND POSSIBLE PROCEDURAL FORM OF PROCEEDINGS
WHEN CONSIDERING FALLING UNDER THE SPECIFIED CATEGORY OF CASES**

© 2019

A.V. Muruzidi, senior lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure” of Institute of Law
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: crime; criminal offense; criminal procedural form; protocol form of consideration; inquiry in the reduced form; legal procedure of consideration.

Abstract: The paper proves the necessity of introduction of the concept of “criminal offense” into Russian criminal legislation, describes the possible procedural form of proceedings in criminal cases falling under the category of “criminal offense” – an inquiry in the reduced form, as well as the legal procedure of consideration of such cases.

Draft amendments to the RF Criminal Code, namely, in part 2 of Art. 15 are submitted to the RF State Duma; they suggest recognizing minor crimes, not providing for the punishment in the form of imprisonment, as a criminal infraction. Up to now, this draft raises many questions as the legislator has not appropriately proved the importance and timeliness of introduction of such concept, has not specified in what procedural form the proceedings in criminal cases of specified category will be conducted, implying that it can be carried out in the form of simple or reduced inquiry, as well as has not specified legal procedure of their consideration. However, if the use of a simple inquest when investigating criminal cases of this category is in no doubt, the use of the reduced form of the inquiry on crimes recognized as a criminal offense is questionable. Appealing to the history of Russian criminal legislation and current European criminal law, the author proves the conclusion that the introduction of the concept of “criminal offense” is urgent and necessary and suggests validating such procedural form of proceedings on specified criminal cases, formerly existed in the criminal procedure legislation of the RSFSR and the RF and existing in the European criminal procedure, as a protocol form of investigative actions, as well as accepting the legal procedure of their consideration, taking the experience of Belarus and Kazakhstan as a model.

УЧРЕДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ РОССИЙСКИХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ

© 2019

Ю.А. Полякова, преподаватель кафедры «Предпринимательское и трудовое право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: устав; хозяйственное общество; типовой устав; внутренние документы; ЕГРЮЛ; договор об учреждении общества.

Аннотация: Статья посвящена изучению учредительных документов коммерческих организаций, их элементов и особенностей, которые не раскрыты либо недостаточно раскрыты в современном российском законодательстве, а также их правовой природы. Актуальность темы исследования обусловлена не только экономической значимостью такого явления «учредительные документы коммерческих организаций», но и возможностью принятия и внедрения в жизнь данных документов при помощи различных способов.

Дано определение понятию «устав», предпринята попытка разграничения понятий «учредительные документы», «устав», а также попытка определения верной терминологии, проанализированы подходы к пониманию элементов и содержания самого устава. Рассмотрена правовая природа устава, проанализирована задача оптимизации положений уставов хозяйственных обществ и устранения избыточных требований к ним, проанализированы нормативные требования к содержанию устава. Рассмотрено соотношение устава, внутренних документов, корпоративного договора, а также сведений, содержащихся в уставе и в ЕГРЮЛ, рассмотрена правовая природа и перспективы развития типовых уставов. Собраны варианты подготовки устава, а также описан порядок принятия устава в электронной форме посредством заполнения учредителями, визирования их усиленной цифровой подписью, а в последующем подписью лица, уполномоченного решением общего собрания на государственную регистрацию изменений устава. Проанализирован режим принятия устава, государственной регистрации и внесения в него изменений, проанализированы различия между уставом и внутренними документами коммерческих организаций.

Предложено внедрить электронную форму устава, находящуюся в открытом доступе и используемую по модульному принципу.

ВВЕДЕНИЕ

Анализу правовой природы устава посвящено множество исследований как российских дореволюционных цивилистов, так и наших современников. Устав рассматривался как нормативный акт, локальный нормативный акт, поднормативный акт, учредительный документ, односторонняя или многосторонняя сделка, особое явление [1].

В текущий момент российские специалисты не едины в своей оценке правовой природы устава. Одной из распространенных теорий является понимание устава как сделки – признание за уставом договорной (сделочной) природы [2]. Из этой концепции в совокупности с положениями ст. 422 ГК РФ [3] следует весьма радикальный вывод: если после заключения договора (в нашем случае принятия устава) принят закон, устанавливающий обязательные иные для сторон правила, чем те, которые действовали при заключении договора (при утверждении устава), условия заключенного договора (положения устава) сохраняют силу, кроме случаев, когда в законе установлено, что его действие распространяется на отношения, возникшие из ранее заключенных договоров (из ранее утвержденного устава). То есть принятие нового закона, устанавливающего иные обязательные правила, не отменяет положения ранее утвержденного устава, если только вновь принятому закону не придается обратной силы.

Идея, что у устава сделочная природа, поддерживается множеством современных ученых. Устав, как и все другие документы, принятые в связи с деятельностью юридического лица, в данном случае рассматривается как форма, отражающая и закрепляющая содержание (условия) отдельной сделки [4]. Однако такое уравнивание на уровне концептуального осмысления корпоративных актов и сделок на практике должно немедленно

компенсироваться еще более дифференцированной разработкой норм по основаниям и последствиям недействительности таких сделок, происходящих в корпоративно-правовой сфере [5]. Иными словами, следует отойти от формально-правовых корпоративных актов и разработать общую доктринальную структуру сделки, включающую многостороннюю торговлю как наиболее распространенный юридический факт, порождающий корпоративные отношения [6].

В основе судебной практики лежит позиция А.А. Маковской: «подлежат применению не ранее принятые уставы, а последующие изменения закона, если эти законодательные положения носят императивный характер» [7, с. 27]. Ее позиция основана на содержании вводных законов в сфере корпоративного права. Так, Федеральный закон от 5 мая 2014 года № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», с которым справедливо связывают реформирование корпоративного законодательства, установил, что учредительные документы юридических лиц до приведения их в соответствие с нормами главы 4 Гражданского кодекса РФ (в редакции действующего Федерального закона) действуют в части, не противоречащей указанным нормам (п. 7 ст. 3) [8].

Существует иная точка зрения о правовой природе устава ученых С.Ю. Филиппова и Н.В. Козлова. Устав юридического лица есть единство трех составляющих – «статут», «приказ или договор», «хартия».

Статутная часть устава включает волю законодателя и основывается на императивных предписаниях закона. Следует отметить, что статутная часть может содержаться непосредственно в положениях закона и не воспроизводится в уставе в виде письменного документа.

Устав как распоряжение (договор) предусматривает волю учредителя (учредителей). Содержание этого одностороннего акта (договора) определяется учредителем (учредителями) на основании возможных вариантов, закрепленных в диспозитивных или факультативных нормах, а также путем включения в Устав инициативы условий, не противоречащих закону.

Устав как декларация (хартия) содержит волю юридического лица, закрепляющую принятые на себя обязанности. Эта часть Устава содержит публичное уведомление о намерениях юридического лица достичь указанной цели, заниматься указанной деятельностью, находиться в указанном месте, иметь наименование, совершать юридически значимые действия в указанном порядке и т. д. Это своего рода «публичное обещание», адресованное неопределенному кругу лиц, которое связывает само юридическое лицо, обязанное его выполнять [9]. С формально-юридической позиции устав – это учредительный документ юридического лица, такой вывод непосредственно вытекает из законодательства [10].

Договор об учреждении общества не является учредительным документом общества. Он только регулирует отношения учредителей общества с ограниченной ответственностью, связанные с учреждением общества, в том числе определяет порядок осуществления ими совместной деятельности по учреждению общества (п. 5 ст. 11 ФЗ от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»). При этом, несмотря на то, что он заключается в обязательном порядке, его не нужно представлять на государственную регистрацию общества с ограниченной ответственностью, поскольку его представление не предусмотрено ст. 12 ФЗ от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

Цель работы – анализ правовой природы устава коммерческой организации.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

С одной точки зрения, устав не принадлежит к числу внутренних документов корпорации [11] в их непосредственном понимании. Однако все же устав занимает ведущее место и возглавляет иерархию корпоративных документов организации, поскольку устав непосредственно регулирует внутреннюю жизнь корпорации. Многие ученые относят устав к локальным нормативным актам [12]. Как это следует из п. 5 ст. 52 ГК РФ, во внутреннем регламенте и иных внутренних документах юридического лица могут содержаться положения, не противоречащие учредительному документу юридического лица.

Устав корпорации утверждается и приобретает свой законный статус в особом порядке. Во-первых, законодательство предусматривает определенный правовой режим принятия устава и внесения в него изменений. К такому порядку можно отнести принятие единогласного решения всеми учредителями в отношении утверждения как самого устава, так и изменений к нему. В качестве примера можно привести п. 3 ст. 11 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью»), п. 3 ст. 9 Федерального закона от 26.12.1995

№ 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – Федеральный закон «Об акционерных обществах»). Исключение из правила составляют, например, положения п. 2 ст. 12 Федерального закона «Об акционерных обществах», предусматривающие возможность при увеличении (уменьшении) уставного капитала общества внесение изменений в устав посредством принятия решения советом директоров общества. Все внутренние документы коммерческих организаций утверждает высший орган управления [13]. Во-вторых, для внесения изменений в учредительные документы, в том числе в устав юридического лица, в отличие от внутренних документов требуется государственная регистрация. В-третьих, федеральные законы о хозяйственных обществах делают различие между уставом и внутренними документами (подп. 18 п. 1 ст. 65, п. 1 ст. 68, ст. 89 Федерального закона «Об акционерных обществах», ст. 50 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью») [14].

Таким образом, законодатель выделяет устав организации и ставит его на особое место как учредительный документ в системе корпоративного нормотворчества. Не углубляясь в теорию корпоративного договора, отметим, что корпоративный договор не содержит норм права, даже локальных, он может быть заключен не между всеми участниками и, как любое обязательство, имеет силу только в отношении лиц, его заключивших [15].

Тем не менее, российское корпоративное законодательство не устанавливает легальных критериев соотношения положений закона, устава юридического лица и внутренних корпоративных актов, что препятствует единообразной корпоративной практике, снижая эффективность защиты корпоративных прав. В условиях такой законодательной неопределенности, заметно осложняющей функционирование и бизнес-структур, и государственного аппарата при осуществлении разрешительной и контрольной деятельности, в новейшей российской юридической литературе даны крайне сжатые и общеизвестные определения устава как учредительного документа хозяйственного общества с констатацией возможности использования типовых форм уставов [16].

Устав же, будучи учредительным документом юридического лица, распространяется на всех участников – и тех, которые вступили в общество уже после его учреждения, и тех, кто голосовал против изменения устава, но остался в обществе, не воспользовавшись правом на выкуп акций (применительно к акционерному обществу). Заметим, что некоторые диспозитивные нормы в непубличных обществах могут быть внесены в устав только при учреждении или изменены в дальнейшем только единогласным решением участников (акционеров – в непубличном АО), однако такие положения устава будут обязательными для всех приобретающих доли (акции) лиц. В связи с особым характером формирования воли участников юридического лица, принимающих решения общего собрания корпоративных организаций, нельзя рассматривать решения собраний наряду с договорами, многосторонними сделками [17]. Корпоративный договор не распространяется автоматически на лиц, приобретающих членство в корпорации, для этого они должны стать стороной такого договора [18].

При рассмотрении вопроса о соотношении корпоративного договора и устава корпорации представляется важным проанализировать норму, содержащуюся в п. 7 ст. 67.2 ГК РФ, согласно которой стороны корпоративного договора не вправе ссылаться на его недействительность в связи с его противоречием положениям устава хозяйственного общества. Из-за неопределенности приведенного положения может возникнуть мнение, что современный законодатель, вопреки ранее существовавшей практике, допускает возможность заключения корпоративных договоров, противоречащих уставу. Из приведенных выше правил нельзя сделать прямой вывод, что корпоративный договор может содержать положения, заведомо противоречащие уставу общества, но, тем не менее, можно утверждать, что договор сохраняет свою юридическую силу в той части, в которой он противоречит уставу и поэтому подлежит судебной защите, о чем прямо говорится в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Корпоративный договор может содержать условия, противоречащие уставу общества, если:

1) соответствующее положение корпоративного договора не нарушает обязательных запретов законодательства, например, обязать его участников голосовать по поручению органов общества, определять структуру органов общества и их компетенцию;

2) все участники общества являются участниками корпоративного договора, и корпоративный договор заключается после даты утверждения устава общества его участниками;

3) не все участники общества являются участниками корпоративного договора, но положения договора, противоречащие уставу общества, не влекут и не могут повлечь за собой ущемление прав и законных интересов других участников общества [19].

Последнее из приведенных оснований является весьма оценочным и, очевидно, может быть только предметом судебного толкования.

Переписывание императивных положений закона в текст устава не всегда является правильным. Если и переносить в устав отдельные законодательные положения, то стоит это делать осознанно для обеспечения правовой определенности в отношениях между участниками корпорации. Дело в том, что при последующем изменении закона соответствующие положения устава, переписанные из прежней редакции закона, могут сохранить свою силу. Так, согласно Информационному письму Президиума ВАС РФ от 30 марта 2010 года № 135 «О некоторых вопросах, связанных с применением статьи 5 Федерального закона от 30.12.2008 № 312-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», право на выход участника из ООО стало возможным только в случае, если такое положение содержится в уставе, устав общества уже содержал право на выход, указанное право признается надлежаще предусмотренным. Данный вывод подтверждается Федеральным законом от 03.07.2016 № 343-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответ-

венностью» в части регулирования крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность». То есть те участники, которые в свой устав переняли когда-то императивную норму Закона о праве на выход, стали заложниками такого решения: считается, что право на выход из общества установлено в надлежащем порядке и после изменения Закона, при том что соответствующие положения устава могли быть приняты не единогласно, как этого требует современный Закон. Еще один пример – с регламентацией сделок. Федеральный закон от 3 июля 2016 № 343-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части регулирования крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» (далее – Закон № 343-ФЗ) предусмотрел для непубличных обществ возможность отказаться от процедуры согласования сделок с заинтересованностью или изменить порядок такого согласования, как, например, что не подлежат применению только отдельные правила, установленные законом. Согласно п. 28 Постановления Пленума ВС РФ от 26 июня 2018 года № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» в качестве правил, устанавливающих иной порядок совершения сделок с заинтересованностью, следует рассматривать также включенные до даты вступления в силу Закона № 343-ФЗ (01.01.2017) в устав непубличного акционерного общества или общества с ограниченной ответственностью положения о порядке совершения сделок с заинтересованностью, в том числе если они были включены в устав общества по решению общего собрания участников (акционеров), принятому не единогласно [20].

Таким образом, и в этом случае участники могут пострадать за переписывание норм закона в устав общества, ведь такие изменения могли быть приняты квалифицированным числом голосов, а не единогласно, как этого требует действующий ныне Закон. Вывод очевиден: вносить законодательные положения в устав не так уж безопасно, как это кажется на первый взгляд, и следует продумывать, готовы ли участники подчиняться соответствующему режиму, даже если изменится федеральный закон, содержащий соответствующие нормы [21]. Ответ на эти вопросы – каковы нормативные требования к содержанию устава или что должен в обязательном порядке содержать устав хозяйственного общества – содержится непосредственно в законодательстве: в Гражданском кодексе РФ и специальных законах. Согласно п. 4 ст. 52 ГК РФ устав юридического лица, утвержденный учредителями (участниками) юридического лица, должен содержать сведения о наименовании юридического лица, его организационно-правовой форме, месте его нахождения, порядке управления деятельностью юридического лица, а также другие сведения, предусмотренные законом для юридических лиц соответствующих организационно-правовой формы и вида.

Применительно к содержанию устава акционерного общества Гражданский кодекс РФ содержит детализацию в п. 3 ст. 98, применительно к уставу общества с ограниченной ответственностью – в п. 3 ст. 89. При этом специальные Федеральные законы «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной

ответственностью» также регламентируют требования к уставам соответствующих организационно-правовых форм. Как это определено п. 3 ст. 11 Федерального закона «Об акционерных обществах», устав акционерного общества должен содержать следующие сведения: полное и сокращенное фирменные наименования общества; место нахождения общества; количество, номинальную стоимость, категории (обыкновенные, привилегированные) акций и типы привилегированных акций, размещаемых обществом; права акционеров-владельцев акций каждой категории (типа); размер уставного капитала общества; структуру и компетенцию органов управления общества и порядок принятия ими решений; порядок подготовки и проведения общего собрания акционеров, в том числе перечень вопросов, решение по которым принимается органами управления общества квалифицированным большинством голосов или единогласно.

Анализ п. 2 ст. 12 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» показывает, что применительно к обществу с ограниченной ответственностью ситуация аналогична. Так, из устава ООО безболезненно для защиты прав участников корпоративных правоотношений могли бы быть исключены, например, сведения о правах и обязанностях участников общества, если речь не идет о дополнительных правах (обязанностях), сведения о порядке хранения документов общества и порядке предоставления обществом информации участникам общества и другим лицам, поскольку соответствующие положения предусмотрены Законом.

Представляется, что дублирующая законодательство информация, не содержащая индивидуализации применительно к конкретному хозяйственному обществу, должна быть исключена из числа обязательной для размещения в уставе общества. Следует отметить, что во исполнение Поручения Правительства от 23 июля 2018 года № КЧ-П13-4545 об оптимизации уставов хозяйственных обществ Министерство экономического развития РФ подготовило законопроект «О внесении изменения в Федеральный закон «Об акционерных обществах» (в части отмены избыточных требований к содержанию устава акционерного общества)» (Постановление Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»). Инициаторы законопроекта выбрали путь более детальной регламентации на уровне закона отдельных положений, которые в соответствии с ныне действующим законодательством, в силу диспозитивного или факультативного регулирования, должны найти отражение в уставе акционерного общества, например, положения, устанавливающие размер резервного фонда, сроки проведения общего собрания, количественный состав совета директоров, кворум для проведения заседания совета директоров и коллегиального исполнительного органа общества. Установив соответствующие требования на уровне законодательного акта, законопроект тем самым исключает необходимость регулирования соответствующих положений в уставе общества, если такое регулирование не отличается от законодательного. Так, например, указанным законопроектом предлагается создавать резервный фонд в размере 5 %

от уставного капитала общества, если уставом не предусмотрено его создание в большем размере, а численный состав совета директоров общества с численностью акционеров-владельцев голосующих акций тысяча и менее – в составе пяти членов, если больший численный состав не предусмотрен уставом общества или решением общего собрания акционеров. Заметим, что такой подход способен сократить объем устава акционерного общества, однако не радикально.

Устав общества – документ, о котором могут и, проявляя разумную осмотрительность, должны знать осуществляющие предпринимательскую деятельность третьи лица.

Нам известна позиция Верховного Суда РФ, что третьи лица по общему правилу не должны изучать устав контрагента (Определение ВС РФ от 01.10.2018 по делу № 305-ЭС18-1445), однако от этого зависит оценка их добросовестности, и правоприменительная практика знает примеры, когда осуществляющие предпринимательскую деятельность третьи лица признаются недобросовестными в связи с неизучением устава контрагента.

В качестве обоснования суд ссылается на п. 22 Постановления Пленума ВС РФ № 25. Само по себе наличие в Едином государственном реестре юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ) сведений об исполнительном органе не могло являться для контрагента, действующего разумно и осмотрительно, несомненным свидетельством добросовестности другой стороны. Совершенно очевидно, что внутренние документы (положения об органах общества и пр.) третьи лица уж точно изучать не должны, и регламентация компетенции органов общества во внутренних документах в обычной ситуации не защитит лиц, в пользу которых в рамках дозволенного установлены соответствующие ограничения.

Если устав будет лаконичным, то третьи лица будут вынуждены в других документах и другими способами изыскивать необходимые сведения, например, при осуществлении проверки контрагента. Устав будет коротким, но проверка контрагента для добросовестных участников оборота усложнится. Очевидно, что многие важные для себя сведения, исходя из принципа достоверности реестра (п. 1 ст. 52 ГК РФ), контрагент сможет почерпнуть из ЕГРЮЛ. Если сокращать содержание уставов, то, может быть, следует внести корректировки в государственную базу и расширить сведения, содержащиеся в ЕГРЮЛ (ст. 5 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»), которым в силу закона придается характер достоверных.

Устав, на наш взгляд, не должен выполнять функции идентификации юридического лица, такие задачи следует возложить на государственный реестр. Сведения о деятельности юридических лиц содержатся также в Едином федеральном реестре сведений о фактах деятельности юридических лиц (ЕФРСОФДЮЛ); Едином федеральном реестре сведений о банкротстве (ЕФРСОБ). Тем не менее, в уставе мы продолжаем указывать место нахождения юридического лица, заключающееся в указании только соответствующего территориального образования, в то время как почтовый адрес в пределах места нахождения или адрес электронной почты (при указании таких сведений в заявлении о государственной регистрации) содержится в ЕГРЮЛ.

Хозяйственные общества могут действовать и на основании типовых уставов (п. 2 ст. 52 ГК РФ, п. 1 ст. 12 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»). В Федеральном законе «Об акционерных обществах» не упоминается возможность использования типового устава, хотя прямого запрета не содержится. Если общество принимает решение действовать на основании типового устава, то оно должно уведомить регистрирующий юридических лиц орган. Основные условия, закрепленные в уставе общества – наименование, место нахождения общества, размер уставного капитала и прочее – закрепляются непосредственно в ЕГРЮЛ. Типовой устав в таком случае не становится документом общества. Он является документом, издаваемым уполномоченным Правительством РФ федеральным органом исполнительной власти.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Представляется своевременным внедрить электронную версию устава, которая могла бы заполняться учредителями, визироваться их усиленной цифровой подписью, а в последующем подписью лица, уполномоченного решением общего собрания на государственную регистрацию изменений устава. Данная электронная форма устава должна быть в открытом доступе и использоваться по модульному принципу, как в полной, так и в усеченной версии. Это обеспечит удобство для всех сторон предпринимательской деятельности – самих предпринимателей и государственных правоприменительных органов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. М.: Статут, 2005. 474 с.
2. Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. К вопросу о природе устава юридического лица // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2017. № 1. С. 64–79.
3. Глушецкий А.А. Корпоративный договор – новые возможности структурирования корпоративных отношений // Хозяйство и право. 2014. № 11. С. 57–72.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2017) // Российская газета. 1994. 08 декабря (№ 238-239).
5. Макарова О.А. Пределы свободы корпоративного договора // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. С. 55–59.
6. Степанов Д.И. Устав как форма сделки // Вестник гражданского права. 2009. Т. 9. № 1. С. 4–62.
7. Маковская А.А. Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // Хозяйство и право. 2018. № 9. С. 3–20.
8. Степанов Д.И., Фогель В.А., Шрамм Х.-И. Корпоративный договор: подходы российского и немецкого права к отдельным вопросам регулирования // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2012. № 10. С. 22–69.
9. Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. Устав как форма существования юридического лица // Представитель-

ная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2017. № 4. С. 12–17.

10. Филиппова С.Ю. Устав есть обязательство юридического лица // Акционерное общество: вопросы корпоративного управления. 2015. № 2. С. 10–15.
11. Шиткина И.С. Правовое регулирование коммерческих организаций внутренними (локальными) документами. М.: Городец-Издат, 2003. 216 с.
12. Кузбагаров А.Н. Корпоративное правоотношение как отражение единства теории и практики применения знаний о нем // Гражданское право. 2019. № 1. С. 3–6.
13. Осипенко О.В. Актуальные проблемы системного применения инструментов корпоративного управления и акционерного права. М.: Статут, 2018. 448 с.
14. Шиткина И.С. Уставы российских хозяйственных обществ: какими им быть? // Предпринимательское право. 2019. № 2. С. 14–23.
15. Андреев В.К. Природа корпоративного соглашения // Приложение к журналу предпринимательское право. 2014. № 2. С. 2–6.
16. Гутников О.В., Сеницын С.А. Значение и содержание уставов корпораций на современном этапе: новые подходы в условиях цифровизации // Закон. 2019. № 3. С. 146–157.
17. Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В. Односторонние и многосторонние сделки // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2012. № 7. С. 30–50.
18. Романенко С.А. Условие о разрешении корпоративных конфликтов в содержании корпоративного договора // Власть Закона. 2018. № 2. С. 202–209.
19. Бирюков Д.О. Корпоративный договор как механизм регулирования корпоративных отношений // Хозяйство и право. 2016. № 11. С. 17–30.
20. РФ. Законопроект № 02/04/10-18/00084927 «О внесении изменения в Федеральный закон "Об акционерных обществах" (в части отмены избыточных требований к содержанию устава акционерного общества)» // Юридическое бюро С.А. Носова. URL: jurburonosov.ru/new/3225/.
21. Камышанский В.П. Корпоративный договор: юридическая сущность, некоторые проблемы и тенденции // Актуальные проблемы реформирования гражданского и предпринимательского права: материалы Всероссийской очно-заочной научно-практической конференции с иностранным участием. Краснодар: Издательский Дом-Юг, 2015. С. 21–26.

REFERENCES

1. Kozlova N.V. *Pravosubektnost yuridicheskogo litsa* [Legal Personality of a legal entity]. Moscow, Statut Publ., 2005. 474 p.
2. Kozlova N.V., Filippova S.Yu. On the issue of the legal nature of the charter of a legal entity. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo*, 2017, no. 1, pp. 64–79.
3. Glushetskiy A.A. Corporate agreement – new opportunities for the structuring of corporate relations. *Khozyaystvo i pravo*, 2014, no. 11, pp. 57–72.
4. The civil code of the Russian Federation (part one) from 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 29.07.2017) (Rev. and EXT., joined. in force 06.08.2017). *Rossiyskaya gazeta*, 1994, 08 December (no. 238-239).

5. Makarova O.A. Framework of the Corporate Contract's Freedom. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2018, no. 7, pp. 55–59.
6. Stepanov D.I. Charter as a form of transaction. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2009, vol. 9, no. 1, pp. 4–62.
7. Makovskaya A.A. Comment to the resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 26, 2018 No. 27 “About challenge of large transactions and transactions in which Commission there is an interest”. *Khozyaystvo i pravo*, 2018, no. 9, pp. 3–20.
8. Stepanov D.I., Fogel V.A., Shramm Kh.-I. Corporate contract: approaches of Russian and German law to certain regulatory issues. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF*, 2012, no. 10, pp. 22–69.
9. Kozlova N.V., Filippova S.Yu. The Charter as a form of legal existence. *Predstavitel'naya vlast – XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problem*, 2017, no. 4, pp. 12–17.
10. Filippova S.Yu. Charter is an obligation of a legal entity. *Aksionernoe obshchestvo: voprosy korporativnogo upravleniya*, 2015, no. 2, pp. 10–15.
11. Shitkina I.S. *Pravovoe regulirovanie kommercheskikh organizatsiy vnutrennimi (lokalnymi) dokumentami* [Legal regulation of commercial organizations by internal (local) documents]. Moscow, Gorodets-Izdat Publ., 2003. 216 p.
12. Kuzbagarov A.N. Corporate Legal Relationship as a Manifestation of the Unity of the Theory and Practice of Application of Knowledge about It. *Grazhdanskoe pravo*, 2019, no. 1, pp. 3–6.
13. Osipenko O.V. *Aktualnye problemy sistemnogo primeneniya instrumentov korporativnogo upravleniya i aksionernogo prava* [Actual problems of systemic application of corporate governance and shareholder law instruments]. Moscow, Statut Publ., 2018. 448 p.
14. Shitkina I.S. Articles of Association of Russian Business Entities: What Should They Look Like? *Predprinimatelskoe pravo*, 2019, no. 2, pp. 14–23.
15. Andreev V.K. Nature of corporate agreement. *Prilozhenie k zhurnalu predprinimatelskoe pravo*, 2014, no. 2, pp. 2–6.
16. Gutnikov O.V., Sinitsyn S.A. The value and content of corporate statutes at the present stage: new approaches in terms of digitalization. *Zakon*, 2019, no. 3, pp. 146–157.
17. Krashennnikov E.A., Baygusheva Yu.V. Unilateral and multilateral transactions. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF*, 2012, no. 7, pp. 30–50.
18. Romanenko S.A. The means of resolving corporate dispute arising from contents of the shareholders' agreement. *Vlast Zakona*, 2018, no. 2, pp. 202–209.
19. Biryukov D.O. Corporate contract as a mechanism of regulation of corporate relations. *Khozyaystvo i pravo*, 2016, no. 11, pp. 17–30.
20. RF. Bill No. 02/04/10-18/00084927 “On amendments to the Federal law “On joint stock companies” (regarding the elimination of redundant requirements on the content of the Charter of the joint-stock company)”. *Yuridicheskoe byuro S.A. Nosova*. URL: jurburonosov.ru/new/3225/.
21. Kamyshanskiy V.P. Corporate contract: legal essence, some problems and tendencies. *Aktualnye problemy reformirovaniya grazhdanskogo i predprinimatelskogo prava: materialy Vserossiyskoy ochno-zaochnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s inostrannym uchastiem*. Krasnodar, Izdatelskiy Dom-Yug Publ., 2015, pp. 21–26.

CONSTITUENT DOCUMENTS OF RUSSIAN BUSINESS ENTITIES

© 2019

Yu.A. Polyakova, lecturer of Chair “Business and Labour Law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: Charter; business entity; model Charter; internal documents; Uniform State Register of Legal Entities; Memorandum of Association.

Abstract: The paper deals with the study of constituent documents of commercial organizations, their elements, and peculiarities which are not disclosed or insufficiently disclosed in the current Russian legislation, as well as their legal nature. The relevance of the study is caused both by the economic significance of such phenomenon as constituent documents of commercial organizations and by the feasibility of adoption and implementation into the life of these documents using different methods.

The author defines the concept of a Charter, tries to distinguish the concepts of constituent documents and a Charter, as well as tries to determine correct terminology, analyzes the approaches to the understanding of elements and content of a Charter. The paper considers the legal nature of a Charter, analyzes the task of optimizing the provisions of Charters of business entities and eliminating the excessive requirements to them, regulatory requirements to the content of a Charter. The author studies the correlation of a Charter, internal documents, corporate contract, and the data contained in a Charter and the Uniform State Register of Legal Entities, the legal nature and the prospects of the model Charters development. The paper presents the variants of preparing a Charter, describes the procedure of adopting a Charter in electronic form through filling in by the founders, countersigning by their enforced digital signature, and then by the signature of a person authorized by the resolution of the general meeting for state registration of changes in a Charter. The author analyzed the procedure of adopting a Charter, state registration and amending, the differences between a Charter and internal documents of commercial organizations.

The author proposes to introduce an online electronic form of a Charter used on a modular principle.

КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ СТРУКТУРЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© 2019

Ю.М. Савельев, старший преподаватель кафедры «Конституционное и административное право»
В.В. Степанова, старший преподаватель кафедры «Теория и история государства и права»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: юридическая ответственность; структура юридической ответственности; виды юридической ответственности; подвиды юридической ответственности; норма юридической ответственности; элементы структуры юридической ответственности; критерии; система; элементы; право.

Аннотация: Для определения критериев выделения элементов структуры юридической ответственности рассматривается структура юридической ответственности в целом как явление, систему которого в общем виде можно представить как конгломерат тесно переплетенных элементов. Исследованы критерии, по которым возможно структурировать юридическую ответственность. Анализ различных теоретических трактовок и мнений ученых показал неоднозначность подхода к количественному и качественному набору критериев для выявления элементов структуры юридической ответственности. Для всех критериев выделения элементов структуры юридической ответственности, перечисленных в ходе исследования, характерно отсутствие системного подхода. Эту проблему можно решить путем применения отраслевого критерия. В результате исследования авторы пришли к выводу о том, что этот критерий наиболее целесообразно применять для выделения элементов юридической ответственности, так как он позволяет выявить точки взаимопроникновения и пересечения различных проявлений такого многообразного явления, как юридическая ответственность. К структурным элементам юридической ответственности следует причислить подсистему юридической ответственности, которая, в свою очередь, складывается из отдельных видов юридической ответственности; элементы системы, под которыми понимаются подвиды юридической ответственности; нормы юридической ответственности, которые представляют собой совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения в пределах подсистемы или элемента системы юридической ответственности и определяющих правила поведения, принципы, цели, задачи и дефиниции отдельного вида юридической ответственности.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из аспектов исследования юридической ответственности является ее структура [1–3]. Элементы структуры юридической ответственности рассматриваются учеными в составе системы, имеющей различные определения [2; 4; 6]. Для доктринальной юриспруденции актуально то, какие конкретно элементы образуют юридическую ответственность и каковы критерии их выделения. Краткий обзор взглядов ученых на структурный состав юридической ответственности позволил выявить неодинаковый подход к количеству и видам ее структурных элементов [6; 7]. При этом количество и виды структурных элементов юридической ответственности зависят от критериев их выделения [8; 9]. Однако в рассмотренных ниже критериях выделения элементов юридической ответственности не отражена системность юридической ответственности. Эта проблема решается посредством применения отраслевого критерия. К структурным элементам, составляющим целостный объект «юридическая ответственность», следует причислить подсистему юридической ответственности, которая, в свою очередь, образуется отдельными видами юридической ответственности; подвиды юридической ответственности; нормы юридической ответственности, которые представляют собой совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения в пределах подсистемы или элемента системы юридической ответственности и определяющих правила поведения, принципы, цели, задачи и дефиниции отдельного вида юридической ответственности.

Цель исследования – выявление критериев для структурирования элементов юридической ответственности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Систему юридической ответственности предлагают понимать как совокупность и взаимодействие «отдельных ее видов и мер» [1], «норм и институтов права» [2], «взаимосвязанных норм права, применение отдельных видов юридической ответственности посредством реализации соответствующих мер» [3], «субинститутов института юридической ответственности и отдельных их норм» [4].

Как можно заметить, понятие системы юридической ответственности ученые формулируют исходя из понимания любой системы как совокупности взаимодействующих частей, находящихся в определенном единстве. Иными словами, в общем виде систему юридической ответственности можно определить как совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих частей, образующих юридическую ответственность как целостный объект. При этом ученые не пришли к единому мнению, какие конкретно элементы образуют юридическую ответственность как «сложное, составное правовое образование» и каковы критерии их выделения [4, с. 57].

А.И. Петелин, рассматривая юридическую ответственность как полиструктурное образование, предлагает выделять следующие ее структуры: 1) отраслевая структура юридической ответственности отражает общее и различное между отраслевыми видами юридической ответственности; 2) субъектная структура юридической ответственности обусловлена особенностями деликвентов и особенностями субъектов, полномочных осуществлять юридическую ответственность [1]; 3) структура мер юридической ответственности отражает характер способов и форм воздействия на поведение людей.

Таким образом, А.И. Петелин характеризует структуру юридической ответственности в соответствии с критериями выделения ее структурных элементов.

О.А. Кожевников выделяет структурные элементы юридической ответственности исходя из понимания юридической ответственности как подсистемы права. При этом ученый считает, что позитивная и негативная юридическая ответственность имеют различные структурные элементы. Так, структура позитивной юридической ответственности обусловлена ее видами, т. е. количеством самостоятельных отраслей права. Структура негативной юридической ответственности, по мнению ученого, строится в зависимости «от опасности правонарушения, силы (степени) государственного принуждения, характера применяемого ограничения и особенностей объекта охраны» [5, с. 53].

Наиболее убедительной представляется структура юридической ответственности, предложенная Д.А. Липинским в виде схемы: «сложный институт – субинституты – нормы, предусматривающие юридическую ответственность» [4, с. 58]. При этом структурные элементы юридической ответственности образуют взаимосвязанную систему и характеризуются количеством, порядком расположения и характером зависимости друг от друга. По мнению Д.А. Липинского, юридическая ответственность структурно представляет собой взаимосвязь следующих элементов: 1) система – юридическая ответственность; 2) подсистема – отраслевые виды юридической ответственности; 3) элементы системы – подвиды юридической ответственности; 4) первичный элемент – норма юридической ответственности [6].

Похожим образом определяет структуру юридической ответственности М.П. Авдеенкова. Так, автор предлагает в качестве структурных элементов юридической ответственности выделять типы, формы и виды юридической ответственности. Типы юридической ответственности являются своего рода крупным элементом системы юридической ответственности и представляют собой группировку ее системных элементов. По мнению автора, типами юридической ответственности являются частно-правовая и публично-правовая ответственность [7]. Системные элементы юридической ответственности, объединяющие несколько видов юридической ответственности, образуют формы юридической ответственности [7]. В терминологии Д.А. Липинского это подсистема юридической ответственности. В качестве первичного элемента юридической ответственности М.П. Авдеенкова по признакам объекта или субъекта посягательства предлагает выделять виды юридической ответственности, которые Д.А. Липинский называет подвидами, или элементами, системы юридической ответственности.

Что касается норм юридической ответственности, которые Д.А. Липинский обозначает как первичные элементы структуры юридической ответственности, то М.П. Авдеенкова, отмечая, что нормы юридической ответственности входят в круг норм, формирующих ту или иную отрасль права, не рассматривает их в качестве структурных элементов юридической ответственности. Свои умозаключения исследователь поясняет тем, что нормами права регламентируется только публично-правовая ответственность. В отличие от публично-правовой, частно-правовая ответственность регулируется

как нормами права, так и актами участников правоотношений [7]. Действительно, к примеру, гражданско-правовая ответственность обеспечивается государственным принуждением, которое может быть предусмотрено законом или договором. Однако сама договорная ответственность предусмотрена соответствующими институтами гражданского права, которое объединяет нормы, касающиеся конкретного договора. Иными словами, возможность регулирования частно-правовой ответственности актами участников данных правоотношений не может выходить за рамки норм действующего законодательства. Поэтому следует согласиться с Д.А. Липинским, который в качестве первичного элемента юридической ответственности называет норму права.

В основу функционального критерия положены функции юридической ответственности, исходя из которых выделяют правосстановительную, штрафную [8] и карательную ответственность [9; 10]. При этом, учитывая многофункциональность юридической ответственности, ученые называют ее главными функциями «правосстановительную (репарационную) и репрессивную (карательную)». За пределами внимания сторонников функционального критерия остается тот факт, что функции юридической ответственности не классифицируются на главные и не главные или на основные и дополнительные. Кроме того, не стоит отрицать и тот факт, что некоторые виды юридической ответственности выполняют несколько функций. К примеру, уголовной ответственности, помимо карательной, присущи регулятивная и восстановительная функции [10; 11], а гражданско-правовой ответственности, помимо правосстановительной, – карательная функция [12]. Если согласиться с приведенной выше точкой зрения, то получается, что в уголовном или гражданском праве существуют отдельно карательная и отдельно правосстановительная функция ответственности. Однако на самом деле в процессе реализации юридической ответственности ее функции взаимодействуют друг с другом.

Следующим критерием выделения элементов юридической ответственности является разделение права на публичное и частное. Некоторые ученые называют этот критерий «критерием интересов», так как частное право защищает интересы частных лиц, а публичное право стоит на страже публичных или общегосударственных интересов [13]. По данному критерию выделяют публично-правовую и частно-правовую юридическую ответственность. Если критерий интересов принять за основу, то публично-правовые интересы остаются за пределами защиты частного права, в то время как любые правоотношения, возникающие в связи с совершенным правонарушением, являются публично-правовыми. Кроме того, сущность государственно-принудительной формы реализации юридической ответственности предопределяется охранительными отношениями ответственности.

Субъективный критерий позволяет ученым выделить такие элементы юридической ответственности, как субъективную (наступает при наличии виновных действий правонарушителя), объективную (наступает при отсутствии вины в действиях правонарушителя и при наличии причинной связи между действиями и наступившим вредом) и абсолютную (наступает при отсутствии

вины и причинной связи) ответственность [14]. Недостатком применения данного критерия является то, что не учитываются системные свойства института юридической ответственности и принцип виновности, свойственный многим видам юридической ответственности. Более того, абсолютная ответственность, отражая некоторые признаки международной ответственности, не может распространиться на отечественную систему юридической ответственности.

Структурные элементы юридической ответственности выделяют и по признакам юридической ответственности. Прежде всего это субъектный состав юридической ответственности, в зависимости от которого выделяют юридическую ответственность физических лиц и юридическую ответственность юридических лиц. В свою очередь, внутри каждого вида ответственности выделяют юридическую ответственность отдельных видов юридических лиц, а также юридическую ответственность должностного лица, иностранного гражданина или лица без гражданства, несовершеннолетних и др. Не стоит отрицать тот факт, что, несмотря на то, что субъектный критерий выделения элементов юридической ответственности не отражает системных свойств юридической ответственности, в то же время он позволяет выяснить, какой вид юридической ответственности может нести то или иное лицо. Тем самым исключается дублирование юридической ответственности.

Следующим критерием выделения структурных элементов юридической ответственности является вид правоотношений, в которых реализуется юридическая ответственность. Такой критерий позволяет ученым выделять позитивную и негативную юридическую ответственность [15], институт позитивной и принудительной ответственности [16], принудительную и поощрительную уголовную ответственность [17]. Однако данный критерий не отражает системных свойств юридической ответственности, так как позитивная и негативная юридическая ответственность являются не видами, а формами реализации юридической ответственности [6].

О.А. Кожевников в качестве критерия выделения элементов структуры юридической ответственности называет характер государственного принуждения, выделяя минимальное (психологическая ответственность, которая проявляется в конституционной, дисциплинарной и гражданско-правовой ответственности), значительное (материальная ответственность) и максимальное (уголовная ответственность) государственное принуждение [5]. Предлагаемый ученым критерий выделения элементов юридической ответственности имеет свои недостатки. Во-первых, происходит смешение различных классификационных критериев – отраслевого, силы государственного принуждения, характера применяемых ограничений, вида правовой нормы. Во-вторых, неприемлемым представляется использование таких субъективных категорий, как «максимальное», «значительное» и «минимальное», восприятие которых может быть неодинаковым у различных субъектов. В-третьих, любому виду юридической ответственности свойственно такое качество, как психическое воздействие, реализующееся посредством осуждения (порицания), а не только конституционной, дисциплинарной и гражданско-правовой ответственности.

В качестве критерия выделения структурных элементов юридической ответственности некоторые ученые называют субъекта, применяющего юридическую ответственность. К примеру, М.П. Авдеенкова по данному критерию выделяет следующие формы юридической ответственности: публично-правовая ответственность – государство выступает в качестве правомочного субъекта применения мер ответственности; частно-правовая ответственность – участие публичного образования не является обязательным [7].

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Как можно заметить, все рассмотренные выше критерии выделения элементов юридической ответственности не отражают системность юридической ответственности. Эта проблема разрешается посредством применения отраслевого критерия, при котором виды юридической ответственности выделяются в соответствии со специфическими свойствами предмета и метода правового регулирования. При этом для выделения элементов структуры юридической ответственности имеет значение предмет правового регулирования, так как для разных видов юридической ответственности соотношение диспозитивного, императивного и поощрительного метода правового регулирования является неодинаковым.

В целом же отраслевой критерий выделения структурных элементов юридической ответственности показывает связь юридической ответственности с системой права, позволяет выявить систему юридической ответственности посредством отраслевого разделения юридической ответственности на отдельные виды. При этом становится возможным изучение взаимопроникновения отдельных видов системы юридической ответственности и точек их пересечения. Благодаря отраслевому критерию возможно установить количество видов юридической ответственности в соответствии с отраслями права. Более того, самостоятельность отрасли права определяется наличием самостоятельной юридической ответственности [18].

Противники отраслевого критерия выделения видов юридической ответственности приводят следующие аргументы: отраслевое деление права не совпадает с отраслевой структурой права; видов ответственности меньше, чем отраслей права; за нарушение норм различных отраслей права может наступать одна и та же ответственность. Данные возражения следует признать существенными, но они не свидетельствуют о неприемлемости отраслевого критерия, а наоборот, показывают необходимость исследования становления и взаимодействия институтов юридической ответственности.

Несмотря на традиционность отраслевого критерия выделения элементов юридической ответственности, ученые предлагают различные виды юридической ответственности. В частности, согласно данному критерию, в качестве структурных элементов юридической ответственности выделяют уголовную, административную, гражданско-правовую, дисциплинарную и материальную ответственность. Однако ошибочно выделять как самостоятельные виды юридической ответственности дисциплинарную и материальную ответственность, так как в праве отсутствуют соответственно самостоятельные дисциплинарная и материальная отрасли права – они предусмотрены трудовым правом. Следовательно,

по отраслевому критерию правильнее выделять не материальную и дисциплинарную, а трудовую ответственность. Материальная и дисциплинарная ответственность являются элементами системы трудовой ответственности. В связи с вышесказанным, следует согласиться с теми учеными, которые предлагают выделять по отраслевому критерию следующие виды юридической ответственности, являющиеся структурными элементами юридической ответственности на уровне ее подсистемы: конституционную, гражданско-правовую, уголовную, административную, трудовую, финансовую, гражданско-процессуальную, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную. Сюда следует добавить еще и административно-процессуальную ответственность, которая выделилась в самостоятельную ответственность в связи с недавним принятием Кодекса административного судопроизводства РФ. Таким образом, как уголовной и гражданской, так и административной отрасли права сопутствует соответствующая процессуальная отрасль – административно-процессуальная. Что касается конституционно-процессуальной отрасли и конституционно-процессуальной ответственности, то они еще находятся в стадии формирования.

Согласно устоявшемуся мнению, отраслевой критерий классификации юридической ответственности позволяет выделять материально-правовую и процессуально-правовую ответственность. В связи с этим ученые предлагают в качестве подсистемы юридической ответственности определять процессуальную ответственность, элементами, т. е. подинститутами которой являются уголовно-процессуальная, гражданско-процессуальная, арбитражно-процессуальная, конституционно-процессуальная и административно-процессуальная ответственность [19].

При выделении субинститутов юридической ответственности как элемента структуры юридической ответственности следует также применять отраслевой критерий. Подтверждением этому служат уже рассмотренные выше дисциплинарная и материальная ответственность, объект правонарушения у которых одинаковый. Следовательно, в предмет правового регулирования финансового права включены бюджетные, налоговые, банковские, валютные и другие правоотношения, связанные с денежным обращением и расчетами. Иными словами, критерием выделения подвидов юридической ответственности как элемента системы являются конкретные общественные отношения, охраняемые и регулируемые определенным видом юридической ответственности.

Следующий структурный элемент юридической ответственности – норма юридической ответственности, т. е. совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения в пределах отдельного вида (подсистемы) или подвида юридической ответственности (элемента системы, в случае если подсистема юридической ответственности имеет сложную структуру). Определяющим критерием выделения нормы юридической ответственности также является специфика предмета и метода правового регулирования. При этом, по словам С.А. Носкова, о «развитости и сформированности видового института юридической ответственности» можно судить по наличию не только норм, определяющих правила поведения, но и норм-принципов, норм-целей, норм-задач, норм-дефиниций [20, с. 13].

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Проанализировав критерии выделения элементов структуры юридической ответственности, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, структурными элементами, образующими юридическую ответственность как целостный объект, являются:

1) подсистема юридической ответственности, образуемая отдельными видами юридической ответственности;

2) элемент системы, представляющий собой подвиды юридической ответственности;

3) нормы юридической ответственности, представляющие собой совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения в пределах подсистемы или элемента системы юридической ответственности и определяющих правила поведения, принципы, цели, задачи и дефиниции отдельного вида юридической ответственности.

Во-вторых, определяющим критерием выделения всех структурных элементов юридической ответственности является отраслевой критерий, так как он показывает связь юридической ответственности с системой права, позволяет выявить систему юридической ответственности посредством отраслевого разделения юридической ответственности на отдельные виды. При этом становится возможным изучение взаимопроникновения и точек пересечения отдельных видов системы юридической ответственности. Иными словами, отраслевой критерий позволяет отразить как специфику отдельного вида юридической ответственности, так и системность юридической ответственности как целостного объекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петелин А.И. Проблемы правовой ответственности в социалистическом обществе. Омск: Омская высшая школа милиции, 1976. 120 с.
2. Хачатуров Р.Л. Понятие системы юридической ответственности // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 1998. № 1. С. 39–44.
3. Смагина А.Ю. Основные подходы к пониманию системы юридической ответственности // Крымский научный вестник. 2016. № 4. С. 24–41.
4. Липинский Д.А. К вопросу о структуре института юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2011. № 4. С. 57–63.
5. Кожевников О.А. Юридическая ответственность в системе права. Тольятти: ВУиТ, 2003. 125 с.
6. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Юридическая ответственность, санкции и меры защиты. Самара: СамГУ, 2011. 139 с.
7. Авдеенкова М.П. Элементы системы юридической ответственности и особенности их взаимодействия // Современное право. 2008. № 5. С. 44–49.
8. Лейст О.Э. Виды юридической ответственности // Общая теория государства и права. Академический курс. Т. 2. М.: Зерцало, 1998. С. 110–121.
9. Кислухин В.А. К вопросу о понятии и видах юридической ответственности // Труды Кировского филиала Московской государственной юридической академии. Киров: Фил. Моск. гос. юрид. акад. в г. Кирове, 1998. № 2. С. 80–84.

10. Якушин В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. Тольятти: ТолПИ, 1998. 296 с.
11. Кленова Т.В. Метод уголовно-правового регулирования // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Серия: Юриспруденция. 2000. № 12. С. 12–21.
12. Хохлов В.А. Ответственность за нарушение договора по гражданскому праву. Тольятти: ТолПИ, 1997. 318 с.
13. Крусс В.И. Конституционные критерии юридической ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 4. С. 15–22.
14. Черданцев А.В., Кожевников С.Н. О понятии и содержании юридической ответственности // Правоведение. 1976. № 6. С. 39–48.
15. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М.: Дело, 2000. 304 с.
16. Чирков А.П. Ответственность в системе права. Калининград: Калининградский ун-т, 1996. 77 с.
17. Разгильдиев Б.Т. Понятие и социальное назначение принципа уголовного права // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 1. С. 85–91.
18. Чечина Н.А., Элькинд П.С. Об уголовно-процессуальной и гражданско-процессуальной ответственности // Советское государство и право. 1973. № 9. С. 33–41.
19. Чукурова Е.В. Структура процессуальной ответственности // Юридические исследования. 2016. № 12. С. 30–38.
20. Носков С.А. О понятии института юридической ответственности // Право и политика. 2007. № 3. С. 13–19.
5. Kozhevnikov O.A. *Yuridicheskaya otvetstvennost v sisteme prava* [Legal responsibility in the system of law]. Tolyatti, VUiT Publ., 2003. 125 p.
6. Lipinskiy D.A., Musatkina A.A. *Yuridicheskaya otvetstvennost, sanktsii i mery zashchity* [Legal responsibility, sanctions and protection measures]. Samara, SamGU Publ., 2011. 139 p.
7. Avdeenkova M.P. Elements of legal responsibility system and special aspects of their interaction. *Sovremennoe pravo*, 2008, no. 5, pp. 44–49.
8. Leyst O.E. Types of legal responsibility. *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava. Akademicheskij kurs*. Moscow, Zertsalo Publ., 1998. Vol. 2, pp. 110–12.
9. Kislukhin V.A. On the concept and the types of legal liability. *Trudy Kirovskogo filiala Moskovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. Kirov, Fil. Mosk. gos. yurid. akad. v g. Kirove Publ., 1998, no. 2, pp. 80–84.
10. Yakushin V.A. *Subektivnoe vmenenie i ego znachenie v ugovnom prave* [Subjective liability and its significance in criminal law]. Tolyatti, TolPI Publ., 1998. 296 p.
11. Klenova T.V. Method of criminal-legal regulation. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. Seriya: Yurisprudentsiya*, 2000, no. 12, pp. 12–21.
12. Khokhlov V.A. *Otvetsvennost za narushenie dogovora po grazhdanskomu pravu* [Liability for breach of a contract on civil law]. Tolyatti, TolPI Publ., 1997. 318 p.
13. Kruss V.I. Constitutional criteria of legal responsibility. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2006, no. 4, pp. 15–22.
14. Cherdantsev A.V., Kozhevnikov S.N. About notion and contents of legal responsibility. *Pravovedenie*, 1976, no. 6, pp. 39–48.
15. Umnova I.A. *Konstitutsionnye osnovy sovremennogo rossiyskogo federalizma* [Constitutional framework of modern Russian federalism]. Moscow, Delo Publ., 2000. 304 p.
16. Chirkov A.P. *Otvetsvennost v sisteme prava* [Liability in the system of law]. Kaliningrad, Kaliningradskiy un-t Publ., 1996. 77 p.
17. Razgildiev B.T. The notion of social purpose and principle of criminal law. *Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii*, 2009, no. 1, pp. 85–91.
18. Chechina N.A., Elkind P.S. Concerning criminally-remedial and civil procedure liability // *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1973, no. 9, pp. 33–41.
19. Chuklova E.V. The structure of procedural responsibility. *Yuridicheskie issledovaniya*, 2016, no. 12, pp. 30–38.
20. Noskov S.A. On the concept of legal liability institute. *Pravo i politika*, 2007, no. 3, pp. 13–19.

REFERENCES

1. Petelin A.I. *Problemy pravovoy otvetstvennosti v sotsialisticheskom obshchestve* [The problems of legal liability in socialist society]. Omsk, Omskaya vysshaya shkola militsii Publ., 1976. 120 p.
2. Khachaturov R.L. The concept of legal responsibility system. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, 1998, no. 1, pp. 39–44.
3. Smagina A.Yu. Main approaches to legal responsibility understanding. *Krymskiy nauchnyy vestnik*, 2016, no. 4, pp. 24–41.
4. Lipinskiy D.A. To a question on structure of institute of legal responsibility. *Vektor nauki Tolyatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2011, no. 4, pp. 57–63.

**CRITERIA'S OF ALLOCATION OF ELEMENTS
OF STRUCTURE OF LEGAL RESPONSIBILITY**

© 2019

Yu.M. Savelyev, senior lecturer of Chair "Constitutional and Administrative Law"
V.V. Stepanova, senior lecturer of Chair "Theory and History of State and Law"
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: legal responsibility; types of responsibility; family and legal responsibility; family legal relationship; institute of the right.

Abstract: For determination of criteria of allocation of elements of structure of legal responsibility the structure of legal responsibility in general as the phenomenon which system can be presented in the general form as conglomerate of closely bound elements is considered. Criteria by which it is possible to structure legal responsibility are investigated. The analysis of various theoretical treatments and opinions of scientists showed ambiguity of approach to quantitative and high-quality enrollment of criteria for identification of elements of structure of legal responsibility. The lack of system approach is characteristic of all criteria of allocation of the elements of structure of legal responsibility listed during the research. This problem can be solved if to apply branch criterion. As a result of a research came to a conclusion that the most expedient criterion for allocation of elements of legal responsibility should be considered branch criterion as it allows to reveal points of interpenetration and crossing of various manifestations of such diverse phenomenon as legal responsibility. It is necessary to rank a subsystem of legal responsibility which is in turn formed by separate types of legal responsibility as the structural elements forming a complete object under naming legal responsibility; a system element which are subspecies of legal responsibility; standards of legal responsibility which represent set of the precepts of law governing the public relations within a subsystem or an element of a system of legal responsibility and define rules of conduct, the principles, the purposes, tasks and definitions of legal responsibility of a separate type.

**УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯМ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

© 2019

О.Ю. Савельева, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право и процесс»*К.А. Забурдаева*, преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс»*Д.Н. Мединская*, магистрант кафедры «Уголовное право и процесс»*Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)*

Ключевые слова: киберпреступления; информационная безопасность; мошенничество в сфере компьютерной информации; компьютерное мошенничество; компьютерная информация; электронные средства платежа.

Аннотация: Активный и непрерывный процесс информационного развития, сопровождающийся появлением новых цифровых инфраструктур, технологий вычислительной техники и цифровых коммуникаций, с одной стороны, положительным образом сказывается на всех сферах человеческой жизнедеятельности, способствуя улучшению качества жизни. Но, с другой стороны, данные процессы, несут и негативные последствия. За последние годы значительно увеличилось число хищений, совершаемых не традиционным способом, а с помощью различных продуктов технологического и информационного прогресса (к примеру, в сети Интернет). Таким образом, правоохранительные органы всего мира столкнулись с новым негативным социальным явлением – киберпреступлением.

Проведен сравнительно-правовой анализ российского и белорусского законодательства, а также материалов судебной практики двух стран. При этом особо пристальное внимание обращено на исследование мошенничества в сфере компьютерной информации. Проанализированы точки зрения ряда российских и белорусских ученых, касающиеся понимания термина «киберпреступность». Проведен анализ статистических данных о состоянии киберпреступности за период 2016–2018 гг. и произведена оценка этих данных. Полученные данные позволяют сделать вывод об отрицательной криминологической динамике киберпреступлений как в России, так и на территории Белоруссии, об интенсивном росте некоторых видов киберпреступлений (мошенничество в сфере компьютерной информации и мошенничество, совершаемое с использованием электронных средств платежа; иные преступления, совершаемые посредством сети Интернет), а также о несовершенстве уголовной политики в части противодействия данному виду преступлений. Предлагается пересмотреть положения уголовного законодательства в части регламентации ответственности за отдельные виды киберпреступлений, а также уточнить позицию Верховного Суда РФ по вопросам отнесения к определенному виду хищения деяний, совершаемых в киберпространстве.

ВВЕДЕНИЕ

По сведениям Генпрокуратуры РФ, «число преступлений, совершаемых с использованием современных информационно-коммуникационных технологий, с 2013 г. по 2016 г. увеличилось в 6 раз – с 11 тыс. до 66 тыс.» [1]. За 2017 г. было зарегистрировано 90 587 таких преступлений, что составляет более 13 тыс. в месяц (в 2016 г. в среднем было совершено 7,5 тыс. преступлений в месяц). В 2018 г. опять же отмечался рост киберпреступлений. Их число составило 174 674. При этом только с 2015 г. по 2016 г. в шесть раз выросло число мошенничеств (с 2,2 тыс. до 13,4 тыс.) и более чем в три раза выросло число краж, совершаемых с помощью Интернета и иных коммуникационных ресурсов (с 2,3 тыс. до 8,5 тыс.). В 5,5 раза (с 995 до 5,5 тыс.) выросло количество преступлений, связанных с хищением, удалением, блокировкой компьютерной информации с целью мошенничества (ст. 159.6 УК РФ) [2].

Однако проблема киберпреступности актуальна не только для российского общества. Так, по данным статистики МВД республики Беларусь, по сравнению с 2017 г. в 2018 г. на территории государства увеличилось на 53,0 % (с 3 099 до 4 741) количество зарегистрированных киберпреступлений. Более двух третей преступлений в сфере высоких технологий (75,6 % или 3 585; 2017 г. – 74,8 % или 2 318) относятся к хищениям, совершаемым с использованием компьютерной техники (ст. 212 УК). Число особо тяжких и тяжких преступлений увеличилось на 2,3 % (с 43 до 44). Количество выявленных преступлений против информационной безопасности (ст.ст. 349–355 УК) увеличилось в целом

по республике на 48,0 % (с 781 до 1 156). При этом констатируется факт, что рост числа уголовно наказуемых деяний против информационной безопасности обусловлен увеличением количества преступлений, связанных с несанкционированным доступом к компьютерной информации (+97,4 %; с 462 до 912) [3].

Такая отрицательная криминологическая динамика не могла не отразиться на уголовной политике как России, так и Белоруссии. Так, российским законодательством был принят ряд уголовно-правовых мер, направленных на реформирование ответственности за мошенничество. К примеру, Федеральным законом от 29.11.2012 г. №207-ФЗ в Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) были включены шесть специальных видов мошенничества. Два из них касаются киберпреступности – мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6) и мошенничество, совершаемое с помощью платежных карт (ст. 159.3). Федеральным законом от 23.04.2018 г. №111-ФЗ последняя норма подверглась изменениям: теперь в ней говорится о мошенничестве, совершаемом с помощью электронных средств платежа.

Верховным Судом Российской Федерации были даны рекомендации по особенностям применения указанных норм о мошенничестве в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. №48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее – Постановление Пленума ВС РФ от 30.11.2017 г. №48) и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 г. №48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной

ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности».

Законодатель республики Беларусь пошел по аналогичному пути, однако принятых «специальных» норм о мошенничестве в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК РБ) намного меньше, чем в УК РФ, и они охватываются диспозицией одной статьи, а именно статьей 212 (хищение, совершаемое с использованием компьютерной техники).

Вопросу увеличения количества киберпреступлений посвящены работы многих ученых. Так, уже восемь лет назад И.Г. Чекунов обращал внимание на проблемы квалификации мошенничества, предметом которого являются «электронные деньги» [4]. В более поздних статьях уже фигурирует термин «киберпреступление». В частности, Э.Н. Харина проводит уголовно-правовой и криминалистический анализ данной категории преступлений, акцентируя, однако, внимание на изучении компьютерных преступлений [5], как и ряд других авторов [6–8]. Проблемы киберпреступлений в сфере отношений собственности рассматриваются в трудах ученых [9–11]. Однако все исследования в данной сфере, как правило, имеют предположительный характер, их нельзя считать завершенными. В силу чрезмерно высокой интенсивности развития киберпреступности уголовное законодательство и судебная практика требуют постоянного переосмысления и переработки.

Цель исследования – рассмотрение спорных вопросов законодательной регламентации ответственности за киберпреступления, проблем толкования киберпреступлений в научной доктрине и судебной практике и разработка предложений, направленных на повышение эффективности борьбы с киберпреступлениями.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ содержания диспозиций статей 159.6 УК РФ и 212 УК РБ позволяет сделать определенные выводы, свидетельствующие о сходстве и различии российского и белорусского законодательства в части понимания мошенничества в сфере компьютерной информации:

Диспозиции ст. 159.6 УК РФ и ст. 212 УК РБ обладают бланкетным характером, то есть при выявлении признаков составов преступлений, закрепленных в указанных нормах, необходимо будет знать определенные нормативные предписания законодательных актов, например: Федерального закона от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; четвертой части ГК РФ; Федерального закона от 29.07.2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» (российское законодательство); Закона республики Беларусь от 10.11.2008 г. №455-3 «Об информации, информатизации и защите информации» (белорусское законодательство).

Основным непосредственным объектом рассматриваемых составов преступлений выступают общественные отношения, имеющие связь с отношениями собственности, вне зависимости от ее формы, дополнительным же объектом являются правоотношения, которые обеспечивают информационную безопасность, ввиду этого, рассматриваемое преступление является двухобъектным [4].

Предметом анализируемых и рассматриваемых видов мошенничества будет выступать чужое имущество,

а также право на чужое имущество и дополнительно компьютерная информация, с помощью которой виновный совершает обманные действия и овладевает чужим имуществом или приобретает право на имущество.

По конструкции объективной стороны оба состава преступлений являются материальными, так как считаются оконченными в момент наступления общественно опасных последствий в виде имущественного ущерба. А вот способы совершения преступлений различны. Так, способами совершения преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ, будут выступать: ввод компьютерной информации; удаление компьютерной информации; блокирование компьютерной информации; модификация компьютерной информации; вмешательство в функционирование средств хранения, обработки, передачи компьютерной информации [5].

Способ совершения преступления, предусмотренного ст. 212 УК РБ, иной, а именно: изменение информации, обрабатываемой в компьютерной системе, хранящейся на машинных носителях или передаваемой по сетям передачи данных; введение в компьютерную систему ложной информации [8]. Полагаем, что норма, закрепленная в ст. 212 УК РБ, является более архаичной по сравнению с нормой, закрепленной в ст. 159.6 УК РФ, ввиду того, что она менее всего описывает, какие именно способы совершения данного рода преступления возможны, а ведь именно это фундаментально значимо для квалификации преступления.

Что касается санкций статей 159.6 УК РФ и 212 УК РБ, то здесь необходимо отметить, что ни одна из четырех частей ст. 159.6 УК РФ не предусматривает наказание в виде лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, в отличие от ст. 212 УК РБ. Так, санкция ч. 1 ст. 212 УК РБ закрепляет лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью в качестве основного вида наказания. В ч. ч. 2–4 ст. 212 УК РБ лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью указано в качестве дополнительного наказания к лишению свободы. Такая позиция белорусского законодательства представляется более правильной и должна быть воспринята российским законодательством. Поэтому считаем целесообразным в основном составе ст. 159.6 УК РФ закрепить лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью в качестве основного наказания.

Мнения ученых по вопросам правовой природы компьютерного мошенничества не однообразны. Некоторые авторы, признавая электронную среду лишь средством совершения мошенничества, полагают, что компьютерное мошенничество не должно быть вынесено в отдельный состав [7; 12; 13]. Другие, наоборот, обосновывая особенности компьютерного мошенничества, говорят о специальном составе преступления [6; 10]. Так, С.В. Смолин настаивает на исключении ст. 159.6 УК РФ из уголовного закона. Автор мотивирует это тем, что нарушение законодательной техники и лишняя казуистичность правовой нормы не благоволят единообразному применению уголовного закона, что вводит в заблуждение правоприменителя, и рано или поздно будет приводить к следственным и судебным ошибкам, что в конечном итоге ведет к нарушению

принципа справедливости и уменьшению интенсивности уголовно-правовой охраны соответствующих общественных отношений [11]. В.М. Елин, наоборот, говорит о важности криминализации компьютерного мошенничества. Автор считает, что с включением ст. 159.6 в российское уголовное законодательство разрешается вопрос об участии Российской Федерации в мировых интеграционных процессах в сфере борьбы с киберпреступностью, вектор которых определяется положениями Конвенции. Закрепление статьи в УК РФ, по мнению автора, будет важным элементом для дифференциации уголовной ответственности [10].

Любопытных, по нашему мнению, взглядов придерживается В.Г. Шумихин, считающий, что мошенничество в сфере компьютерной информации представляет собой самостоятельную (седьмую) форму хищения чужого имущества, поскольку объективная сторона преступлений, предусмотренных ст. 159 и ст. 159.6 УК РФ, по основным конструктивным признакам не совпадает. Данные нормы не находятся в соотношении общей и специальной. В объективной стороне компьютерного мошенничества законодатель выделил иные способы совершения хищения, что не предполагает личностного контакта субъекта и потерпевшей стороны, а связано исключительно с манипуляциями, которые осуществляет субъект посредством технических средств [14]. Позицию данного автора разделяют и другие ученые [15]. По мнению ряда авторов, хищение имущества в виде денежных средств, находящихся на счете, путем «взлома» защиты охраняемой компьютерной информации следует квалифицировать как кражу, поскольку компьютер – не физическое лицо, а фактически устройство, как и банкомат [16; 17].

Приведем краткий пример судебной практики, который иллюстрирует неоднозначность квалификации хищения, совершаемого с использованием компьютерных технологий:

Приговором Мирового судьи Судебного участка 134 Юрлинского муниципального района № 1-2 от 01.02.2018 г. Н. была признана виновной по ч. 1 ст. 158 УК РФ за совершение кражи при следующих обстоятельствах: около 16 часов Н., находясь у себя дома, употребила спиртные напитки совместно с Ф. Затем Ф. попросил Н. перевести с лицевого счета его мобильного банка на счет Н. 200 рублей для дальнейшего приобретения спиртного. Н. обнаружила, что баланс денежных средств на счету Ф. составил 5 000 рублей. Тогда у неё возник умысел на хищение денежных средств, принадлежащих Ф. Для реализации задуманного Н. тайно, из корыстных побуждений, осуществила перевод с лицевого счета Ф. на свой лицевой счет денежные средства в сумме 5 000 руб. После этого Н. денежные средства обналичила. Полученными денежными средствами в сумме 4 800 рублей Н. воспользовалась по своему усмотрению. На 200 рублей, по достигнутой изначально договоренности с Ф., приобрела бутылку водки. В результате своих действий Н. причинила Ф. материальный ущерб в размере 4 800 рублей. Судом Н. была признана виновной в совершении кражи по ч. 1 ст. 158 УК РФ [18].

Похожее уголовное дело было рассмотрено Дмитровградским городским судом. Однако действия обвиняемых Тямукловой А.Ф. и Панкратовой Л.Ж. были ква-

лифицированы по ч. 2 ст. 159.6 УК РФ, то есть как мошенничество. Преступление было совершено при следующих обстоятельствах: 11.06.2017 г. в период времени с 01 часа до 02 часов 46 минут Тямуклова А.Ф., находясь в помещении кафе «Ной», расположенном в доме 1 «б» по ул. Юнг Северного Флота г. Дмитровграда Ульяновской области, предложила Панкратовой Л.Ж. совершить хищение денежных средств, принадлежащих Н., на что Панкратова согласилась. Осуществляя свой преступный умысел, Панкратова Л.Ж. взяла со стола оставленный Н. сотовый телефон «DEXP IXION ES135» с установленной внутри него сим-картой оператора сотовой связи «Т2 Мобайл», с подключенной к нему услугой ПАО «Сбербанк России» «Мобильный банк», выпущенной ПАО «Сбербанк России» на имя Н. Убедившись, что за их с Тямукловой А.Ф. преступными действиями никто не наблюдает, совместно обратились к К., не осведомленной о преступных намерениях Панкратовой Л.Ж. и Тямукловой А.Ф., с просьбой перевести с вышеуказанного расчетного счета потерпевшей Н. денежные средства на расчетный счет, зарегистрированный на К. После чего, согласившись с просьбой Панкратовой Л.Ж. и Тямукловой А.Ф., не осведомленная о преступных намерениях последних, К. назвала Панкратовой Л.Ж. и Тямукловой А.Ф. свой номер сотового телефона для перевода денежных средств на ее вышеуказанный расчетный счет. Тямуклова А.Ф., во исполнение единого совместного преступного умысла, действуя по предварительному сговору с Панкратовой Л.Ж., находясь в вышеуказанном месте, в вышеуказанный период времени, взяв в руки вышеуказанный сотовый телефон, принадлежащий Н. с установленной внутри него сим-картой оператора сотовой связи «Т2 Мобайл» и подключенной к нему услугой ПАО «Сбербанк России» «Мобильный банк» для обслуживания вышеуказанного расчетного счета последней, отправила сообщение на номер 900 с содержанием «Перевод – (абонентский номер К.) 4 500», а Панкратова Л.Ж. в это время проверяла достоверность набранного Тямукловой А.Ф. абонентского номера К. В свою очередь К., не осведомленная о преступных намерениях Панкратовой Л.Ж. и Тямукловой А.Ф., в 02.56 часов того же дня, действуя по просьбе последних, используя личный сотовый телефон с установленным в нем Интернет-приложением «Сбербанк-Онлайн», осуществила перевод принадлежащих Н. денежных средств в сумме 4 500 рублей со своего расчетного счета на расчетный счет Тямукловой А.Ф., после чего последняя совместно с Панкратовой Л.Ж. с места преступления скрылись, и в период времени с 02.56 до 03.30, находясь возле д. 16 по ул. Западная г. Дмитровграда Ульяновской области, используя банкомат ПАО «Сбербанк России», незаконно сняли с расчетного счета Тямукловой А.Ф. 4 500 рублей, причинив Н. материальный ущерб на сумму 4 500 рублей [19].

А вот примеры из судебной практики республики Белоруссии, где содеянное было квалифицировано как мошенничество в сфере компьютерной информации по аналогии с вышеприведенным примером из практики Дмитровградского городского суда.

Так, 9.12.2014 г. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Витебского областного суда оставлен без изменения приговор суда Железнодорожного района г. Витебска по уголовному делу по обвинению

гражданина Республики Беларусь в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 212, ч. 3 ст. 212, ст. 13 и ч. 2 ст. 212 и т. д. Как установлено судом, обвиняемый П. в период с 9.12.2012 г. до 30.04.2013 г., действуя по предварительному сговору с неустановленными лицами, используя заранее изготовленные поддельные платежные карточки, реквизиты которых были скопированы им же с магнитных полос карточек потерпевших при помощи скимминговых устройств, установленных на картоприемники банкоматов, совершил хищение денежных средств со счетов ряда банковских платежных карточек на территории Республики Беларусь и г. Москвы Российской Федерации, на сумму более 80 000 000 рублей, причинив материальный ущерб восьми банковским учреждениям и девяти физическим лицам, большинству из которых денежные средства были возмещены банками, клиентами которых они являлись [20].

Еще в одном случае за похожие действия, как в приведенных выше приговорах РФ и республики Беларусь, Свободненским городским судом Ф1. был приговорен по ч. 1 ст. 159, ч. 2 ст. 159 и ч. 2 ст. 159 УК РФ.

В 11 часов 00 минут Ф1 находился около здания монтажно-испытательного комплекса (МИК РН), расположенного на территории технического комплекса космодрома «Восточный». Испытывая материальные затруднения и нуждаясь в денежных средствах, Ф1 путём обмана, при помощи услуги «Мобильный банк» решил совершить хищение денежных средств у Ф10, чтобы похищенными денежными средствами в дальнейшем распорядиться по своему усмотрению. Реализуя свой внезапно возникший преступный умысел, направленный на хищение денежных средств путём обмана, Ф1, находясь на указанном выше месте, под предлогом осуществления телефонного звонка, с целью хищения денежных средств, путём обмана, завладел мобильным телефоном марки «SONY ERICSON», принадлежащий Ф10, оборудованный сим-картой с абонентским номером --, к которому была подключена услуга «Мобильный банк». Воспользовавшись моментом, что Ф10 за его действиями не наблюдает, Ф1, осознавая общественную опасность своих действий, предвидя неизбежность наступления общественно-опасных последствий в виде причинения имущественного вреда собственнику и желая наступления этих последствий, при помощи услуги «Мобильный банк», с мобильного телефона, принадлежащего Ф10 в 11 часов 03 минуты отправил на номер «900» смс-сообщение с текстом «перевод», подтвердив намерение перевести денежные средства на счёт путём отправки кода подтверждения, поступившего в ответном смс-сообщении. В результате чего умышленно, путём обмана похитил с банковского счёта Ф10 6 000 рублей, причинив последнему ущерб на указанную сумму, после чего вернул Ф10 мобильный телефон. Осознавая, что своими преступными действиями незаконно безвозмездно обратил в свою пользу чужое имущество, Ф1 с места преступления скрылся и распорядился похищенным по своему усмотрению, чем причинил потерпевшему Ф10 ущерб в размере 6 000 рублей. [21]

Таким образом, аналогичные деяния квалифицируются разными судами неодинаково, например, преступления с использованием мобильного банка с помощью сотового телефона квалифицируются правопримените-

лями как кража, так и мошенничество в сфере компьютерной информации [22].

Считаем такие факты недопустимыми, так как, на наш взгляд, единообразие в квалификации преступлений является необходимым условием правового государства. Указанные деяния не должны квалифицироваться по-разному, ввиду того, что семантически и юридически понятия «кража» и «мошенничество» разнятся. По нашему мнению, преступления, рассмотренные в примерах, являются кражей и должны квалифицироваться по ст. 158 УК РФ.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Проведенный сравнительно-правовой анализ положений российского и белорусского уголовного законодательства свидетельствует о значительном сходстве понимания киберпреступлений в РФ и Белоруссии. При этом, как у российского, так и у белорусского правоприменителя при рассмотрении уголовных дел возникает ряд проблем, обусловленный неясностью толкования данного вида преступлений. В этой связи мы предлагаем следующее:

1. Исключить ст. 159.6 из УК РФ. Считаем, что данная мера поможет и белорусскому законодателю решить вопросы, возникающие у правоприменителя при квалификации хищений, совершаемых с использованием компьютерной информации.

2. Принять определенные коррекционные постановления Пленумов Верховных судов обеих стран. Считаем, что налицо отсутствие единообразного подхода в применении нормы, предусматривающей уголовную ответственность за рассматриваемые преступления. Суды дают разные правовые оценки одинаковым по своей сути деяниям, квалифицируя их либо как кражу, либо как мошенничество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юрий Чайка рассказал о борьбе с интернет-преступностью // Российская газета. 2017. 24 авг.
2. Генпрокуратура сообщила почти о двукратном росте числа киберпреступлений в РФ в 2018 году // ТАСС. URL: tass.ru/proisshestviya/5733551.
3. Статистика УРПСВТ за 2018 год // МВД Республики Беларусь. URL: mvd.gov.by/ru/page/upravlenie-poraskrytiyu-prestuplenij-v-sfere-vysokih-tehnologij-upravlenie-k/statistika-urpsvt.
4. Чекунов И.Г. Квалификация преступлений против собственности, совершаемых с использованием электронных платежных систем // Российский следователь. 2011. № 24. С. 26–28.
5. Харина Э.Н. Киберпреступления: уголовно-правовой и криминалистический аспект // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 5. С. 164–171.
6. Айков Д.В., Сейгер К., Фонстрок У. Компьютерные преступления. Руководство по борьбе с компьютерными преступлениями. М.: Мир, 2014. 351 с.
7. Маслакова Е.А. Правовое регулирование уголовной ответственности за преступления в сфере компьютерной информации в Российской Федерации // Правовые вопросы связи. 2006. № 2. С. 17–20.
8. Саттаров М.О. Некоторые уголовно-правовые аспекты квалификации компьютерных преступлений //

- Альманах современной науки и образования. 2015. № 10. С. 125–127.
9. Андрианов М.В. Новые способы мошенничества в УК РФ // Вестник Владимирского государственного университета. 2013. № 9. С. 15–17.
 10. Елин В.М. Мошенничество в сфере компьютерной информации как новый состав преступления // Бизнес-Информатика. 2013. № 2. С. 70–76.
 11. Смолин С.В. Мошенничество в сфере компьютерной информации: проблемы толкования и применения нормы ст. 159 УК РФ // Информационное право. 2015. № 4. С. 35–39.
 12. Хусяинов Т.М. Криминальная Интернет-занятость (Интернет-преступность): определение и проблемы противодействия // Уголовный Закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования: материалы всероссийского круглого стола. Вып. 5. Иркутск: ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России, 2014. С. 230–236.
 13. Тарасенко М.Э. Проблема борьбы с киберпреступлениями в Российской Федерации // Закон и общество: история, проблемы, перспективы: материалы межвузовской студенческой научной конференции. Красноярск: Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2013. С. 13–16.
 14. Шумихин В.Г. Седьмая форма хищения чужого имущества // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 2. С. 229–233.
 15. Чупрова А.Ю. Проблемы квалификации мошенничества с использованием информационных технологий // Уголовное право. 2015. № 5. С. 131–134.
 16. Александрова И.А. Новое уголовное законодательство о мошенничестве // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 21. С. 54–62.
 17. Фадина Ю.П. Уголовно-правовая характеристика мошенничества в сети Интернет // Вестник Югорского государственного университета. 2017. № 1-2. С. 117–121.
 18. Обвинительный приговор судебного участка № 134 Юрлинского муниципального района № 1-2 от 01.02.2018 // Росправосудие.
URL: rospravosudie.ru/court-sudebnyj-uchastok-134-yurlinskogo-municipalnogo-rajona-s/act-241154020/.
 19. Обвинительный приговор Дмитровградского городского суда по делу 1-243 от 11.08.2017 // Росправосудие.
URL: rospravosudie.com/court-dimitrovgradskij-gorodskoj-sud-ulyanovskaya-oblast-s/act-558724770/.
 20. Определение судебной коллегии по уголовным делам Витебского областного суда от 9 декабря 2014 года // Верховный суд Республики Беларусь: интернет-портал судов общей юрисдикции.
URL: court.gov.by/justice/press_office/d4d8701ef73d975f.html.
 21. Обвинительный приговор Свободненского городского суда по делу 1-330/2016 года // Росправосудие.
URL: rospravosudie.com/court-svobodnenskij-gorodskoj-sud-amurskaya-oblast-s/act-533552056/.
 22. Хачатурова С.С. Хранение и защита информации // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 2-1. С. 63–65.
- ## REFERENCES
1. Yury Chaika told about the Internet-crime prevention. *Rossiyskaya gazeta*, 2017, 24 August.
 2. General Procuracy reported on about double growth of the number of cyber-crimes in the RF in 2018. *TASS*. URL: tass.ru/proisshestviya/5733551.
 3. Statistical data of the Department for Uncovering Crimes in high-tech for 2018. *MVD Respubliki Belarus*. URL: mvd.gov.by/ru/page/upravlenie-po-raskrytiyu-prestuplenij-v-sfere-vysokih-tehnologij-upravleniek/stastistika-urpsvt.
 4. Chekunov I.G. Classification of crimes against property committed using electronic payment systems. *Rossiyskiy sledovatel*, 2011, no. 24, pp. 26–28.
 5. Kharina E.N. Cyber-crimes: criminal law and criminalistics aspects. *Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*, 2017, no. 5, pp. 164–171.
 6. Aykov D.V., Seyger K., Fonstrokh U. *Kompyuternye prestupleniya. Ru-kovodstvo po borbe s kompyuternymi prestupleniyami* [Computer crimes. Guidance on computer crimes prevention]. Moscow, Mir Publ., 2014. 351 p.
 7. Maslakova E.A. Legal regulation of criminal liability for cyber crimes. *Pravovye voprosy svyazi*, 2006, no. 2, pp. 17–20.
 8. Sattarov M.O. Certain criminal and legal aspects of qualifying computer crimes. *Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*, 2015, no. 10, pp. 125–127.
 9. Andrianov M.V. New methods of fraud in Criminal Code of the RF. *Vestnik Vladimirovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 9, pp. 15–17.
 10. Elin V.M. Computer-related fraud as a new offense in the Russian law. *Biznes-Informatika*, 2013, no. 2, pp. 70–76.
 11. Smolin S.V. Computer Fraud (Section 159 of the Criminal Code of the Russian Federation): problems of interpretation and application. *Informatsionnoe pravo*, 2015, no. 4, pp. 35–39.
 12. Khusyainov T.M. Criminal Internet-activity (Internet-crime): definition and the problems of countering. *Ugolovnyy Zakon Rossiyskoy Federatsii: problemy pravoprimeneniya i perspektivy sovershenstvovaniya: materialy vserossiyskogo kruglogo stola*. Irkutsk, FGKOU VPO VSI MVD Rossii Publ., 2014. Vyp. 5, pp. 230–236.
 13. Tarasenko M.E. The problems of cyber-crimes prevention in the Russian Federation. *Zakon i obshchestvo: istoriya, problemy, perspektivy: materialy mezhvuzovskoy studencheskoy nauchnoy konferentsii*. Krasnoyarsk, Krasnoyar. gos. agrar. un-t Publ., pp. 13–16.
 14. Shumikhin V.G. The seventh form of theft of property. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, 2014, no. 2, pp. 229–233.
 15. Chuprova A.Yu. The problems of classification of fraud related to use of information technologies. *Ugolovnoe pravo*, 2015, no. 5, pp. 131–134.
 16. Aleksandrova I.A. New criminal legislation about fraud. *Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2013, no. 21, pp. 54–62.
 17. Fadina Yu.P. Criminal-legal characteristic of fraud on the internet. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 1-2, pp. 117–121.

18. Judgment of guilt of court circuit No. 134 of Yurlinsk municipal district No. 1-2 dated the 01.02.2018. *Rospravosudie*. URL: rospravosudie.ru/court-sudebnyj-uchastok-134-yurlinskogo-municipalnogo-rajona-s/act-241154020/.
19. Judgment of guilt of Dmitrovgrad city court on the case 1-243 dated the 11.08.2017. *Rospravosudie*. URL: rospravosudie.com/court-dimitrovgradskij-gorodskoj-sud-ulyanovskaya-oblast-s/act-558724770/.
20. The decision of the judicial division for criminal cases of Vitebsk district court dated the 9th of December 2014. *Verkhovnyy sud Respubliki Belarus: internet-portal sudov obshchey yurisdiktii*. URL: court.gov.by/justice/press_office/d4d8701ef73d975f.html.
21. Judgment of guilt of Svobodnensk city court on the case 1-330/2016. *Rospravosudie*. URL: rospravosudie.com/court-svobodnenskij-gorodskoj-sud-amurskaya-oblast-s/act-533552056/.
22. Khachaturova S.S. Storage and data protection. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamentalnykh issledovaniy*, 2016, no. 2-1, pp. 63–65.

CRIMINAL POLICY OF RUSSIA IN THE SPHERE OF CYBERCRIME PREVENTION: RATHER-LEGAL ANALYSIS

© 2019

O.Yu. Savelyeva, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”

K.A. Zaburdaeva, lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”

D.N. Medinovskaya, graduate student of Chair “Criminal Law and Procedure”

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: cybercrimes; cyber security; cyber fraud; computer fraud; computer information; electronic payment facilities.

Abstract: The dynamic and continuous process of information development followed by the appearance of new digital infrastructures, computer engineering, and digital communication technologies, on the one hand, positively influences all spheres of human activity promoting the improvement of life quality. On the other hand, these processes have negative consequences as well. In recent years, the number of thefts committed not in the traditional way but with the help of various products of technological and information progress (for example, through the Internet). Consequently, law enforcement authorities across the globe faced a new negative social phenomenon – cybercrime.

The authors carried out rather-legal analysis both of Russian and Belorussian legislation and case materials of two countries. Therewith, close attention is paid to the study of cyber fraud. The authors analyzed both the opinions of many Russian and Belorussian scientists concerning the understanding of a term “cybercrime” and the statistical data on the state of cybercrime for the period of 2016–2018 and assessed these data. The obtained data allows concluding about the negative criminological dynamics of cybercrimes both in Russia and in the territory of Belarus, about the intensive growth of some types of cybercrimes (cyber fraud and fraud committed using electronic payment facilities; other crimes committed through the Internet), as well as about the imperfection of crime policy in regards to the cybercrimes prevention. The authors suggest re-evaluating the provisions of criminal legislation in regards to the regulation of the responsibility for some types of cybercrimes, as well as re-confirming the position of the RF Supreme Court on the issues of considering actions committed in cyberspace as a definite type of thefts.

САМОВОЛЬНАЯ ПОСТРОЙКА: АНАЛИЗ НОВОВВЕДЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ

© 2019

А.В. Сергеев, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Гражданское право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: самовольная постройка; недвижимость; право собственности; земельный участок; правовые последствия; снос самовольной постройки; признание права собственности.

Аннотация: В статье рассматривается проблема определения понятия «самовольная постройка», раскрывается актуальность проблемы признания права собственности на незаконно возведенное строение на основании решения суда. Проанализированы основные изменения гражданско-правового регулирования в области самовольных построек: вопросы их сноса и легализации при определенных условиях, установленных законодателем. Исследуются нововведения в области объектов – самовольных построек и субъектов, вступающих в отношения, связанные с самовольным строительством. Представлены возможные усовершенствования законодательства в данной области.

Процесс создания самовольной постройки сопровождается совершением правонарушения, а сама постройка – это результат правонарушения. Однако глубокий анализ выявляет неоднозначность проблемы. Поскольку в процессе создания самовольной постройки совершаются как гражданские, так и публичные правонарушения, правовые ответы на вопросы о сохранении постройки, в частности, связанные с возникновением на нее вещного права или с прекращением ее существования, формируются с учетом как гражданско-правовой, так и публично-правовой направленности поведения участников правоотношений, возникающих относительно самовольной постройки. На основе изучения мнения ученых автор приходит к пониманию самовольной постройки как гражданского правонарушения, поскольку самовольное строительство представляет собой противоправную деятельность по созданию объекта недвижимого имущества, между тем она легально признана способом приобретения права собственности. Сделан вывод о том, что специфика правового режима самовольной постройки призвана обеспечить экономические отношения, однако сам режим не должен позволять формироваться устойчивым моделям противоправного поведения. Сформулированные автором выводы и предложения позволяют совершенствовать правовое регулирование отношений, касающихся самовольного строительства.

ВВЕДЕНИЕ

Самовольная постройка включена в перечень оснований возникновения права собственности согласно ст. 222 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Однако анализ правовой природы данного явления, его специфики, изучение изменений правового регулирования отношений в этой области свидетельствуют об отсутствии четкого доктринального подхода, единства правоприменительной и законодательной деятельности [1]. Наряду с этим, государство принимает новые законы и вносит изменения в действующие для урегулирования возникающих проблем.

В гражданском праве достаточно давно появилась категория «самовольная постройка» [2, с. 130]. Необходимость исследования гражданско-правовых последствий самовольного строительства не вызывает сомнений, поскольку в настоящее время возникает ряд проблем: во-первых, в связи с возрастанием ценности недвижимого имущества, построенного в советский период, права на которое в силу тех или иных обстоятельств не были оформлены; во-вторых, увеличился объем незаконно возведенных объектов недвижимости [3]. Необходимо отметить, что в последнее время изменился субъектный состав самовольных застройщиков. Если ранее в качестве застройщиков выступали в основном физические лица, то в настоящее время ими все чаще становятся юридические лица [4].

Самовольной постройкой является жилой дом, нежилое здание, технические сооружения, прочие строения, объекты незавершенного строительства или иное недвижимое имущество, созданное на земельном уча-

стке, не отведенном для этих целей в порядке, установленном законом и иными правовыми актами, либо созданное без получения на это необходимых разрешений или с существенным нарушением градостроительных и строительных норм и правил, закрепленных в соответствующих технических регламентах в предусмотренном законом порядке [5, с. 20].

Несмотря на стремительное развитие законодательного регулирования возникновения права собственности на недвижимое имущество, некоторые вопросы все еще достаточно актуальны. Вопросы, касающиеся категории недвижимости, были изучены многими цивилистами, такими как Г.Ф. Шершеневич, С.С. Алексеев, О.С. Иоффе и др. [6]. Однако при большом количестве работ и мнений комплексный анализ проблем, связанных с недвижимостью, а в особенности самовольной постройкой и ее изменением, отсутствует. Судебная практика по данной категории дел неоднозначна и противоречива, и спрогнозировать окончательное судебное решение не представляется возможным [7].

Т.П. Подшивалов считает, что самовольная постройка является не объектом гражданского оборота, а объектом права, поскольку сделки с ней запрещены. Следовательно, самовольную постройку можно характеризовать как недвижимую вещь, только если ее легализовать, без такого условия достаточно спорно говорить о наличии вещи, еще и недвижимой [8].

В советский период синонимом самовольной постройки являлось понятие «индивидуальный жилой дом, незаконно возведенный гражданином» [9, с. 13]. В настоящее время самовольно возводятся не только индивидуальные жилые дома физическими лицами, но

и многоквартирные жилые дома, а также объекты недвижимости, используемые с целью извлечения прибыли (кафе, сауны, производственные помещения и др.).

Самовольная постройка подлежит сносу, за исключением особо оговоренных законом случаев [10]. В случае, когда самовольное строительство производится самим законным собственником или пользователем земельного участка, необходимо сохранить ограничения, предусмотренные строительными, природоохранными, земельными и иными отраслями законодательства. Но при наличии хотя бы одного из нарушений, будь то нарушение порядка предоставления земельного участка, землеотвода или разрешенного использования, существенное нарушение строительных норм и правил, узаконить самовольную постройку нельзя.

Цель работы – рассмотрение правовой характеристики самовольной постройки, изучение вопросов регулирования самовольного строительства, анализ последних изменений, вступивших в силу 4 августа 2018 года, в частности выявление проблем реформы, а также рассмотрение вопроса легализации самовольной постройки.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Институт самовольной постройки является одним из наиболее проблемных и неоднозначных в правовом регулировании оборота недвижимости Российской Федерации, что обусловлено его динамичностью и подвижностью.

Исходя из п. 2 статьи 222 ГК РФ, лицо, осуществившее самовольную постройку, не приобретает на нее право собственности, соответственно, оно не вправе ей распоряжаться и пользоваться. Следствием этого является снос за свой счет либо компенсация лицу, осуществившему его. С учетом характера самовольной постройки судом устанавливается срок для ее сноса, но не менее трех и не более двенадцати месяцев [11, с. 39]. Если иное не установлено законом, иск о признании права собственности на самовольную постройку подлежит удовлетворению при установлении судом того факта, что единственными признаками самовольной постройки являются отсутствие разрешения на строительство и/или отсутствие акта ввода объекта в эксплуатацию, для получения которых лицо, осуществившее самовольную постройку, предпринимало меры. В этом случае суд должен также установить, не нарушает ли сохранение самовольной постройки права и охраняемые законом интересы других лиц и не создает ли угрозу жизни и здоровью граждан.

С учетом того, что право собственности на вновь созданную недвижимую вещь возникает только после ее государственной регистрации, то узаконение самовольной постройки является одним из способов приобретения права собственности [12]. Необходимо отметить, что такое приобретение является исключением из общего правила, что подтверждается рядом юридических процедур, необходимых для прохождения, по результатам которых самовольная постройка должна быть принята в эксплуатацию, право собственности зарегистрировано и получен технический паспорт.

Только у собственника земельного участка должно быть исключительное право выбора: либо потребовать у нарушителя его прав снести самовольную постройку,

либо самому снести ее за счет нарушителя, либо поблагодарить захватчика за работу и возместить ему расходы на постройку [13]. Однако следует помнить, что право собственности на самовольную постройку не может быть признано ни за собственником земельного участка, ни за лицом, осуществившим постройку, если сохранение постройки повлечет нарушение прав и охраняемых законом интересов других лиц либо будет создавать угрозу жизни и здоровью людей [14].

Согласно обзору судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством, утвержденному Президиумом Верховного суда Российской Федерации 19 марта 2014 года, признание права собственности на самовольную постройку в судебном порядке является исключительным способом защиты права [15, с. 41]. Признание права собственности в объеме правоотношений, возникающих по поводу самовольной постройки, не может быть воспринято как способ защиты права и не является им. Во-первых, отсутствует объект права, легально находящийся в обороте. Во-вторых, признанию не предшествует возникновение вещного права какого-либо лица на этот объект, что позволяло бы заявлять о нарушении такого права и формулировать требования о его защите, поскольку признание есть подтверждение существования в реальной действительности юридического факта, порождающего (породившего) возникновение права, в рамках формальной процедуры [16]. При этом признание не формирует юридических состояний, отличных от реальных событий, не имитирует и не должно имитировать юридические факты. Представляется, что исключительность мало что может объяснить, а предоставление вещному владельцу земельного участка права обращения в суд с иском о признании права собственности есть дозволение, которое существует в рамках правового режима самовольной постройки и обеспечивает интерес этого лица, направленный на объект, распознаваемый им как материальное благо [17].

В свете последних изменений в регулировании правоотношений, связанных с институтом самовольной постройки, вступивших в силу 4 августа 2018 года, актуальной стала возможность легализации самовольной постройки, что является положительным аспектом для ее владельца [18]. Внесение данных поправок было обусловлено необходимостью решить часто возникающий на практике вопрос о защите добросовестных владельцев построек, в том числе от излишнего формализма. В настоящее время под самовольной постройкой подразумевается «здание, сооружение или другое строение, которое возведено без разрешения или на участке земли, который для этого не предназначался» [19, с. 106]. В п. 1 ст. 222 ГК РФ появилось сразу три основных условия для признания постройки самовольной. Во-первых, самовольной постройкой может быть признано не только недвижимое имущество, но и «другое строение» [20, с. 166], то есть связь объекта с землей вовсе не обязательна. Во-вторых, появилось положение, согласно которому существенно упрощается порядок признания права на самовольную постройку. В случае если при строительстве на земельном участке возникли какие-либо сложности и эти сложности появились после начала строительства, то на самострой они не распространяются. В-третьих, внесено положение

о добросовестности владельца самовольной постройки: постройка не будет признана самовольной при условии, если строитель не знал или не мог знать о запрете на строительство данного объекта. Таким образом, законодатель конкретизировал понятие самовольной постройки, сделал его более ясным и доступным для правоприменителей.

Решение о сносе самовольно размещенного объекта, подлежащее принудительному исполнению, может быть вынесено только судом [21]. Данная позиция поддерживается следующими аргументами:

– квалификация недвижимого имущества в качестве самовольной постройки, (что влечет отказ в признании права собственности) возможна только судом, иные органы лишены таких полномочий;

– снос самовольной постройки влечет ее уничтожение, что лишает лица права, предусмотренного в законе, на его легализацию. Снос самовольной постройки, в том числе силами самого истца, возможен после вынесения судебного постановления. Если ответчик не принимает мер к исполнению решения суда о сносе объекта строительства, возведенного самовольно, истец может самостоятельно снести этот объект. При этом его действия должны быть квалифицированы как способ защиты гражданских прав.

Введение административного порядка сноса самовольной постройки стало резонансным изменением, поскольку административный порядок сноса самовольных построек оставляет многие вопросы открытыми [22]. Так, например, в действующей редакции ст. 222 ГК РФ непонятно, как такой порядок применять к объекту незавершенного строительства. В случае если правоприменитель придет к выводу о невозможности сноса такого объекта в «упрощенном» порядке, может возникнуть ситуация «бессилия правовой нормы». Если же допустить административный порядок сноса по отношению к объекту незавершенного строительства, то признание такой возможности означало бы наделение органов местного самоуправления правом расширительного толкования нормы, что, безусловно, привело бы к произволу и формированию противоречивой практики на территории страны.

Спорным является положение об изъятии участка в случае, когда собственник не выполняет решение о сносе самовольной постройки. Сложности начинают возникать на практике. Например, размер земельного участка может быть больше, чем площадь, на которой располагается самовольная постройка. Применительно к данной ситуации было бы верно акцентировать внимание на изъятии части участка, а расходы на кадастровые работы переложить на собственника земли. Любопытен подход законодателя к объектам самовольного строительства, входящим в категорию имущества религиозного назначения. Согласно новелле, снос вышеназванных объектов будет запрещен даже в случаях угрозы жизни и здоровью граждан. Данное нововведение является противоречивым с точки зрения как безопасности граждан, так и соблюдения базового конституционного принципа – равенства всех перед законом и судом.

Многие цивилисты отмечают, что эта реформа является примером ситуативного регулирования и данная мера никаких существенных изменений в себе не содержит. Указанные положения не устанавливаются, в ка-

ких случаях необходим исключительно снос, а в каких следует дать время на устранение нарушений и признать право собственности строителя на самовольную постройку. Наличие таких пробелов в законе может послужить причиной злоупотребления пользования данным механизмом. К тому же данные изменения оставляют неразрешенным вопрос отнесения термина «самовольное строительство» к категории незавершенных объектов.

Проблема ответственности за самовольное строительство является актуальной в настоящее время. Одной из основных санкций в ГК РФ при самовольной постройке является то, что на возведенный объект не возникает права собственности. В качестве наказания на лицо, осуществившее самовольную постройку, возлагается ответственность по ее сносу либо им самим, либо за его счет. Таким образом, самовольное строительство имеет признаки гражданского правонарушения.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что последние новеллы законодательного регулирования самовольной постройки являются достаточно спорными. С одной стороны, такие изменения позволяют сделать механизм признания построек самовольными более понятным и объективным, усовершенствовать меры противодействия самовольному строительству и установить дополнительную защиту прав граждан и юридических лиц на недвижимое имущество. С другой стороны, внесенные изменения не решают ряд существенных проблем и влекут за собой все больше вопросов. В силу отсутствия устойчивой судебной практики достаточно сложным является прогнозирование дальнейшего функционирования механизма регулирования института самовольной постройки. Ст. 222 ГК РФ претерпела значительные изменения. Однако несоответствие новелл другим положениям ГК РФ, а также отсутствие четкости регламентации приводит к невозможности формирования длительной перспективы правовых отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов А.А. Самовольная постройка: правовые последствия // Налоговые известия Московского региона. 2015. № 12. С. 58–60.
2. Бакулин А.Ф., Петухова А.В. О негативной природе требования о сносе самовольной постройки // Российский юридический журнал. 2011. № 6. С. 122–133.
3. Чалова А.С. Самовольная постройка: вопросы, решаемые строительно-технической экспертизой // Эксперт-криминалист. 2010. № 1. С. 8–11.
4. Щенникова Л.В. Самовольное строительство в России: объективная оценка и неожиданные гражданско-правовые последствия // Законодательство. 2006. № 3. С. 18–22.
5. Кузьмина И.Д., Луконкина В.И. Правовой режим самовольной постройки // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2013. № 11. С. 19–24.
6. Бетхер В.А. «Иной» порядок легализации самовольных построек: востребованная необходимость // Вестник Омского Университета. Серия: Право. 2016. № 1. С. 140–146.

7. Туманов Д.А., Алехина С.А. К вопросу о правовом характере спора и правоспособности как предпосылках права на предъявление иска // Журнал российского права. 2009. № 12. С. 95–105.
8. Мартыненко И. Правовые последствия самовольного строительства // Законодательство и экономика. 2000. № 7. С. 165–167.
9. Демкина А.В. Принцип добросовестности и институт самовольной постройки в гражданском праве // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2015. № 8. С. 6–14.
10. Ерофеева А.А. Проблемы правового статуса самовольной постройки // Юрист. 2010. № 1. С. 43–46.
11. Ершов О.Г., Бехтер В.А. К вопросу о правовой природе самовольной постройки // Право и экономика. 2015. № 4. С. 37–41.
12. Чиконова Л.В. Некоторые проблемы применения дефиниции «самовольная постройка» // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 2. С. 104–113.
13. Маленков Н.А. Самовольная постройка: вопросы правового режима и прав на земельный участок // Право и экономика. 2009. № 10. С. 18–25.
14. Уколова Т.Н., Филатова Д.О. Новеллы гражданского законодательства о самовольном строительстве // Вестник Волжского университета им. В.Н. Тагичева. 2010. № 74. С. 33–42.
15. Савина А.В. Снос самовольной постройки // Адвокатская практика. 2008. № 3. С. 40–43.
16. Никитин А.В. Самовольные постройки: несколько спорных вопросов // Юрист. 2015. № 10. С. 37–41.
17. Селиванов В.В. О понятии гражданско-правового режима самовольной постройки // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 3. С. 229–233.
18. Скловский К.И. О допустимости «административного сноса» самовольного строения // Закон. 2016. № 6. С. 28–34.
19. Скловский К.И. Толкование добросовестности как обязанность суда // Закон. 2017. № 1. С. 106–109.
20. Карцева Н.С., Шурышева Н.В. Проблемы правового регулирования объектов недвижимого имущества в свете изменений гражданского законодательства РФ // Проблемы формирования правового социального государства в современной России: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции. Новосибирск: НГАН, 2015. С. 165–167.
21. Валеев Р.А. Понятие объекта незавершенного строительства // Цивилист. 2008. № 4. С. 24–31.
22. Дятлов П.Н. Правовые вопросы строительства индивидуальных жилых домов. Киев: Будівельник, 1980. 195 с.
4. Shchennikova L.V. Unauthorized construction in Russia: objective assessment and unexpected civil-legal effects. *Zakonodatelstvo*, 2006, no. 3, pp. 18–22.
5. Kuzmina I.D., Lukonkina V.I. Legal regime of unauthorized construction. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF*, 2013, no. 11, pp. 19–24.
6. Betkher V.A. “Another” procedure of legalization of unauthorized constructions: the need for high demand. *Vestnik Omskogo Universiteta. Seriya: Pravo*, 2016, no. 1, pp. 140–146.
7. Tumanov D.A., Alekhina S.A. Back to the question of disputes legal nature and capacity as presuppositions of the right to bring suit or action. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2009, no. 12, pp. 95–105.
8. Martynenko I. Legal effects of unauthorized construction. *Zakonodatelstvo i ekonomika*, 2000, no. 7, pp. 165–167.
9. Demkina A.V. The principle of good faith and unauthorized construction. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii*, 2015, no. 8, pp. 6–14.
10. Erofeeva A.A. Problems of Legal Status of Unauthorized Construction. *Yurist*, 2010, no. 1, pp. 43–46.
11. Ershov O.G., Bekhter V.A. On the legal nature of unauthorized construction. *Pravo i ekonomika*, 2015, no. 4, pp. 37–41.
12. Chikonova L.V. The problems of applying the definition of unauthorized construction. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii*, 2017, no. 2, pp. 104–113.
13. Malenkov N.A. Unauthorised building – issues of legal regime and rights to a land parcel. *Pravo i ekonomika*, 2009, no. 10, pp. 18–25.
14. Ukolova T.N., Filatova D.O. Novels of the civil legislation on the unauthorized building. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, 2010, no. 74, pp. 33–42.
15. Savina A.V. Unauthorized construction demolition. *Advokatskaya praktika*, 2008, no. 3, pp. 40–43.
16. Nikitin A.V. Unauthorized constructions: several controversial issues. *Yurist*, 2015, no. 10, pp. 37–41.
17. Selivanov V.V. On the notion of civil-legal regime of unauthorized construction. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2011, no. 3, pp. 229–233.
18. Sklovskiy K.I. On the admissibility of “administrative demolition” of unauthorised constructions. *Zakon*, 2016, no. 6, pp. 28–34.
19. Sklovskiy K.I. Interpretation of good faith as the duty of the court. *Zakon*, 2017, no. 1, pp. 106–109.
20. Kartseva N.S., Shuryshcheva N.V. The problems of legal regulation of the real estate objects in view of changes in the RF civil legislation. *Problemy formirovaniya pravovogo sotsialnogo gosudarstva v sovremenno Rossii: materialy XI Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Novosibirsk, NGAN Publ., 2015, pp. 165–167.
21. Valeev R.A. The concept of an incomplete construction object. *Tsivilist*, 2008, no. 4, pp. 24–31.
22. Dyatlov P.N. *Pravovye voprosy stroitelstva individualnykh zhilykh domov* [Legal issues of construction of individual dwelling]. Kiev, Budivelnik Publ., 1980. 195 p.

REFERENCES

1. Abramov A.A. Unauthorized building: legal effects. *Nalogovye izvestiya Moskovskogo regiona*, 2015, no. 12, pp. 58–60.
2. Bakulin A.F., Petukhova A.V. About negatory nature of the claim for the demolition of the unauthorized construction. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2011, no. 6, pp. 122–133.
3. Chalova A.S. Unauthorized construction: issues resolvable by construction and technical expertise. *Ekspert-kriminalist*, 2010, no. 1, pp. 8–11.

**UNAUTHORIZED CONSTRUCTION:
THE ANALYSIS OF INNOVATIONS IN THE RF CIVIL CODE**

© 2019

A.V. Sergeev, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair “Civil Law and Procedure”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: unauthorized construction; real estate; right of property; land plot; legal effects; unauthorized structure demolition; declaration of ownership.

Abstract: The paper considers the problem of definition of the concept of unauthorized construction, describes the relevance of the problem of the declaration of ownership for an illegally constructed building based on the court decision. The author analyzes the main changes in the civil legal regulation in the sphere of unauthorized structures: the issue of their demolition and legalization under certain conditions established by the legislator. The author studies the innovations in the field of objects – unauthorized buildings and the subjects dealing with unauthorized construction. The paper presents possible improvements in legislation in this area. The construction of an authorized building causes an offense, and this building is a result of the offense. However, deep analysis reveals the problem ambiguity. Since the abovementioned process implies both civil and public offenses, legal solutions to the issues of building preservation, in particular, related to the creation of property right for it or the building’s destruction as a physical object, are formed taking into account both civil and public behavior of the parties to the legal relationships arising in regard to an authorized structure. Based on the study of scholarly opinions, the author comes to the understanding of the unauthorized building as a civil offense since unauthorized construction is illegal activities on creation of a real estate object; however, it is legally recognized as the way of acquisition of the right of ownership. The author concludes that the specifics of the legal regime related to unauthorized construction aimed to ensure economic relations; however, this regime should not generate sustainable patterns of illegal behavior. The defined conclusions and offers will allow improving the legal regulation of relationships regarding unauthorized construction.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

© 2019

Е.А. Тарпанова, кандидат философских наук, доцент кафедры ИУ10 «Защита информации»*Л.Я. Добкач*, студент кафедры ИУ8 «Информационная безопасность»*Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана
(национальный исследовательский университет), Москва (Россия)*

Ключевые слова: информационная безопасность; информационная безопасность личности; киберпреступность; преступления в сфере компьютерной информации; фишинг.

Аннотация: На развитие нашей страны оказывают влияние такие общемировые процессы, как интеграция и унификация информационных отношений. Формирование и развитие информационного общества должно сопровождаться соответствующим совершенствованием системы государственных гарантий конституционных прав человека и гражданина в информационной сфере.

В качестве одной из мер осуществления указанных прав выступает создание и обеспечение должного уровня информационной безопасности личности. Принятие новой Доктрины информационной безопасности Российской Федерации ставит интересы личности во главу нормативного регулирования в данной сфере, однако институт информационной безопасности личности по-прежнему недостаточно регламентирован действующим законодательством. Статья посвящена проблемам правового обеспечения информационной безопасности личности в условиях глобального информационного общества.

В частности, проанализировано состояние современной киберпреступности в России. Отмечается, что цель подавляющего большинства таких преступлений – посягательство на право собственности. Рассмотрены основные проблемы квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации. В настоящее время в судебной практике мошенничество в сфере компьютерной информации рассматривается как форма хищения. Кроме того, проанализированы актуальные проблемы негативного воздействия глобального информационного пространства на личность, это воздействие особенно вредно для подрастающего поколения. В статье рассмотрены основные угрозы, которые представляют современные информационные технологии для уязвимой психики детей.

Проводится анализ состояния действующего законодательства Российской Федерации по вопросу обеспечения информационной безопасности личности. В заключение даны предложения, направленные на совершенствование правового обеспечения информационной безопасности личности.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема информационной безопасности личности имеет большую значимость в условиях глобального информационного общества. Среди большого объема различной информации, с которой человек сталкивается каждый день, есть как полезная, так и вредная информация (или не содержащая в себе какого-либо потенциала вообще). Человек, не обладающий в достаточной степени развитым критическим мышлением, не способен адекватно оценивать современный мощный информационный поток с точки зрения его достоверности, полезности или вредности, актуальности и т. д., что отрицательно влияет не только на реализацию интересов человека в обществе, но и в конечном итоге на жизнь общества в целом.

На законодательном уровне понятия «вредная информация» пока не существует, частичная легитимация данного понятия произошла лишь благодаря вступлению в силу Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [1]. Таким образом, законодательно признано наличие вредной информации для детей, но общих норм о вредной информации в отечественном законодательстве пока нет. Согласно ст. 1 Федерального закона от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», дети – лица до 18 лет (совершеннолетия). Это далеко не самая обширная возрастная группа, но одна из наиболее уязвимых для воздействия вредной информации в силу особенностей психики и отсутствия необходимого жизненного опыта и знаний, так как «способ

классификации воспринимаемого у каждого из нас тесно связан с нашим предварительным жизненным опытом» [2, с. 185].

В Доктрине информационной безопасности 2016 года, которая является основой для формирования государственной политики в области обеспечения информационной безопасности нашей страны, отмечается «нарастающее информационное воздействие на население России, в первую очередь на молодежь, в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В последние годы в органы МВД поступает немало заявлений от родственников людей, которые попали под влияние различных деструктивных объединений – сект, так называемых «групп роста», «групп смерти» и прочих [3]. Деятельность секты, в отличие от обычной религиозной организации, имеет разрушительный и экстремистский характер, может быть связана с принуждением, насильственным воспитанием; зачастую деятельность секты нацелена на разрушение семьи, доведение до самоубийства и т. д. [4]. На законодательном уровне понятий «секта» или «деструктивное объединение» не существует. Большинство таких организаций, с точки зрения действующего российского законодательства, ничего не нарушает. Кроме того, сами пострадавшие, в силу разных причин и обстоятельств, не всегда обращаются в полицию. Поэтому привлечь к ответственности лидеров деструктивных объединений и их подельников очень сложно, целесообразно уделять соответствующее внимание превентивной работе. При этом особенно важны соответствующие превентивные меры среди подростков

и молодежи [5]. С одной стороны, люди попадают в различные деструктивные объединения добровольно. Но, с другой стороны, происходит подавление воли человека, смена его жизненных ценностей и ориентиров в интересах (как правило, финансовых и политических) лидеров таких групп. При этом в большинстве случаев представители различных деструктивных объединений ведут активную пропаганду, чтобы привлечь новых сторонников, с помощью Всемирной сети – социальных сетей и мессенджеров (мобильных приложений WhatsApp, Telegram, Viber и др.), и листовок и объявлений с соответствующей информацией и т. д.

Вследствие развития информационно-телекоммуникационных технологий Интернет стал для многих основным источником информации, он заменяет людям телевидение, журналы, газеты и во многом иные способы коммуникации с родственниками и друзьями – общение происходит преимущественно через мессенджеры и социальные сети (особенно у молодежи). В настоящее время «цифровые технологии для молодого поколения являются естественной, родной средой, в которой подростку намного проще найти для общения виртуального собеседника, чем познакомиться с реальным человеком в действительности» [6]. Кроме того, информационно-телекоммуникационные технологии развиваются интенсивно, что приводит к тому, что далеко не все многочисленные пользователи Интернета готовы противостоять этой достаточно агрессивной информационной среде.

Цель работы – исследование правовых аспектов информационной безопасности личности с учетом последних законодательных изменений.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

В настоящее время государство принимает активное участие в регулировании интернет-пространства, при этом большое внимание уделяется проблеме размещения запрещенной информации на различных интернет-ресурсах. На основании анализа судебной практики можно сделать вывод о том, что в последние 5 лет прослеживается тенденция к увеличению роста числа исков об ограничении доступа к сайтам в сети Интернет. В частности, число заблокированных судами интернет-ресурсов составляет 24 203 (по состоянию на 13.08.2018) из 106 328 [7].

Постановление Правительства РФ от 27.10.2018 № 1279 «Об утверждении Правил идентификации пользователей информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» организатором сервиса обмена мгновенными сообщениями» вступило в силу 06.05.2019. Теперь операторы мобильной связи должны фиксировать в своих базах, какими приложениями пользуются при переписке их клиенты, и присвоить каждому абоненту специальный идентификационный код. Согласно утвержденным правилам, администраторы мессенджеров обязаны проверять всех новых пользователей своих сервисов по номерам телефонов, а предоставлять им необходимую информацию должны операторы сотовой связи. На эту проверку отводится максимально 20 минут. Если сим-карта зарегистрирована на другого человека, пользователю могут отказать в регистрации [8; 9].

Следует отметить, что дети в силу возрастных особенностей психики быстро воспринимают как полез-

ную, так и вредную информацию, при этом последствия влияния вредной информации на несовершеннолетних пользователей Интернета могут быть очень негативными [10]. Особую актуальность начиная с 2015 года приобрела проблема доведения до самоубийства путем вовлечения в так называемые группы смерти. Посредством сети Интернет лидеры деструктивных объединений организовали опасные для жизни игры, предлагали «увлекательные квесты» (например, внезапно пересечь дорогу перед приближающимися транспортными средствами, проехать, зацепившись за электропоезд, – так называемый «зацепинг», и т. п.), которые содержали в себе явный или скрытый призыв riskовать жизнью, в том числе призыв к самоубийству. В июне 2017 года в России впервые введена уголовная ответственность за доведение до самоубийства путем создания так называемых «групп смерти» в сети Интернет. Так, в ст. 110 Уголовного кодекса Российской Федерации «Доведение до самоубийства» теперь предусмотрена ответственность за все виды преступных действий по созданию и организации «групп смерти». Тогда же были включены в УК РФ и новые составы преступлений: склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ); организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ); вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ст. 151.2 УК РФ).

Деструктивные объединения могут пропагандировать религиозный экстремизм и терроризм, вербовать сторонников, что в итоге может привести к гораздо большим жертвам и потерям. Экстремизм и терроризм представляют собой явные угрозы для национальной безопасности Российской Федерации. Однозначного ответа, можно ли не поддаваться пропаганде, не существует, многое зависит от каждого конкретного человека, особенностей его психики, уровня образования и воспитания, предварительного жизненного опыта, социума и множества других факторов. Уровень развитости той или иной личности определяется характером общественных отношений, в которых личность участвует. На основании вышеизложенного очевидно, что необходима нейтрализация и профилактика подобного деструктивного информационно-психологического воздействия, которое может не только принести значительный вред психическому здоровью граждан, но и способствовать дестабилизации социально-политической обстановки в целом.

Киберпреступников в первую очередь интересует не жизнь намеченных жертв, а их финансовые активы. Примерно 70 % их атак – это хищение денежных средств [11]. При этом киберпреступность причиняет огромный вред правам и законным интересам личности, обществу и государству [12]. Более того, ущерб от подобных преступлений приобретает все больший масштаб. Согласно отчету Генеральной прокуратуры РФ, за 2017 год количество преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий выросло на 37 %, из них 4,4 % приходится на Россию, т. е. это почти каждое 20-е преступление. За первое полугодие 2018 года количество преступлений по ст. 273 УК РФ выросло еще на 3,4 % и в 7 раз возросло количество мошеннических действий, совершенных с использованием электронных

средств платежа (ст. 159.3 УК РФ). Между тем за указанный период количество раскрытых преступлений стало меньше на 19,6 %, а количество нераскрытых преступлений увеличилось на 30,5 %. Эксперты утверждают, что такая тенденция сохранится и в будущем [13]. Таким образом, происходит активная криминализация киберпространства, поэтому стать жертвами киберпреступлений в настоящее время могут практически все пользователи программно-технических устройств, в том числе обычные держатели банковских карт и владельцы мобильных телефонов. Мощный и постоянно увеличивающийся функциональный потенциал современных вредоносных компьютерных программ делает возможным их применение в качестве орудий или средств совершения многих из известных действующему уголовному законодательству преступлений. Использование вредоносных компьютерных программ в корыстных целях делает преступную деятельность сверхдоходной и безопасной, так как киберсреда обеспечивает злоумышленникам скрытность преступных действий и при этом предоставляет практически свободный доступ к значительным материальным ресурсам [14].

В отечественном уголовном законодательстве киберпреступления представлены в ряде глав Уголовного кодекса РФ и в первую очередь – в главе 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации» (ст. 272–274.1 УК РФ). Помимо ст. 272–274.1 УК РФ, уголовная ответственность за совершение преступлений непосредственно с использованием информационных технологий предусмотрена, в частности, в ст. 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации», в ст. 159.3 УК РФ «Мошенничество с использованием платежных карт».

Фишинг – это вид мошенничества, целью которого является получение доступа к конфиденциальным данным пользователей – логинам, паролям, данным личных счетов и банковских карт; в последние годы в сети Интернет он приобрел наибольшую популярность [15]. Данный вид мошенничества закрепленного в российском законодательстве определения не имеет. При фишинге непосредственный контакт между преступником и жертвой отсутствует. Основу фишинга составляют рассылка sms-рассылок, использование различного вредоносного программного обеспечения (скачивается при переходе по ссылке в адресованном жертве sms-сообщении), поддельных сайтов, создание компьютерных сетей (ботнетов), соединяющих незаметно для их владельцев большое количество компьютеров, зараженных программами-роботами, осуществляющими в интересах владельца ботнета нужные ему действия, например подбор паролей, рассылку рекламных сообщений, атаки на другие компьютеры.

Криптовалюта представляет собой новую революционную реалию не только в сфере информационных технологий, но и в экономике, при этом криптовалюта, как правило, похищается также посредством фишинга – с использованием фишинговых сайтов [16; 17].

Кроме того, все большее распространение получает голосовой фишинг. Например, злоумышленник звонит клиенту банка, представившись сотрудником финансовой организации, и под разными предлогами пытается получить реквизиты его банковской карты (номер, срок действия, CVR-код) в целях последующего осу-

ществления мошеннических операций в Интернете. Как правило, такие звонки преступники реализуют через IP-телефонию. С помощью SIP-протокола звонки можно осуществлять посредством компьютера, установив соответствующую программу; через сети Wi-Fi или 3G/4G с помощью SIP-программ для планшетов и мобильных телефонов; используя специальный стационарный SIP-телефон, который включается в роутер; через обычный телефон, подключив его к VoIP-шлюзу, а сам шлюз – к роутеру. Преступники также могут уловить с номера, очень похожего на номер колл-центра конкретной финансовой организации. Звонки также могут поступать с номеров 8-800, которые операторы IP-телефонии могут сдать в аренду на срок от одного дня.

Согласно данным ЦБ РФ, за 2018 год общий объем несанкционированных операций по выпущенным российскими банками платежным картам составил 1,4 млрд руб., что на 44 % выше показателя 2017 года – 961 млн руб. По данным регулятора, число выявленных несанкционированных транзакций по картам за год выросло почти на треть, до 417 тыс., а средняя сумма одной такой операции составила 3,32 тыс. руб. (на 9,6 % больше, чем в 2017 году). Также ЦБ РФ отмечается, что преступники для хищения денежных средств с платежных карт все активнее используют переводы через Интернет и мобильные устройства [18].

В 2017 году Верховный суд Российской Федерации в Постановлении № 48 от 30.11.2017 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 48), подробно разъяснил правовые аспекты «мошенничества в сфере компьютерной информации» (ст. 159.6 УК РФ). Согласно этому Постановлению, фишинг следует квалифицировать как кражу, а не как мошенничество. Тем не менее квалификация фишинга по УК РФ представляет большую сложность.

Раскрываемость таких преступлений осложнена тем, что, во-первых, жертва электронной кражи узнает о пропаже денежных средств не сразу. Чем больше проходит времени с момента совершения такого преступления до обращения потерпевшего в правоохранительные органы, тем меньше шансов раскрыть преступление. Во-вторых, как правило, сайт-двойник существует недолго – максимум сутки. Кроме того, выявление подобных преступлений на стадии подготовки практически невозможно.

Следует отметить, что мошенники-фишеры в своей преступной деятельности ориентируются на человеческий фактор, то есть на беспечность и невнимательность потенциальных жертв, а также на эмоции, вызванные стрессовой ситуацией (например, звонок мнимого сотрудника банка, уведомляющий клиента о списывании всех денег с его банковской карты). Крупные организации стараются предупреждать своих клиентов об угрозе фишинговых атак: размещают на своих сайтах соответствующую информацию, сопровождают свои сообщения какими-либо доказательствами их подлинности и т. д. В настоящее время не существует гарантированной защиты от фишинга программными или программно-техническими средствами, поэтому необходимо быть осторожными, внимательно перепроверять сообщения, указанные в них гиперссылки и сайты, на которые предлагается перейти [19].

Близок к фишингу и подбор пароля, защищающего личные сведения владельца электронного носителя информации, взлом аккаунтов жертвы в социальных сетях и, что может привести к гораздо более серьезным последствиям, – учетных записей на различных порталах, в частности на портале государственных услуг, где указаны персональные данные граждан Российской Федерации, позволяющие им получать различные услуги, например, записаться на прием к врачу, поставить на учет и снять с учета автотранспортное средство и т. д. Следует отметить, что пользователи часто не придают должного внимания выбору надежного пароля, используя в качестве пароля самые примитивные комбинации: например, пароль может полностью совпадать с логином, состоять из даты рождения пользователя, из его имени и т. д. Некоторые пользователи после завершения сеанса работы на компьютере в общественном месте зачастую просто забывают выйти из почты, могут оставить записанные логин и пароль на видном месте.

Как правило, для защиты данных используются методы идентификации, аутентификации и авторизации. Идентификация заключается в присвоении уникального имени (номера, логина) пользователю, аутентификация – процесс проверки соответствия предъявляемых данных связанному с ними идентификатору, в случае успеха осуществляется авторизация пользователя в системе, разрешение войти на свою страницу. В большинстве случаев люди (как пользователи, так и разработчики) ограничиваются реализацией однофакторной аутентификации, обычно основанной только на принципе «то, что ты знаешь», то есть реализацией непосредственно парольной защиты. Мультифакторная аутентификация в целом и двухфакторная аутентификация в частности, использующая также принципы «то, что ты имеешь» и «то, чем ты являешься», распространены несколько меньше и во многих случаях сводятся все равно лишь к введению пароля.

Потенциально уязвимое место – пароль – становится целью злоумышленников. На то, чтобы определить его посредством перебора всех возможных вариантов, обычно тратится довольно много времени, в соответствии с формулой безопасности Андерсона

$$4,32 \cdot 10^4 \cdot k \cdot \frac{M}{P} \leq A^l,$$

прямо зависящей от мощности алфавита A , количества попыток подбора пароля k в минуту, времени действия пароля M (в месяцах), обратно пропорционально вероятности подбора пароля P и экспоненциально его длине l [20]. Чтобы не тратить большое количество времени, преступники прибегают к уже рассмотренному выше методу социальной инженерии. В этом случае они крадут не финансовые активы жертвы, а ее аутентификационные данные. Иногда достаточно определить, что жертва считает для себя важным (чей-нибудь день рождения, чье-нибудь имя), или же она вообще не беспокоится о должной сложности пароля (123456, qwerty и их аналоги тому примеры). В остальных же случаях злоумышленник может достичь своей цели с помощью поддельных сайтов или управляемой беседы, направленной на выяснение пароля или же пользуясь невни-

мательностью и беспечностью жертвы. Основной метод защиты в данном случае аналогичен, как и при столкновении с фишерами: нужно быть внимательным, тщательно анализировать поступающую информацию и принимать взвешенные решения. При этом следует отметить, что формирование критического мышления требует от личности определенных усилий [21, с. 93].

Кроме того, нельзя не упомянуть и о тесной связи киберпреступности с самым опасным на сегодняшний день видом преступности – терроризмом. Террористические организации пользуются услугами профессиональных специалистов в сфере информационных технологий. Цель террористических организаций – нанести максимальный ущерб противнику, совершить теракты с большим количеством человеческих жертв и кибератаки на жизненно важные системы и военные объекты.

ВЫВОДЫ

В целях нейтрализации и профилактики деструктивного информационно-психологического воздействия на личность особенно важны соответствующие превентивные меры среди подростков и молодежи. Представляется целесообразным формировать и развивать у учащихся критичность мышления в рамках учебного процесса в средних и высших учебных заведениях. Личность, обладающая критичным мышлением, сможет более эффективно противостоять угрозам современной информационной среды.

Необходим действенный законодательный механизм защиты информационных прав и свобод и его постоянное совершенствование: профилактика преступлений и повышение процента их раскрываемости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Куликова С.А. К вопросу о классификации вредной информации в российском законодательстве // Информационное право. 2015. № 4. С. 22–29.
2. Годфруа Ж. Что такое психология. Т. 1. М.: Мир, 1992. 496 с.
3. «Бог Кузя» и участники секты его имени вышли на свободу // РАПСИ. Российское агентство правовой и судебной информации. URL: rapsinews.ru/judicial_news/20190408/297497758.html.
4. Сибата Сэйги. Религиозные объединения в России и Японии: развитие законодательства в сравнительной перспективе // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 4. С. 72–76.
5. Шерникова Д.А. Проблемы правового регулирования профилактики терроризма и экстремизма и их решение органами местного самоуправления // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2018. № 4. С. 26–30.
6. Бураева Л.А., Дадова З.И. О проблемах негативного влияния глобального информационного пространства на процесс становления системы ценностей молодежи // Социально-политические науки. 2018. № 5. С. 270–272.
7. Омелин В.Н., Горовой В.В. Анализ судебной практики по блокировке интернет-групп в мессенджерах и страниц в социальных сетях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2019. № 1. С. 8–11.

8. КонсультантПлюс: Новости для юриста с 6 по 9 ноября 2018 года из информационного банка «Юридическая пресса» // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru.
9. Колосова И.Ю. Новая обязанность оператора связи – идентификация пользователей // Услуги связи: бухгалтерский учет и налогообложение. 2019. № 1. С. 16–20.
10. Бородин К.В. Правовая защита несовершеннолетних от информации, приносящей вред их здоровью и развитию, распространяющейся в сети Интернет // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 7. С. 68–74.
11. Кондрашин М. Security by design как основа // Банковское обозрение. 2018. № 11. С. 69–72.
12. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2019–2021 годов. М.: ЦБ РФ, 2019. 64 с.
13. О преступлениях, совершаемых с использованием современных информационно-коммуникационных технологий // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1431104.
14. Зубова Е., Тронин А. Киберпреступлений становится все больше, однако их раскрываемость уменьшается // Адвокатская газета. Орган Федеральной палаты адвокатов РФ. 2018. 13 ноября. URL: advgazeta.ru/obzory-i-analitika/kiberprestupleniy-stanovitsya-vse-bolshe-odnako-ikh-raskryvaemost-umenshaetsya/.
15. Григорян Г.Р. Об объекте мошенничества в сфере компьютерной информации // Российская юстиция. 2018. № 5. С. 29–31.
16. Тарапанова Е.А., Иванников П.В. К вопросу об организационно-правовом регулировании криптовалют и их реализация на базе отечественных стандартов информационной безопасности // Научные технологии. 2018. Т. 19. № 11. С. 58–64.
17. Сидоренко Э.Л. Криптовалюта как предмет хищения: проблемы квалификации // Мировой судья. 2018. № 6. С. 18–24.
18. Обзор несанкционированных переводов денежных средств за 2018 год. М.: ЦБ РФ, 2019. 31 с. URL: cbr.ru/Content/Document/File/62930/gubzi_18.pdf.
19. Хачатурова С.С., Жихарева Ю.П. Осторожно, фишинг! // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 4-4. С. 793–795.
20. Барбасова П.М., Зернов М.И. Система для смены паролей // Вычислительные сети. Теория и практика. 2010. № 1. С. 25–27.
21. Холодный Ю.И., Тарапанова Е.А. Информационно-психологическая безопасность, лженаука и критическое мышление // Социально-политические науки. 2018. № 5. С. 89–93.
22. “God Kuzya” and members of the sect of his name were released. *RAPSI. Rossiyskoe agentstvo pravovoy i sudebnoy informatsii*. URL: rapsinews.ru/judicial_news/20190408/297497758.html.
23. Sibata Seygi. Religious associations in Russia and Japan: development of legislation in the comparative prospect. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2018, no. 4, pp. 72–76.
24. Shernikova D.A. Issues of the Legal Regulation of Terrorism and Extremism Prevention and Their Solution by Local Self-Government Authorities. *Munitsipalnaya sluzhba: pravovye voprosy*, 2018, no. 4, pp. 26–30.
25. Buraeva L.A., Dadova Z.I. On the problems of the negative influence of the global information space on the process of youth value system formation. *Sotsialno-politicheskie nauki*, 2018, no. 5, pp. 270–272.
26. Omelin V.N., Gorovoy V.V. An Analysis of the Judicial Practice of Blocking Internet Groups in Messengers and Pages in Social Networks. *Ugolovno-issledovatel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*, 2019, no. 1, pp. 8–11.
27. ConsultantPlus: News for a lawyer from 6 to 9 November 2018 from the information bank “Legal Press”. *Konsultant-Plyus: spravochno-pravovaya sistema*. URL: consultant.ru.
28. Kolosova I.Yu. New duty of the operator – identification of users. *Uslugi svyazi: bukhgalterskiy uchet i nalogo-oblozhenie*, 2019, no. 1, pp. 16–20.
29. Borodin K.V. Legal Protection of Minors from Harmful Information Spread via the Internet and Causing Harm to their Health and Development. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2016, no. 7, pp. 68–74.
30. Kondrashin M. Security by design as a basis. *Bankovskoe obozrenie*, 2018, no. 11, pp. 69–72.
31. *Osnovnye napravleniya razvitiya finansovogo rynka Rossiyskoy Federatsii na period 2019–2021 godov* [Main directions of development of the financial market of the Russian Federation for the period of 2019–2021]. Moscow, TsB RF Publ., 2019. 64 p.
32. About crimes committed with the use of modern information and communication technologies. *General'naya prokuratura Rossiyskoy Federatsii*. URL: genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1431104.
33. Zubova E., Tronin A. Cybercrime is becoming more and more, but their detection is decreasing. *Advokatskaya gazeta. Organ Federalnoy palaty advokatov RF*, 2018, 23 November. URL: advgazeta.ru/obzory-i-analitika/kiberprestupleniy-stanovitsya-vse-bolshe-odnako-ikh-raskryvaemost-umenshaetsya/.
34. Grigoryan G.R. About the object of fraud in the field of computer information. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2018, no. 5, pp. 29–31.
35. Tarapanova E.A., Ivannikov P.V. Legal regulation of crypto-currencies and their implementation on the basis of national information security standards. *Naukoemkie tekhnologii*, 2018, vol. 19, no. 11, pp. 58–64.
36. Sidorenko E.L. Cryptocurrency as a Subject of Embezzlement: Qualification Issues. *Mirovoy sudya*, 2018, no. 6, pp. 18–24.
37. *Obzor nesanktsionirovannykh perevodov denezhnykh sredstv za 2018 god* [Review of unauthorized money

REFERENCES

1. Kulikova S.A. Major Types of Harmful Information in the Russian Legislation: a Step to Classification. *Informatsionnoe pravo*, 2015, no. 4, pp. 22–29.
2. Godfrua Zh. *Chto takoe psikhologiya* [What is the psychology]. Moscow, Mir Publ., 1992. Vol. 1, 496 p.

- transfers for 2018]. Moscow, TsB RF Publ., 2019. 31 p. URL: cbr.ru/Content/Document/File/62930/gubzi_18.pdf.
19. Khachaturova S.S., Zhikhareva Yu.P. Beware of phishing! *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamentalnykh issledovaniy*, 2016, no. 4-4, pp. 793–795.
20. Barbasova P.M., Zernov M.I. Password change system. *Vychislitelnye seti. Teoriya i praktika*, 2010, no. 1, pp. 25–27.
21. Kholodnyy Yu.I., Tarapanova E.A. Information-psychological security, pseudoscience and critical thinking. *Sotsialno-politicheskie nauki*, 2018, no. 5, pp. 89–93.

INFORMATION SECURITY OF A PERSON

© 2019

E.A. Tarapanova, PhD (Philosophy), assistant professor of Chair IU10 “Information protection”

L.Ya. Dobkach, student of Chair IU8 “Information security”

Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Moscow (Russia)

Keywords: information security; information security of a person; cybercrime; computer crime; fishing.

Abstract: Such global processes as integration and unification of information relations influence the effective development of our country. The formation and development of information society must be accompanied by the appropriate improvement of the system of state guarantees of constitutional rights of a person and a citizen in the information sphere.

One of the measures necessary to ensure the execution of these rights is the creation and maintenance of the necessary level of information security of a person. The adoption of a new Doctrine of information security of the Russian Federation puts the interests of a person at the head of legal regulation in this sphere; however, the institute of personal information security still lacks the sufficient regulation in the current legislation. The paper deals with the problems of legal support of the information security of a person in the conditions of the global information society.

In particular, the authors analyzed the state of modern cybercrimes in Russia. They note that the aim of the great majority of such crimes is the entrenchment on the property right. The authors considered the main problems of classification of fraud in the cyber realm. Currently, in litigation practice, the fraud in the sphere of the cyber realm is considered as a form of kidnapping. Moreover, the authors analyzed the topical issues of the negative influence of global information space on a person; this influence is especially harmful for the younger generation. The paper considers the main threats, which the modern information technologies constitute for the vulnerable psychics of children.

The authors analyzed the state of the current legislation of the Russian Federation on the issue of providing personal information security. In conclusion, the authors give the suggestions aimed at the improvement of legal support of the information security of a person.

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2019

О.А. Фомичева, кандидат юридических наук, доцент
*Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
Оренбургского государственного университета, Орск (Россия)*

Ключевые слова: парламентская ответственность; законотворческая деятельность; субъекты парламентской ответственности; парламентское право; ответственность парламентария.

Аннотация: Исследуется вопрос развития парламентской ответственности как конституционно-правового института в системе науки конституционного права. Целью статьи является определение видов субъектов парламентской ответственности как ключевого элемента в установлении механизма законотворческого процесса. Актуальность исследования вопроса парламентской ответственности обусловлена необходимостью повышения качества законотворческого процесса. Мировой опыт развития парламентаризма порождает необходимость проведения исследований правового статуса субъектов парламентской ответственности как элемента законотворческого процесса.

Проведены теоретико-правовые исследования парламентской ответственности как элемента законотворческого процесса. Парламентская ответственность на современном этапе развития теории права еще не получила свое признание и находит практическое обоснование в рамках политической ответственности, ответственности в конституционном деликте и дисциплинарной ответственности депутата. Исследование практики правового регулирования по структурированию палат федерального парламента и региональных парламентов позволило сформулировать виды субъектов парламентской ответственности. Предложения автора о разграничении типов парламентской ответственности будут способствовать совершенствованию законотворческой деятельности. Перспективы установления парламентской ответственности обоснованы в качестве ключевых основ правового регулирования законотворческого процесса.

Выявлены причины недостаточности развития института парламентской ответственности. Так, развитию правовой основы по установлению мер парламентской ответственности препятствует отсутствие четкой характеристики субъектов парламента (коллегиальных и единоличных структурных компонентов парламента), что порождает неопределенность в установлении парламентской ответственности на различных этапах законотворческого процесса.

Сделан вывод о необходимости разработки и правовой регламентации видовой классификации субъектов парламентской ответственности в целях упорядочения механизма по осуществлению законотворческих процедур в парламентах.

ВВЕДЕНИЕ

Конституционное право как наука способствует совершенствованию норм Конституции РФ. Действие в России законодательной власти означает возможность устанавливать правила, определяющие основы общественно значимого поведения и деятельности физических и юридических лиц, граждан, должностных лиц, органов и учреждений государства, общественных объединений. Законодательная власть все чаще называется парламентской властью и становится самостоятельным публично-правовым институтом [1], появляется институт парламентской ответственности.

Традиционно в науке конституционного права парламентская ответственность рассматривается как ответственность правительства перед парламентом [2–4]. Но такой тип ответственности является формой контроля. Парламентская ответственность часто рассматривается как форма контроля в системе сдержек и противовесов, один из принципов федерализма. Такой тип ответственности характерен для парламентаризма как формы государства, в которой исполнительная власть несет ответственность перед народным представительством [5]. На парламента возлагается функция контроля над исполнением законов, что является обязательным элементом законодательной власти [6]. Ученые XX в. безосновательно утверждали, что такой вид парламентской ответственности характерен для парламентаризма, который подвержен историческим изменениям. «Он выполнит свою историческую миссию до конца и отомрет, чтобы уступить место другим, еще более высоким

и утонченным политическим формам» [7, с. 429]. Предлагается признать ответственность всего парламента [8], депутата перед парламентом [9] или депутатов перед народом [10].

На современном этапе парламентских процедур парламентская ответственность становится необходимым именно для процесса законотворчества институтом. Такой вид ответственности возникает внутри структурных единиц парламента. Недостаточное внимание ученых к парламентской ответственности как возможности качественно улучшить законотворческий процесс обуславливает необходимость ее изучения.

Цель работы – исследование необходимости законодательного закрепления парламентской ответственности как ключевого элемента законотворческого процесса.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Рассмотрению вопроса о выделении парламентской ответственности как отдельного вида комплексной ответственности в конституционном или парламентском праве как науке уделено недостаточно внимания. Но к этому вопросу следует обратиться по ряду причин. Прежде всего, современное развитие конституционного права как науки позволяет отметить выделение парламентского права как самостоятельной отрасли. Дополнительным аргументом в пользу выделения парламентского права является специфика парламентской ответственности, поскольку структурные компоненты парламента неоднородны и характеризуются публично-правовым статусом.

Ответственность проявляется в неблагоприятных последствиях по отношению к соответствующему субъекту. Вместе с тем предлагается признать объектом парламентской ответственности эффективность законотворческого процесса и иные формы парламентской деятельности. Субъекты ответственности могут быть коллективными и индивидуальными [11]. Коллективными субъектами парламентской ответственности являются все парламенты РФ, а индивидуальными – парламентарии – депутаты Государственной Думы, члены Совета Федерации, депутаты законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ. Ответственность для парламентариев объединяет законотворческую деятельность парламентов для достижения эффективности в законотворчестве.

Ведущая роль парламента – осуществление законотворческой деятельности. Принятие законов является обязанностью парламента. Невыполнение этой обязанности считается основанием для применения парламентской ответственности, в том числе роспуска. В случае роспуска парламента деятельность органа прекращается вне зависимости от качества и количества субъектного состава (депутатов). Таким образом, при применении к парламенту коллективной парламентской ответственности неблагоприятные последствия наступают для индивидуальных субъектов. И наоборот, индивидуальная парламентская ответственность к парламентариям как субъекту законотворческой деятельности проецируется на деятельность парламента.

Отсутствие конституционно-правовой дефиниции парламентской ответственности позволяет выявлять формы реализации данного типа (внутренней) ответственности. Предлагается выделить две формы внутренней парламентской ответственности: коллегияльную (парламент или парламентского структурного образования) и индивидуальную (парламентария). Ответственность публичного властного органа является позитивной, имеет конституционную природу.

В целях детализации парламентской ответственности в нормах права следует определить виды субъектов парламентской ответственности в зависимости от учрежденных в парламенте структурных компонентов. Классификация структурных компонентов парламента [12] обеспечит единообразное применение санкций к субъектам ответственности.

Систематизация структурных компонентов всех парламентов в России предлагается в качестве теоретической основы для правоприменительной практики механизма правового регулирования парламентской ответственности. Так, например, парламентская ответственность к председателю парламента как должностному лицу – «управленцу» может применяться в случае невыполнения им своих должностных обязанностей. Парламентская ответственность председателя комиссии (комитета) как должностного лица в составе парламента должна предусматриваться законодательством в двух направлениях: по отношению к парламенту и по отношению к составу комитета.

Структурные компоненты парламента представляют собой особый субъект коллегияльной парламентской ответственности. Парламенты являются коллегияльными органами, поэтому должно уделяться внимание проблеме их структурирования. Вопрос организации пар-

ламенты решается путем самоорганизации. От того, как устроен парламента, зависит эффективность законотворческой процедуры.

Особым субъектом парламентской ответственности является комитет палаты парламента. Именно здесь осуществляется основная законотворческая деятельность. Комиссии и комитеты во всех мировых парламентах структурированы и представляют самостоятельный социально-политический институт демократических парламента государств [13]. В федеральном парламенте России комитеты и комиссии учреждаются Конституцией РФ в качестве обязательного элемента (ст. 101). Правовой статус комитетов и комиссий детализирован в регламентах палат федерального парламента, но императивным является положение о структурировании комитетов и комиссий, исходя из политического плюрализма и равенства общественных объединений перед законом.

В региональных парламентах процедура формирования постоянных комитетов и комиссий юридически не закреплена на федеральном уровне, что обеспечивает реализацию принципа самоорганизации законодательных органов в региональной системе права. Процедура формирования комитетов и комиссий и их деятельность регламентируются специализированными законами о региональном законодательном органе, например законом Республики Бурятия от 19.04.1995 № 111-1 «О Народном Хурале Республики Бурятия». Реже встречаются специфические законы, например закон Республики Мордовия от 10.03.1995 № 62-1 «О комитетах и комиссиях Государственного Собрания Республики Мордовия». Но традиционным источником остается регламент (в Республике Дагестан, Кабардино-Балкарской Республике, Республике Татарстан и др.).

Парламентская ответственность комитета как основного структурного компонента характеризуется спецификой направления деятельности (отраслевой или функциональной направленности). Основная законотворческая деятельность осуществляется именно комитетом как структурным элементом парламента, поэтому парламентская ответственность становится ключевым компонентом механизма законотворчества комитета/комиссии. Так, например, предлагается оценить ответственность комитетов за их законотворческую деятельность по условию производительности их законотворчества [14].

Фракция является особым типом субъектов парламента, имеющим политическую окраску. Надо полагать, что при установлении на практике парламентской ответственности для фракции следует учитывать специфику ее ответственности перед партией, перед населением и перед парламентом.

Отдельное место в парламентской ответственности занимает установление ответственности парламентария как индивидуального вида ответственности. Некоторые доводы в пользу выделения индивидуальной парламентской ответственности отражены в исследованиях о статусах депутатов палаты федерального парламента [15], законодательного (представительного) органа субъекта РФ [16] и представительного органа местного самоуправления [17].

Применение данного типа парламентской ответственности обуславливает установление разновидности

субъектов. Субъектами индивидуальной парламентской ответственности являются должностные лица: депутаты Государственной Думы, члены Совета Федерации, депутаты законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ. Практическое применение парламентской ответственности усложняется принципом коллегиальности при принятии решения в отношении парламентария самим парламентом.

Депутат является важным структурным компонентом законотворческого процесса. Парламентарий в первую очередь ответственен перед политической партией, во фракции которой он состоит. Депутат лоббирует интересы политической партии. Указывается, что депутаты становятся объектом лоббирования [18]. Лоббирование осуществляется в интересах различных групп. Интересы народа должны обеспечить депутаты по принципу представительства. Эти интересы корреспондируют интересам политической партии, во фракции которой состоит депутат Государственной Думы.

Социальная природа парламентской ответственности парламентария проявляется на региональном уровне законотворчества. Так, при неисполнении депутатом своих непосредственных обязанностей может устанавливаться такая мера, как порицание (Закон Алтайского края от 04.12.2000 № 76-ЗС «О статусе депутата Алтайского краевого Законодательного Собрания»), обязательное информирование населения (Закон Республики Северная Осетия-Алания от 14.07.2008 № 34-РЗ «О статусе Депутата Парламента Республики Северная Осетия – Алания»). Ведущим фактором в социальном виде парламентской ответственности становится «императивный метод нравственного контроля населения в деятельности депутата» [19].

Парламентская ответственность в законотворческой деятельности характеризуется особенностями санкций. Традиционно ответственность депутата вызывает ассоциации с контролем со стороны народа за депутатами [20]. Установление требований к депутату является предпосылкой к применению ответственности. Ключевым средством осуществления законотворческой деятельности является формирование мнения у депутата относительно законопроекта. Результатом мыслительной деятельности депутата становится его голосование за или против законопроекта. Поэтому в число санкций в индивидуальной парламентской ответственности входит лишение депутата права на слово, например, по Регламенту Совета Федерации Федерального Собрания РФ.

Индивидуальная парламентская ответственность депутата проецируется на дисциплину всего парламента. Современное реформирование российского законодательства, касающегося ответственности парламентариев, диктует необходимость установления парламентской ответственности как правового института. Федеральным законом от 03.05.2016 № 140-ФЗ внесены изменения в ст. 4 Закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы, Федерального Собрания РФ». Закон предусматривает, что за 30 пропущенных заседаний парламентарий будет лишен полномочий за систематическое неисполнение своих обязанностей. К таким изменениям в правовом регулировании привели исследования в сфере парламентской ответственности как элемента повышения эффективности законотворческой деятельности.

Парламентская ответственность является фундаментом повышения эффективности законотворческой деятельности. Классификация структурных компонентов парламента позволит определить виды санкций на практике. Исследование парламентской ответственности даст возможность сформировать эффективную правовую базу по установлению норматива должного поведения в повседневной работе каждого структурного компонента парламента в сфере законотворчества. Для детализации содержания парламентской ответственности теоретические работы о видах субъектов парламентской ответственности будут полезны в практике законодательного регулирования парламентской ответственности в целях повышения эффективности законотворческих процедур в федеральном парламенте и в региональных законодательных органах.

Парламентская ответственность в законотворческой деятельности имеет ряд специфических черт и характеризуется определенной обособленностью от конституционной ответственности. Парламентская ответственность может быть заявлена как отдельный вид ответственности в теоретической модели существующих видов ответственности. Проявляющаяся специфика признаков парламентской ответственности в законотворческой деятельности позволит ей в перспективе занять достойное место и в теории права (наряду с конституционной, административной, гражданско-правовой и другими видами ответственности).

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Показано, что недостаточность развитости института парламентской ответственности требует детального изучения данной темы. Теоретические предложения по установлению парламентской ответственности являются важным элементом в осуществлении законотворческой деятельности.

На основании проведенного исследования автор приходит к выводам о необходимости:

- 1) разработки и правовой регламентации видовой классификации субъектов парламентской ответственности в целях упорядочения механизма осуществления законотворческих процедур в парламентах;
- 2) детализации содержания парламентской ответственности в практике законодательного регулирования;
- 3) усовершенствования парламентской ответственности в целях повышения эффективности законотворческих процедур в федеральном парламенте и в региональных законодательных органах власти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хабриева Т.Я. К вопросу о месте российского парламентского права в системе права // Парламентские процедуры: проблемы России и зарубежный опыт: материалы научной конференции. М.: МГУ, 2003. С. 20–29.
2. Дзыбова С.Г., Парасюк Е.А. К вопросу о конституционно-правовой ответственности в современном мире // Российская юстиция. 2018. № 5. С. 2–5.
3. Коновалова Л.Г. Разделение властей с четко обозначенными и реальными полномочиями парламента как признак парламентаризма // Российский юридический журнал. 2017. № 3. С. 39–54.

4. Денисов С.А. Общая теория имитации конституционного строя // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 3. С. 12–18.
5. Шульженко Ю.Л. Российская теория парламентаризма. М.: Юрлитинформ, 2018. 168 с.
6. Гранкин И.В. Основные признаки законодательных органов // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 5. С. 19–21.
7. Соколов К.Н. Парламентаризм. Опыт правовой теории парламентского строя. СПб.: Тип. Печатный труд, 1912. 440 с.
8. Попова Н.Ф. Совершенствование механизма обеспечения единого правового пространства РФ // Административное право и процесс. 2019. № 3. С. 24–29.
9. Коновалова Л.Г. Свободный мандат депутата как признак парламентаризма: вопросы конституционно-правовой теории // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 3. С. 58–63.
10. Чупилкина А.Ф. Конституционно-правовая ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления за результаты принятых экономических решений // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2019. № 2. С. 17–20.
11. Хаснутдинов Р.Р. Методология системного подхода к юридической ответственности. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2014. 172 с.
12. Фомичева О.А. Классификация субъектов парламентской ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 49–54.
13. Lawrence D.L., Davidson R.H. Parliamentary committees: Changing perspectives on changing institutions // The Journal of Legislative Studies. 1998. Vol. 4. № 1. P. 1–20.
14. Fasone Cr., Lupo N. Transparency vs. Informality in Legislative Committees: Comparing the US House of Representatives, the Italian Chamber of Deputies and the European Parliament // The Journal of Legislative Studies. 2015. Vol. 21. № 3. P. 342–359.
15. Авакьян С.А. Депутат: статус и деятельность. М.: Политиздат, 1991. 170 с.
16. Маркунин Р.С. Юридическая ответственность органов представительной власти и депутатов уровня субъекта Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 10. С. 39–41.
17. Малько А.В., Маркунин Р.С. Ответственность и наказание депутатов в современной России // Современное право. 2013. № 2. С. 41–44.
18. Германова Е.И. К вопросу о концепции проекта Федерального закона «О лоббистской (представительской) деятельности в Российской Федерации» // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 10. С. 77–80.
19. Окулич И.П., Конева Н.С. Депутатская этика в России. Челябинск: ИзЛИТ, 2013. 328 с.
20. Коврякова Е.В. Концепции представительных систем и их практическое воплощение в государственном механизме // Lex Russica. 2016. № 11. С. 77–90.
21. *materialy nauchnoy konferentsii*. Moscow, MGU Publ., 2003, pp. 20–29.
22. Dzybova S.G., Parasyuk E.A. On the issue of constitutional and legal responsibility in the modern world. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2018, no. 5, pp. 2–5.
23. Konovalova L.G. Separation of powers with clearly defined and factual powers of the parliament as a sign of parliamentarianism. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2017, no. 3, pp. 39–54.
24. Denisov S.A. The general theory of constitutional order imitation. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2018, no. 3, pp. 12–18.
25. Shulzhenko Yu.L. *Rossiyskaya teoriya parlamentarizma* [Russian theory of parliamentary system]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2018. 168 p.
26. Grankin I.V. Main features of legislative bodies. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2007, no. 5, pp. 19–21.
27. Sokolov K.N. *Parlamentarizm. Opyt pravovoy teorii parlamentskogo stroya* [Parliamentary system. The experience of legal theory of parliamentary system]. Sankt Petersburg, Tip. Pechatnyy trud Publ., 1912. 440 p.
28. Popova N.F. Improvement of the Mechanism of Assurance of the Common Legal Framework in the Russian Federation. *Administrativnoe pravo i protsess*, 2019, no. 3, pp. 24–29.
29. Konovalova L.G. Free deputy's mandate as an attribute of parliamentarism: issues of constitutional law theory. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie*, 2018, no. 3, pp. 58–63.
30. Chupilkina A.F. Constitutionally Acceptable Legal Responsibility of Local Self-Government Authorities and Officials for the Results of Economic Decisions Made. *Munitsipalnaya sluzhba: pravovye voprosy*, 2019, no. 2, pp. 17–20.
31. Khasnutdinov R.R. *Metodologiya sistemnogo podkhoda k yuridicheskoy otvetstvennosti* [The methodology of system approach to legal responsibility]. Samara, Samarskiy yuridicheskiy institut FSIN Rossii Publ., 2014. 172 p.
32. Fomicheva O.A. Classification of parliamentary liability subjects. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2017, no. 4, pp. 49–54.
33. Lawrence D.L., Davidson R.H. Parliamentary committees: Changing perspectives on changing institutions. *The Journal of Legislative Studies*, 1998, vol. 4, no. 1, pp. 1–20.
34. Fasone Cr., Lupo N. Transparency vs. Informality in Legislative Committees: Comparing the US House of Representatives, the Italian Chamber of Deputies and the European Parliament. *The Journal of Legislative Studies*, 2015, vol. 21, no. 3, pp. 342–359.
35. Avakyan S.A. *Deputat: status i deyatelnost* [Deputy: status and activity]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 170 p.
36. Markunin R.S. Legal responsibility of the representative government bodies and the deputies of a constituent entity of the Russian Federation. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2012, no. 10, pp. 39–41.
37. Malko A.V., Markunin R.S. Liability and Punishment of Deputies in Contemporary Russia. *Sovremennoe pravo*, 2013, no. 2, pp. 41–44.

REFERENCES

1. Khabrieva T.Ya. To the issue of the role of Russian parliamentary law in the system of law. *Parlamentskie protsedury: problemy Rossii i zarubezhnyy opyt:*

18. Germanova E.I. On the concept of a draft federal law on lobbying (representational) activities in the Russian Federation. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2018, no. 10, pp. 77–80.
19. Okulich I.P., Koneva N.S. *Deputatskaya etika v Rossii* [Deputy Ethics in Russia]. Chelyabinsk, IzLiT Publ., 2013. 328 p.
20. Kovryakova E.V. Concepts of Representative Systems and their Practical Implementation in the System of Government. *Lex Russica*, 2016, no. 11, pp. 77–90.

PARLIAMENTARY RESPONSIBILITY IN LEGISLATION

© 2019

O.A. Fomicheva, PhD (Law), Associate Professor
Orsk Institute of Humanities and Technology (branch) of Orenburg State University, Orsk (Russia)

Keywords: parliamentary responsibility; legislation; parliamentary responsibility entities; parliamentary law; responsibility of a member of parliament.

Abstract: The paper studies the issue of parliamentary responsibility development as a constitutional and legal institution in the system of constitutional law science. The purpose of the paper is to identify the types of parliamentary responsibility entities as the key element when determining the legislative process mechanism. The relevance of the study of the issue of parliamentary responsibility is caused by the necessity to improve the quality of the legislation process. The international experience of parliamentary system development causes the necessity to research the legal status of parliamentary responsibility entities as an element of the legislative process.

The author carried out the theoretical and legal research of parliamentary responsibility as an element of the legislative process. At the current stage of development of legal theory, the parliamentary responsibility has not received its recognition and finds its practical rationale within the frames of political responsibility, responsibility in constitutional delict and disciplinary responsibility of a deputy. The study of the practice of legal regulation on structuring the chambers of federal parliament and regional parliaments allowed formulating the types of parliamentary responsibility entities. The author's suggestions on the differentiation of the parliamentary responsibility types will promote the legislation. The prospects of establishing parliamentary responsibility are proved as the key basics of legal regulation of the legislation process.

The author identified the causes of insufficient development of the parliamentary responsibility institution. Thus, the lack of distinct characteristics of the parliament entities (collegial and individual structural components of parliament) hinders the development of a legal basis for the establishment of parliamentary responsibility measures what causes the uncertainty in the establishment of parliamentary responsibility at various stages of the legislative process.

The author concluded the necessity of the development and legal regulation of type classification of the parliamentary responsibility entities to regulate the mechanism of legislative procedures implementation in parliaments.

НАШИ АВТОРЫ

Воробьева Ольга Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой «Предпринимательское и трудовое право».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: (8482) 53-94-11

E-mail: Olga80_tlt@mail.ru

Гогин Александр Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Предпринимательское и трудовое право».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: (8482) 53-94-11

E-mail: Olga80_tlt@mail.ru

Добкач Леонид Яковлевич, студент кафедры ИУ8 «Информационная безопасность».

Адрес: Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет), 105005, Россия, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, 5.

Тел.: (499) 263-18-99

E-mail: dobkachleo@mail.ru

Дулгер Артем Вячеславович, преподаватель кафедры «Теория и история государства и права».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 16.

Тел.: +7 987 964-59-97

E-mail: dulger.law@bk.ru

Забурдаева Кристина Александровна, преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: 8 937 237-77-33

E-mail: kris.alexandrovna1992@yandex.ru

Кондратюк Сергей Викторович, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс» Института права.

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.

Тел.: 8 927 774-09-11

E-mail: kondratyuk.serzh@mail.ru

Мединовская Дарья Николаевна, магистрант кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: 8 927 020-29-23

E-mail: daryafirsss@yandex.ru

Мурузиди Алексей Викторович, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс» Института права.

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: 8 964 967-64-72

E-mail: muruzidi72@mail.ru

Полякова Юлия Алексеевна, преподаватель кафедры «Предпринимательское и трудовое право».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.

Тел.: 8 927 897-64-78

E-mail: ua.polyakova@yandex.ru

Савельев Юрий Михайлович, старший преподаватель кафедры «Конституционное и административное право».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.

Тел.: 8 927 610-15-49

E-mail: yusproc@gmail.com

Савельева Ольга Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: 8 902 322-73-88

E-mail: saveleva_olga@mail.ru

Сергеев Алексей Викторович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Гражданское право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

E-mail: aleksergeev@yandex.ru

Степанова Вера Владимировна, старший преподаватель кафедры «Теория и история государства и права».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.

E-mail: yusproc@gmail.com

Тарапанова Елена Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры ИУ10 «Защита информации».

Адрес: Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет), 105005, Россия, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, 5.

Тел.: (499) 263-65-24

E-mail: elena1t@mail.ru

Фомичева Ольга Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент.

Адрес: Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) Оренбургского государственного университета (ОГТИ), 462401, Россия, г. Орск, пр-т Мира, 15а.

Тел.: (3537) 23-65-80

E-mail: olga-fomicheva@mail.ru

OUR AUTHORS

Dobkach Leonid Yakovlevich, student of Chair IU8 “Information security”.
Address: Bauman Moscow State Technical University (National Research University),
105005, Russia, Moscow, 2-nd Baumanskaya Street, 5.
Tel.: (499) 263-18-99
E-mail: dobkachleo@mail.ru

Dulger Artem Vyacheslavovich, lecturer of Chair “Theory and History of State and Law”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 16.
Tel.: +7 987 964 59-97
E-mail: dulger.law@bk.ru

Fomicheva Olga Anatolyevna, PhD (Law), Associate Professor.
Address: Orsk Institute of Humanities and Technology (branch) of Orenburg State University,
462401, Russia, Orsk, Prospect Mira, 15a.
Tel.: (3537) 23-65-80
E-mail: olga-fomicheva@mail.ru

Gogin Aleksandr Aleksandrovich, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor of Chair “Business and Labor Law”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: (8482) 53-94-11
E-mail: Olga80_tlt@mail.ru

Kondratyuk Sergey Viktorovich, senior lecturer of Chair “Criminal Law and Process” of Institute of Law.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: 8 927 774-09-11
E-mail: kondratyuk.serzh@mail.ru

Medinovskaya Darya Nikolaevna, graduate student of Chair “Criminal Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: 8 927 020-29-23
E-mail: daryafirsss@yandex.ru

Muruzidi Aleksey Viktorovich, senior lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure” of Institute of Law.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: 8 964 967-64-72
E-mail: muruzidi72@mail.ru

Polyakova Yuliya Alekseevna, lecturer of Chair “Business and Labour Law”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: 8 927 897-64-78
E-mail: ua.polyakova@yandex.ru

Savelyev Yuriy Mikhailovich, senior lecturer of Chair “Constitutional and Administrative Law”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: 8 927 610-15-49
E-mail: yusproc@gmail.com

Savelyeva Olga Yurievna, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: 8 902 322-73-88
E-mail: saveleva_olga@mail.ru

Sergeev Aleksey Viktorovich, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair “Civil Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: aleksergeev@yandex.ru

Stepanova Vera Vladimirovna, senior lecturer of Chair “Theory and History of State and Law”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
E-mail: yusproc@gmail.com

Tarapanova Elena Aleksandrovna, PhD (Philosophy), assistant professor of Chair IU10 “Information protection”.
Address: Bauman Moscow State Technical University (National Research University),
105005, Russia, Moscow, 2-nd Baumanskaya Street, 5.
Tel.: (499) 263-65-24
E-mail: elena1t@mail.ru

Vorobyova Olga Aleksandrovna, PhD (Pedagogy), Associate Professor, Head of Chair “Business and Labor Law”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: (8482) 53-94-11
E-mail: Olga80_tlt@mail.ru

Zaburdaeva Kristina Aleksandrovna, lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: 8 937 237-77-33
E-mail: kris.alexandrovna1992@yandex.ru